О НАСЛѢДСТВѢ БЕЗЪ ЗАВѢЩАНІЯ,

ПО ДРЕВНИМЪ

РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ,

ДО УЛОЖЕНІЯ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

Ив. Бѣляева.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1858.

3-2 экз.

10

105
37

По опредѣленію юридическаго Факультета Императорскаго Московскаго Университета печатать позволяется. Апрѣля 26 дня, 1858 года.

Деканъ С. Баршевъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ О НАСЛѢДСТВѢ ВООБЩѢ.

Дѣти обыкновенно бываютъ похожи на родителей, это общій законъ природы, и онъ распространяется даже на послѣдующее потомство. Наслѣдственныя фамильныя черты, какъ въ наружности, такъ и въ характерѣ, сохраняются весьма долго; такъ что не рѣдко по одной физіономіи мы безошибочно говоримъ, что такой-то долженъ быть родственникъ такому то, что такой то изъ такой то фамиліи. Эта наслѣдственность въ наружныхъ чертахъ и въ характерѣ идетъ постепенно: дѣти обыкновенно имѣютъ болѣе сходства съ родителями, внуки, племянники, двоюродные братья уже менѣе сходны съ дядьями, дѣдами и двоюродными братьями, послѣдующія поколѣнія еще менѣе представляютъ сходства другъ съ другомъ, но впрочемъ иногда родовыя фамильныя черты удерживаются въ продолжительномъ ряду поколѣній, даже нѣсколько вѣковъ, какъ можно судить по инымъ фамильнымъ портретамъ. Таковое постоянство въ удерживаніи фамильнаго сходства, какъ въ наружности, такъ и въ душевныхъ качествахъ, ясно даетъ знать, что наслѣдственность принадлежитъ къ экономическимъ законамъ природы, что по природѣ дѣти должны быть продолженіемъ существованія родителей, что поколѣнія замѣняютъ одно другое не по одной преемственности во времени, но и потому что послѣдующее поколѣніе есть продолженіе предъидущаго, представитель его наружныхъ и внутреннихъ качествъ, усовершенствованный или представляющій упадокъ, смотря потому развивается ли поколѣніе, или вырождается и постепенно вымираетъ. Для поддержанія этого экономическаго закона природа дала родителямъ особенную любовь къ дѣтямъ. Родители именно смотрятъ на дѣтей, какъ на продолженіе самихъ

себя, и заботятся о нихъ какъ о самихъ себѣ и даже больше. Это значеніе дѣтей, какъ продолженія родителей, особенно замѣтно въ народахъ первобытныхъ, у которыхъ неимѣть дѣтей считалось величайшимъ несчастіямъ, божескимъ гнѣвомъ; такъ что по закону Евреевъ братъ умершаго бездѣтнымъ обязывался взять его жену, чтобы возстановить семя брата, т. е. чтобы братъ не изчезъ на землѣ безслѣднымъ, чтобы онъ продолжалъ существовать хотя въ подставныхъ дѣтяхъ. [1] Туже цѣль мы видимъ у Римлянъ въ законѣ усыновленія, здѣсь также бездѣтный ищетъ средства продолжить свое существованіе и по смерти, хотя въ чужихъ дѣтяхъ, онъ такъ сказать воплощаетъ свою гражданскую личность въ усыновляемомъ, переноситъ на него свои права и обязанности, старается его уподобить себѣ, передать ему свои наслѣдственныя родовыя черты, поколику возможна эта передача въ подставномъ непатуральномъ уподобленіи.

Родители видя въ дѣтяхъ продолженіе себя, свое подобіе, желаютъ, чтобы дѣти были подобны имъ не по однимъ природнымъ качествамъ; но и уподоблялись бы имъ по своему состоянію, чтобы при жизни родителей пользовались ихъ фамильными правами, а по смерти заступали ихъ мѣсто, представляли ихъ во владѣніи имуществомъ. А какъ природное наслѣдство, родовыя наслѣдственныя черты удерживаются не только въ дѣтяхъ, но и въ дальнѣйшемъ потомствѣ; отсюда и наслѣдственныя права на имущество переходятъ, за недостаткомъ на лицо дѣтей, на внуковъ, на дальнѣйшее потомство и на боковыхъ родственниковъ той же фамиліи, той же крови, ибо и въ нихъ по природѣ удерживаются наслѣдственныя фамильныя черты, и таковое уподобленіе по правамъ на имущество продолжается до прекращенія, вырожденія фамиліи, рода. [2] Но какъ

---

[1] Отсюда понятна исторія дѣтей Іуды. Когда умеръ бездѣтнымъ Іудинъ первенецъ Иръ, и Іуда по обычаю приказалъ второму сыну Аинану взять жену Ирову, чтобы возстановить семя брата; то Аинанъ несогласился дать семени брату своему. Поступокъ Аинана прямо говоритъ, что у первобытныхъ людей любовь къ дѣтямъ происходила отъ того, что они видѣли въ нихъ продолженіе себя, Аинанъ потому именно не хотѣлъ дѣтей отъ Ѳамари жены Ировой, что дѣти сіи были бы дѣтьми Ира, какъ прямо сказано у Моисея: *еже не дати семени брату.*» (Быт. гл. 28 ст. 9.)

[2] Конечно въ правѣ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ кромѣ крови, фамильнаго сходства, есть много другихъ чисто имущественныхъ началъ,

въ природѣ уподобленіе преимущественно идетъ по прямой низходящей линіи, отъ родителей къ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и далѣе, у боковыхъ же родственниковъ фамильныя черты удерживаются слабѣе; точно также и въ правѣ на имущество уподобленіе идетъ по прямой низходящей линіи, и только въ случаѣ прекращенія прямой линіи переходитъ къ боковымъ родственникамъ.

Уподобленіе дѣтей родителямъ и потомства предкамъ, утвержденное природою въ родовыхъ фамильныхъ чертахъ, и подтвержденное родительскою любовію къ дѣтямъ и потомству, получаетъ силу закона и въ гражданскомъ обществѣ, въ государствѣ. Общество, признавая природное уподобленіе и узаконяя права родительской любви, также признаетъ дѣтей и потомство продолженіемъ и представителями родителей и предковъ въ личныхъ фамильныхъ правахъ и въ имущественныхъ. Личное уподобленіе въ правахъ состоянія общество узаконяетъ за дѣтьми еще при жизни родителей, сынъ дворянина признается уже дворяниномъ съ самаго рожденія; имущественныя же права переходятъ къ дѣтямъ только по смерти родителей, или когда родители почему либо перестаютъ быть способными владѣть имуществомъ, впрочемъ гражданскій законъ неограничиваетъ воли родителей въ передачѣ сихъ правъ и при жизни и при полной способности. Такимъ образомъ является три рода наслѣдства: 1-е природное, состоящее въ уподобленіи дѣтей родителямъ по наружности и по характеру; 2-е общественное или государственное заключающееся въ распространеніи фамильныхъ правъ родителей на дѣтей; и 3-е гражданское, по которому имущества и имущественныя права и обязанности переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ. До насъ въ настоящее время касается собственно третій родъ наслѣдства, а потому мы къ нему теперь и обратимся.

Гражданскій родъ наслѣдства у разныхъ народовъ принимается разно; но всѣ разности подходятъ подъ двѣ главныя категоріи, состоящія въ томъ, какое какой народъ имѣетъ воззрѣніе на уподобленіе дѣтей родителямъ, т. е. простираетъ ли уподобленіе на всѣхъ дѣтей, подражая природѣ, или желаетъ видѣть полное подобіе родителямъ въ одномъ сынѣ, первенцѣ. При первомъ воззрѣніи всѣ дѣти должны получать наслѣдство поровну; по второму же представленію старшій сынъ, первенецъ, вполнѣ замѣняетъ отца, и чтобы ближе

но это уже начала производныя, проистекающія изъ кровнаго начала, или начала искуственныя порожденныя устройствомъ того или другаго общества.

уподобиться ему, становится главнымъ наслѣдникомъ, меньшихъ же братьевъ или оставляетъ въ семействѣ на томъ же положеніи, на какомъ они были при отцѣ, или отпускаетъ ихъ изъ семейства выдѣляя меньшія части изъ отцовскаго имѣнія. По естественному порядку первый способъ наслѣдованія должно признать древнѣйшимъ; но исторія свидѣтельствуетъ противное. У древнѣйшихъ народовъ, съ тѣхъ поръ, какъ дошли о нихъ свѣдѣнія, постоянно является господствующимъ способъ наслѣдованія по второму воззрѣнію, т. е. главнымъ наслѣдникомъ является старшій сынъ, первенецъ. Такъ напримѣръ у Евреевъ Исаакъ благословляя Іакова, какъ первенца, говоритъ ему: «буди господинъ брату твоему, и поклонятся тебѣ сыновe отца твоего, проклинаяй тя проклятъ, благословляй же тя благословенъ.» и какъ бы въ утвержденіе законности своихъ словъ, говоритъ любимцу своему Исаву: «аще господина его (Іакова) сотворихъ тебѣ, и всю братію его сотворихъ рабы ему, пшеницею и виномъ утвердихъ его; тебѣ же что сотворю чадо.» (быт. глав. 27 ст. 29, 37.) Здѣсь Исаакъ ясно говоритъ, что главнымъ наслѣдникомъ, представителемъ отца, могъ быть только одинъ старшій сынъ, первенецъ, а остальные сыновья должны повиноваться ему какъ господину.

Причина таковаго извращенія естественнаго порядка наслѣдованія очевидно заключается въ томъ, что первобытные народы въ то время, какъ застаетъ ихъ исторія, жили въ родовомъ бытѣ, по которому каждый родъ признается самостоятельнымъ отдѣльнымъ отъ другихъ родовъ; по сему, чтобы осуществить эту самостоятельность и отдѣльность рода, прежде всего должно дать ему такое лицо, которое бы по смерти родоначальника было его представителемъ, старѣйшиною рода; вотъ эта то причина, родовое устройство, и была главнымъ побужденіемъ сосредоточить уподобленіе родоначальника на старѣйшемъ его сынѣ, первенцѣ. Главная забота людей живущихъ въ родовомъ бытѣ, чтобы родъ не смѣшивался съ другими, чтобы постоянно сохранялъ свои родовыя черты, чтобы онъ былъ постоянно чѣмъ то цѣлымъ, чтобы и по смерти родоначальника оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ при немъ, т. е. имѣлъ представителя рода, старѣйшину, по возможности подобнаго родоначальнику. По этому естественно, что въ первобытныхъ обществахъ, живущихъ въ родовомъ бытѣ, представленіе о полномъ уподобленіи отцу должно было прежде всего сосредоточиться на первенцѣ, на старшемъ сынѣ. Первенецъ вполнѣ заступалъ мѣсто

отца, родоначальника, и младшіе должны были ему клапяться, слушать его, какъ слушали отца, быть его рабами, какъ сказалъ Исаакъ Іакову: «буди господинъ брату твоему и поклонятся тебѣ сынове отца твоего» Тутъ даже нѣтъ мѣста для дѣлежа наслѣдства, а могутъ быть только одни выдѣлы младшихъ братьевъ изъ рода, въ слѣдствіе не согласій, ссоръ; и тогда выдѣленный дѣлается новымъ родоначальникомъ, и въ его родѣ опять повторяется тоже, что было и въ первомъ родѣ, изъ котораго онъ вышелъ, т. е. по смерти новаго родоначальника вполнѣ заступаетъ его мѣсто старшій сынъ, и это старѣйшинство постоянно остается за его поколѣніемъ до прекращенія рода. Такъ напримѣръ Моисей, говоря о потомствѣ Исава, постоянно въ родѣ каждаго Исавова сына отмѣчаетъ старѣйшинъ «Сынове Елисафа, первенца Исавля, старѣйшина Θеманъ, старѣйшина Омаръ, старѣйшина Софаръ, старѣйшина Кенезъ, старѣйшина Корей, старѣйшина Гоѳамъ, старѣйшина Амаликъ; сіи старѣйшины Елисафа въ земли Идумейстей. Сыновѣ Рагуила сына Исавля: старѣйшина Нахоѳъ, старѣйшина Заре, старѣйшина Соме, старѣйшина Мозе; сіи старѣйшины Рагуиловы въ земли Едомстей. (быт. глав. 36 ст. 15, 16, 17.)

Этотъ порядокъ наслѣдованія иногда удерживается въ обществѣ даже и въ то время, когда оно изъ родоваго быта переходитъ въ государственный; такъ на примѣръ въ Англіи до сихъ поръ дѣйствуетъ маіоратъ въ аристократическихъ фамиліяхъ. Но у Англичанъ теперь главная забота не о родахъ, а только о представителяхъ родовъ, чтобы историческія имена родовъ всегда имѣли сильныхъ богатыхъ представителей, чтобы знатности имени соотвѣтствовали и средства; о самомъ же родѣ, о его членахъ, общество прямо и незаботится, они предоставляются непосредственно попеченію своихъ богатыхъ и знатныхъ родственниковъ. Здѣсь подъ старою родовою формою скрывается идея не родоваго, а государственнаго быта, и родовая форма держится только какъ привычное историческое воспоминаніе. Здѣсь законъ заботится собственно не о родахъ, а о равновѣсіи силъ въ государствѣ, чтобы имѣть всегда въ запасѣ могущество знатности и богатства противъ напора толпы. Англійскій законъ всегда готовъ раздвинуть древніе аристократическіе роды для помѣщенія среди ихъ новыхъ родовъ, своими талантами и благотворною общественною дѣятельностію выдвинувшихся изъ народной толпы. Талантливый и дѣятельный на государственномъ поприщѣ сынъ фабриканта или конторщика включается въ число наслѣдственныхъ лордовъ съ своимъ потомствомъ по прямой

низходящей линіи въ лицѣ старшихъ сыновей, и пользуется тѣми же правами, какъ и аристократъ старинныхъ историческихъ родовъ. Это явный знакъ, что въ маіоратѣ у Англичанъ подъ старою родовою формою скрывается чисто государственная идея.

Но совсемъ иная форма наслѣдованія, иное возрѣніе на уподобленіе дѣтей родителямъ, дѣйствуетъ въ обществахъ, гдѣ родовый бытъ въ слѣдствіе историческихъ причинъ рано разложился, гдѣ мѣсто рода заступила община. Здѣсь наслѣдованіе принимаетъ форму естественнаго уподобленія дѣтей родителямъ, т. е. всѣ дѣти получаютъ одинаковыя права въ наслѣдованіи родительскаго имущества и уже по самому рожденію всѣ пользуются правами состоянія своихъ родителей; здѣсь наслѣдственное имѣніе поступаетъ въ ровный раздѣлъ между дѣтьми. [1] Въ общинномъ бытѣ роды уже не имѣютъ своего прежняго значенія, общество только знаетъ семьи, и нисколько не вмѣшивается, нисколько непрепятствуетъ, ежели семьи дробятся, ежели дѣти по смерти родителей дѣлятся между собою; но также непротиворѣчитъ и тому, ежели дѣти по смерти родителей живутъ нераздѣляясь; община все сіе предоставляетъ естественному теченію, и одинаково узаконяетъ и раздѣлъ наслѣдства и общее владѣніе нераздѣльной семьи, она только требуетъ, чтобы при раздѣлѣ всѣ дѣти получали равныя доли, ибо всѣхъ дѣтей признаетъ одноправными въ наслѣдованіи послѣ отца. Таковый взглядъ на право наслѣдованія мы видимъ въ Римѣ, у Франковъ, у Скандинавовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, и между прочимъ у нашихъ братій—Славянъ и у насъ на Руси. Конечно у всѣхъ сихъ народовъ право наслѣдованія далеко не одинаково въ своемъ развитіи. но тѣмъ не менѣе взглядъ на предметъ одинъ,—естественное распространеніе уподобленія родителямъ на всѣхъ дѣтей, допущеніе раздѣла наслѣдства между наслѣдниками по ровнымъ долямъ, и естественно вытекающее отсюда право полнаго завѣщанія съ назначеніемъ полноправныхъ наслѣдниковъ (institutio haeredis). Завѣщаніе хотя допускается и при первомъ возрѣніи на наслѣдство, когда полнымъ наслѣдникомъ признается одинъ только старшій сынъ, первенецъ; но тамъ завѣщаніе ограничивается правомъ первенца: родитель можетъ

---

[1] Община признаетъ, и то не всегда, одно только различіе между дѣтьми въ наслѣдованіи отцовскимъ имуществомъ, различіе пола, т. е. даетъ преимущество сыновьямъ, а дочерей или вовсе недопускаетъ къ наслѣдованію, или признаетъ ихъ наслѣдницами только въ случаѣ неимѣнія сыновей.

только выдѣлять что либо остальнымъ дѣтямъ и дѣлать другія распоряженія, но уже неимѣетъ права другимъ дѣтямъ сообщать полныхъ правъ наслѣдника, которыя нераздѣльно принадлежатъ первенцу по самому закону, мимо воли родителя. Такъ Исаакъ, утвердивши первенцомъ Іакова, говоритъ любимцу своему Исаву: «аще Іакова господина сотворихъ тебѣ, и всю братію его сотворихъ рабы ему.... тебѣ что сотворю чадо.» При второмъ же воззрѣніи на слѣдство для завѣщателя нѣтъ ограниченій; онъ можетъ написать себѣ наслѣдникомъ кого хочетъ, даже иногда мимо своихъ дѣтей. Конечно не у всѣхъ народовъ, держащихся настоящаго воззрѣнія, завѣщатель имѣетъ одинаковыя права относительно свободы завѣщанія; тѣмъ не менѣе онъ уже неограничивается неотъемлемымъ правомъ старшаго сына.

Теперь рождается вопросъ, которое наслѣдованіе старше, по закону или по завѣщанію? Прямыхъ историческихъ указаній на это нѣтъ; но не противорѣча истинѣ должно допустить, что наслѣдованіе по завѣщанію должно было явиться прежде наслѣдованія по закону. Ибо съ одной стороны естественно, что первопачально законъ долженъ былъ образоваться изъ обычая, а начало обычая, наслѣдовать такъ или иначе, не могло иначе образоваться какъ изъ завѣщаній постоянно совершаемыхъ подъ вліяніемъ одинаковаго воззрѣнія на право наслѣдованія. Съ другой стороны даже въ настоящее время наслѣдованіе по закону открывается только въ случаѣ неимѣнія завѣщанія, когда тотъ, кто долженъ былъ сдѣлать завѣщаніе, умеръ внезапно, или вдали отъ своихъ, которые бы могли передать его послѣднюю волю наслѣдникамъ. Обычай и законъ общества беретъ подъ свою защиту дѣтей умершаго и заботится о правѣ ихъ наслѣдованія только тогда, когда самъ родитель не успѣлъ сдѣлать распоряженія о своихъ дѣтяхъ. При самомъ господствѣ родоваго быта благословеніе умирающаго родоначальна было необходимо для утвержденія его преемника, хотя это благословеніе по непреклонному обычаю неизмѣнно передавалось старшему сыну, и воля завѣщателя не могла идти противъ обычая; притомъ кромѣ назначенія наслѣдника завѣщатель и въ родовомъ бытѣ могъ дѣлать разныя распоряженія на случай своей смерти, и благословивши старшаго въ свои преемники, онъ благословлялъ и младшихъ, какъ подручниковъ старшаго. Такъ Исаакъ благословляя Іакова, какъ первенца, благословилъ и Исава и сказалъ ему: «отъ тука земли вселеніе твое и отъ росы

небесныя свыше, и мечемъ твоимъ жити будеши и брату твоему поработаеши» (быт. гл. 27 ст. 39).

О наслѣдствѣ по закону до принятія Русскими Христіанства.

Указавши на общее значеніе наслѣдства у разныхъ народовъ, теперь обратимся къ развитію права наслѣдованія на Руси, сравнивая его по мѣрѣ надобности съ правомъ наслѣдованія у другихъ народовъ и преимущественно Славянскихъ. Первое извѣстіе о порядкѣ наслѣдованія въ Русскихъ памятникахъ встрѣчается подъ 912 годомъ; [1] въ договорѣ Олега съ Греками сказано: «О работающихъ въ Грецѣхъ Руси у Хрестьянскаго царя, аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възвратить имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь; аще ли сътворить обряженіе, таковый възметъ уряженное ему, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣньс, да наслѣдитъ е.» (Лавр. лѣт. стр. 15) Такимъ образомъ въ первомъ же столѣтіи отъ образованія Рускаго государства мы встрѣчаемъ извѣстіе о Рускомъ законѣ наслѣдованія. Въ этомъ извѣстіи намъ представляются два вида наслѣдованія, наслѣдованіе по завѣщанію и наслѣдованіе по закону безъ завѣщанія, съ прямымъ указаніемъ, что наслѣдованіе втораго вида допускается только за неимѣніемъ завѣщанія. Теперь разберемъ то и другое наслѣдованіе, поколику это допускаетъ настоящее извѣстіе.

Наслѣдованіе по завѣщанію, какъ свидѣтельствуетъ статья договора, совершенно зависѣло отъ воли завѣщателя: «кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е.» Здѣсь прямо говорится, что завѣщатель ни чѣмъ не стѣснялся въ назначеніи наслѣдника, онъ могъ назначить лицо вовсе неродное для себя, могъ назначить и родственника ближняго и дальняго, могъ назначить нѣсколько наслѣдниковъ. [2] Сіи права

---

[1] Извѣстія Арабскихъ писателей X, XIII, XIV и XV столѣтій, о порядкѣ наслѣдованія у Руссовъ, или слишкомъ частны, т. е. относятся къ одному какому либо племени жившему на Руси, или очень неопредѣленны и поверхностны, или явно ложны, но вообще прямо не согласны съ общимъ порядкомъ наслѣдованія засвидѣтельствованнымъ Русскими памятниками; а посему я не нахожу нужнымъ приводить ихъ въ настоящемъ изслѣдованіи.

[2] Конечно завѣщатель въ древнее время хотя ничѣмъ нестѣснялся въ назначеніи наслѣдника, но по непреклонному обычаю тѣмъ не менѣе онъ въ своемъ завѣщаніи никогда необходилъ ближайшихъ наслѣдниковъ. Такъ это было у насъ, у Римлянъ и у другихъ народовъ; обычай, эта юри-

завѣщателя нѣсколько сходны съ правами предоставленными ему въ Римскомъ законодательствѣ, гдѣ также завѣщатель не былъ стѣсняемъ въ назначеніи наслѣдника; впрочемъ это нестѣсненіе завѣщателя по Римскому праву отнюдь не относится ко времени написанія Олегова договора, т. е. къ X вѣку, въ это время въ Византіи было уже нѣсколько ограниченій власти завѣщателя; слѣдовательно неограниченное право завѣщателя по Олегову договору немогло быть заимствовано изъ Византійскаго законодательства, и при томъ право завѣщателя выраженное въ Олеговомъ договорѣ частію согласно съ Рускою правдою; гдѣ сказано:» Аже кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтемъ на томъ же стояти.» Ясно что и въ Олеговомъ договорѣ и въ Рускій правдѣ слышится одинъ и тотъ же чисто Рускій, а не заимствованный, законъ.

Конечно у прочихъ Славянъ, также у Скандинавовъ и Германцовъ мы находимъ большею частію разныя ограниченія воли завѣщателя въ назначеніи наслѣдниковъ; такъ напримѣръ въ статутѣ Славянскаго города Зары власть родительская въ завѣщаніяхъ и при отдѣленіи дѣтей была ограничена: такъ отецъ не могъ дать дочери въ приданое болѣе законной части, или одному сыну десятью процентами болѣе нежели другому. (Рейца объ устройствѣ прибрежныхъ острововъ и город. Далмаціи. стр. 155) Или въ древнихъ Чешскихъ законахъ, Prawa Zrzizenij, свобода завѣщанія ограничивалась только движимымъ имуществомъ: Nabytky klenoty, notowe penize, muze otec po swe smrti dati a odhazaci komuz bude chtiti (Іосифа Губе истор. древ. наслѣд. права у Славянъ. стр. 74.) Или въ законахъ Карла великаго хотя и допускалось свободное назначеніе наслѣдника, но только въ случаѣ не имѣнія сына, и притомъ не иначе какъ публично передъ графомъ, или государемъ, или передъ скабинами и вообще передъ лицомъ, которому на то время поручено право суда въ провинціи (Carol. mag. leg. Cap. XCIV). Но въ тоже время въ иныхъ законодательствахъ Западной Европы завѣщателю предоставляется полная свобода въ назначеніи наслѣдниковъ; такъ въ законѣ Англовъ и Вериновъ сказано: [1] свободный человѣкъ имѣетъ право передать свое

дическая совѣсть, въ юномъ обществѣ всегда дѣйствуетъ сильно и не терпитъ отступленій.

[1] Lex Agl. et Werin. Titul. XIII. «Libero homini liceat hereditatem suam cui voluerit tradere. (Corp. juris. German. antiqui. G. Hejneccij. pag. 452.)

наслѣдство кому хочетъ. Или въ законахъ Ліутпранда Лонгобардскаго, каждый Лонгобардъ свободно можетъ завѣщать свое имѣніе безъ ограниченій. [1] Но сходство или не сходство съ чуждыми законами древняго Русскаго закона, о правѣ завѣщателя свободно распоряжаться назначеніемъ наслѣдниковъ, еще не указываетъ на заимствованіе, а только свидѣтельствуетъ объ одинаковости или неодинаковости взгляда на этотъ предметъ въ разныхъ законодательствахъ; заимствованіе дозволительно предполагать только тогда, когда оно условливается связями одного народа съ другимъ, за свидѣтельствованными исторіею Такъ на примѣръ статутъ Славянскаго города Зары, ограничивающій волю завѣщателя, явно заимствованъ изъ Италіи, съ которою Зара находилась въ тѣсныхъ сношеніяхъ, засвидѣтельствованныхъ исторіею.

Наслѣдство по закону за неимѣніемъ завѣщанія, по свидѣтельству Олегова договора, переходитъ къ родственникамъ умершаго, повидимому безъ означенія степени родства: «аще кто умретъ неурядивъ своего имѣнія, ци и своихъ неимать, да възратить имѣніе къ малымъ ближикамъ на Русь.» Но при внимательномъ взглядѣ на эту статью и по соображенію ея съ послѣдующимъ русскимъ законодательствомъ оказывается, что здѣсь законъ признавалъ наслѣдниками не всѣхъ родственниковъ и не во всѣхъ степеняхъ родства, а только въ низходящей степени, и именно ближайшихъ, т. е. дѣтей и внуковъ. Статья гласитъ *малымъ ближикамъ*; слѣдовательно прямо указываетъ на низходящихъ, на дѣтей и внуковъ; [2] въ противномъ случаѣ вмѣсто малыхъ ближиковъ стоялъ бы родъ или племя, чѣмъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ обозначается все родство, цѣлая

---

[1] Si quis liber Longobardus, ut habet casus humanae fragilitatis, aegrotaverit, quamquam in lectulo jaceat, potestatem habeat, dum vivit, et recte loqui poterit, pro anima sua judicandi, vel disponendi de rebus suis, quomodo aut qualiter voluerit; et quod judicaverit stabile debeat permanere» (ibid pag 1030)

[2] Толкованіе словъ *малые ближики*, принятое мною, вполнѣ согласно съ послѣдующимъ Рускимъ законодательствомъ и прямо съ Рускою правдою, которая признаетъ законными наслѣдниками только низходящихъ родственниковъ, именно сыновей и, за неимѣніемъ ихъ, дочерей, а отнюдь не возходящихъ родственниковъ и боковыхъ Въ Руской правдѣ прямо сказано, что ежели послѣ смерда не останется сыновей, то наслѣдство переходитъ къ князю; слѣдовательно, по прямому указанію Руской правды, подъ выраженіемъ *малыхъ ближиковъ* должно разумѣть не всѣхъ родственниковъ, а только дѣтей, и можетъ быть внуковъ. И тѣмъ болѣе мы не можемъ при-

фамилія Такимъ образомъ по договору Олега наслѣдниками по Рускому закону X столѣтія призывались только низходящіе, дѣти, внуки и правнуки, а отнюдь не все родство; право наслѣдства ограничивалось только однимъ семействомъ, и за неимѣніемъ семейства, оставшееся послѣ покойнаго имѣніе признавались выморочнымъ, ежели умершимъ неоставлено завѣщанія.

Тотъ же порядокъ мы находимъ и въ другихъ древнѣйшихъ законодательствахъ Славянскихъ. Такъ по уставной грамотѣ Отокара Богемскаго, данной Брунской области въ 1229 году, оказывается, что у Чеховъ въ древнѣйшее время право наслѣдованія, также какъ и у насъ, ограничивалось однимъ только семействомъ умершаго, т. е. дѣтьми и низходящимъ потомствомъ, въ грамотѣ сказано: «Quando aliquis nobilis capitur in furto et suspenditur, et non habet prolem, hereditas ipsius regi cedat.» (Gegest Bohem. pag 349). Или въ той же грамотѣ вообще о наслѣдствѣ послѣ умершаго: «Si quis non habuerit filium vel filios, et habuerit filias, ad illas deveniat hereditas aequaliter; et si non fuerint, hereditas deveniat ad proximos heredes.» (ibid.) Здѣсь выраженіе *ad proximos heredes*, ежели сопоставить его съ приведеннымъ выше выраженіемъ *non habet prolem*, означаетъ не всѣхъ родственниковъ, а только ближайшее потомство, внуковъ правнуковъ. У Чеховъ только при Владиславѣ, около 1430 года, наслѣдство послѣ умершаго бездѣтнымъ перестало поступать въ казну Государя. Тоже ограниченіе права наслѣдованія однимъ только семействомъ, находимъ въ Винодольскомъ законѣ, изданномъ 1288 году, тамъ въ § 32 сказано: «Еште ктере (дщери), ке су остале по смьрти очини и материни, (по смерти отца и матери) или сини (сыны), ако ни су остали брати тим хтерам, имаю се аредитати (наслѣдовать) или оставити тим хтерам благо очино и материно, чинети всу службу ону, ку есу имили служити двору оци и матери них; и тако е, ако би сини остали и умьрли без реда». (Чтен. Общ. Ист. и древ. Рос. Кн. II. отд. III. стр. 15). Тоже въ древности было и въ Польшѣ, какъ свидѣтельствуетъ Вислицкій статутъ Казимира, издан-

---

знать подъ выраженіемъ *малыхъ ближиковъ* все родство, что въ противномъ случаѣ должно бы признать родовую собственность, которою члены рода владѣютъ только на правѣ пользованія; а этому прямо противорѣчитъ статья о правѣ завѣщанія и свободнаго назначенія наслѣдниковъ; ибо при родовой нераздѣльной собственности нѣтъ мѣста для полнаго завѣщанія, каковое допускаетъ Олеговъ договоръ.

ный въ 1347 году, въ немъ прямо говорится, что имѣніе умершаго безъ потомства въ старые годы по изконному обычаю переходило не къ родственникамъ покойнаго, а къ владѣльцу земли, вотъ подлинныя слова статута. «abusiva consuetudine noscitur esse observatum, quod, cum aliqui kmetones, seu rustici vel alii civiles homines absque prole de hac luce decedunt, ipsorum omnia bona mobilia et immobilia, nomine vulgariter puscizna, domini eorundem consueverunt occupare» (Bandk pag 65 — 66) У Сербовъ право наслѣдства въ древности, кажется, также ограничивалось дѣтьми и ихъ низходящимъ потомствомъ, ибо хотя въ законникѣ Стефана Душана, изданномъ въ 1349 году, и сказано «кои властелинъ не имать дѣцоу, или имать и оумрѣть, и по негови смрти бащина пуста остане, где се наіде отъ негова рода до третіаго брату чеда, гь да има оузети неговоу бащиноу, ако небуде ближнѣшнего» (Кухарск стр. 104) но здѣсь допущение къ наслѣдству другихъ родственниковъ послѣ дѣтей явно есть уже позднѣйшее узаконение, современное Душану, т е только уже Царь Стефанъ Душанъ допустилъ къ наслѣдству другихъ родственниковъ, ежели не было дѣтей, до него же имѣніе умершаго бездѣтнымъ щиталось выморочнымъ, какъ прямо сказано и въ самомъ законѣ» и *по негови смрти бащина пуста остане* «Притомъ Душанъ допустилъ прочихъ родственниковъ къ наслѣдованію только въ вотчинахъ (въ бащинахъ), наслѣдованіе же прочаго имѣнія и по Душанову законнику ограничивалось только сыновьями и дочерьми, какъ прямо сказано въ статьѣ о умирающихъ властелехъ» каде оумре властелинь, конь добръ и ороужіе да се да цароу, а свита велика бисерна и поіасъ да оузме сынъ его, и да моу царь не оузме а коли не има сына, а има дщерь, да има дщи оузети, или продати или отдати свободно» (Кухарск стр 106) Такимъ образомъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ въ древности, какъ только дошли объ этомъ извѣстія, право наслѣдованія ограничавалось только однимъ семействомъ, или прямымъ низходящимъ потомствомъ

Но со всѣмъ другія начала наслѣдованія по закону находимъ у Германскихъ народовъ, тамъ по всѣмъ древнимъ законодательствамъ, дошедшимъ до насъ, право наслѣдованія неограничивается одною семьею, или прямымъ низходящимъ потомствомъ, а разпространено на всѣхъ возходящихъ и боковыхъ родственниковъ, тамъ на первомъ планѣ стоитъ не семья, а родъ, и наслѣдство идетъ по крови, а не по семейнымъ отношеніямъ Такъ по древнимъ Баварскимъ законамъ наслѣдовали сперва сыновья потомъ дочери, а за неимѣніемъ до-

черей половину наслѣдства получала жена умершаго, а другую половину его родственники до седьмои степени (Corp juris German pag 309) По законамъ Бургундовъ послѣ умершаго наслѣдуютъ его имѣние сыновья, а не будетъ сыновей, то наслѣдницами признаются дочери, а не будетъ дочерей, то сестры и другие родственники умершаго, жена же имѣла право пользоваться только третьею частию наслѣдства по смерть или до втораго замужества (ibid pag 350, 367) По Скандинавскимъ законамъ Gragâs, также по смерти отца или матери сперва наслѣдуютъ законные сыновья, за сыновьями идутъ въ наслѣдовании законныя дочери, потомъ отецъ, далѣе братъ, потомъ мать, потомъ сестра отцова, потомъ материна сестра, за ними, по порядку девятый, сынъ незаконный, далѣе незаконная дочь, и послѣ ихъ допускаются къ наслѣдству другие родственники, agnati потомъ cognati (Gragas pars 1-ma pag 170—171) Напротивъ того по Салическому закону и по закону Рипуерскихъ Франковъ сперва наслѣдовали сыновья, а ежели сыновей не было, то наслѣдство возвращалась къ отцу и матери, а ежели ихъ не было, къ брату или сестрѣ, и далѣе къ сестрѣ матери, потомъ къ сестрѣ отца, и наконецъ вообще къ родственникамъ по отцовской линии, но земля ни въ какомъ случаѣ не переходила въ наслѣдство къ женщинѣ, а только къ мужчинамъ (Corp jur Germ pag 122, 167) По законамъ Англовъ и Вериновъ послѣ умершаго землю наслѣдуетъ сынъ, а небудетъ сына, то ближайшій родственникъ, дочери же въ такомъ случаѣ достаются только деньги и рабы, а не будетъ дочери, то это достается сестрѣ, а не будетъ и сестры, то матери, а небудетъ матери, то ближаишій по отцу родственникъ наслѣдуетъ и землю и деньги и рабовъ (ibid pag 448) По капитулярямъ Франкскихъ королеи послѣ отца наслѣдовали сыновья, а послѣ матери дочери (ibid 784) По законамъ Визиготовъ послѣ отца и матери въ одинаковыхъ доляхъ наслѣдуютъ сыновья и дочери, за дѣтьми слѣдуютъ внуки и правнуки, за ними отецъ и мать умершаго, а ежели не будетъ наслѣдниковъ ни по низходящеи ни по возходящей линии, то наслѣдуютъ боковые родственники (ibid p 1955—1956) По законамъ Ротаря Лонгобардскаго къ наслѣдству допускались родственники до седмой степени. сперва наслѣдовали законные сыновья, потомъ незаконные сыновья въ меньшихъ доляхъ противъ законныхъ, [1] за неимѣнемъ законныхъ сыновей законныя дочери вмѣ-

[1] Такъ напримѣръ въ законѣ сказано «si quis dereliquerit filium legitimum unum, et filios naturales unum vel plures, filius legitimus tollat duas portiones

стѣ съ незаконными сыновьями и другими родственниками въ разныхъ доляхъ, именно законнымъ дочерямъ идетъ половина наслѣдства, незаконнымъ сыновьямъ третья часть, прочимъ родственникамъ шестая часть (ibid p 967 — 968) Но кажется у нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ долго еще держался древнѣйшій родовый обычаи, по которому наслѣдство нераздѣльно переходило къ старшему сыну, такъ въ судѣ Любуши Чешской, когда Хрудошь, основываясь на Нѣмецкихъ обычаяхъ, сказалъ первородному идетъ наслѣдье, тогда другой братъ его Ратиборъ, согласно съ Чешскимъ вѣчемъ, отвѣчалъ не хвально судъ и правду намъ имать у Нѣмцовъ, по святымъ у насъ законамъ правда

Изъ представленнаго здѣсь сопоставленія Славянскихъ законодательствъ съ Германскими, видно, что относительно наслѣдованія по закону главная разница состояла въ томъ, что древнѣйшія чисто Славянскія законодательства не допускали наслѣдованія ни по возходящей линіи ни боковыхъ родственниковъ, и ограничивали наслѣдство, только одною семьею, или прямымъ низходящимъ потомствомъ, тогда какъ въ Германскихъ законодательствахъ къ наслѣдованію допускались всѣ родственники низходящіе возходящіе и боковые, смотря по близости степеней родства И это очевидно у Германцовъ было изконнымъ обычаемъ, а не закономъ заимствованнымъ у Римлянъ, ибо Римскій порядокъ наслѣдованія низходящихъ, возходящихъ и боковыхъ родственниковъ ни сколько не походитъ на Германскій, какъ ясно видно изъ представленныхъ выше Германскихъ узаконеній

Далѣе весьма важнымъ отличіемъ Славянскихъ законодательствъ отъ Германскихъ служитъ наслѣдованіе поземельной собственности По Славянскимъ законамъ не было вообще различія между правомъ наслѣдованія не движимой и движимой собственности, по Германскимъ же законамъ здѣсь представляется большое различіе, именно недвижимую собственность,—землю, во многихъ Германскихъ законодательствахъ немогли наслѣдовать женщины, такъ по законамъ Салическихъ и Рипуерскихъ Франковъ, также по законамъ Англовъ и Вариновъ и по Саксонскимъ законамъ женщины рѣшительно были изключены изъ наслѣдованія землею, землю наслѣдовалъ только мужчина и вмѣстѣ съ землею наслѣдовалъ военную одежду и оружіе

---

de patris substantia, naturales vero tertiam Et si sunt duo legitimi, habeant quatuor partes, naturales quintam partem, quantacunque fuerint » et coet

умершаго и уплату головщины (ibid. p 449) Это изключение женщины отъ наслѣдования поземельного собственностью ясно говоритъ, что владѣние землею у Германскимъ народовъ имѣло свои особенности, неизвѣстныя у Славянъ, и прямо указывающия на завоевательный бытъ и военное устройство Германскихъ обществъ, по которому земля можетъ принадлежать только воину, а посему и къ праву наслѣдования землею допускается только тотъ, кто способенъ надѣть воинскую одежду умершаго хозяина земли По таковому порядку земля несоставляетъ полной собственности своего хозяина, или по крайней мѣрѣ и сдѣлавшись по видимому собственностью, она потеряетъ своего первоначальнаго характера,—награды за военную службу, на ней непрерывно лежитъ военная служба, какъ повинность, она обязываетъ хозяина быть воиномъ, непринявши этой обязанности нельзя быть поземельнымъ собственникомъ, по древнимъ Германскимъ законамъ земля не признается полною частною собственностью, а только собственностью подъ условіемъ военной службы У Славянскихъ народовъ въ древности земля не имѣла таковаго характера, она могла поступать въ наслѣдство и мужчинамъ и женщинамъ, ежели составляла полную собственность владѣльца, а когда принадлежала ему какъ члену общины, то право наслѣдования ограничивалось одними только сыновьями, какъ увидимъ въ послѣдствіи

Таковое рѣзкое различіе въ правѣ на поземельное наслѣдство въ древнихъ Славянскихъ и Германскихъ законодательствахъ невольно рождаетъ вопросъ объ историческихъ причинахъ, породившихъ на одинъ и тотъ же предметъ (на землю) не одинаковый взглядъ у разныхъ народовъ Юридическія вѣрования народа всегда тѣсно связаны съ его исторіею, ибо они прямо вытекаютъ изъ жизни народа, посему для объясненія нашего предмета мы должны обратиться къ исторіи Исторія застаетъ Германскія племена въ сильномъ движеніи, одно племя за другимъ спѣшитъ пробраться на югъ или западъ въ богатыя провинціи слабѣющаго Рима, нѣтъ щета Германскимъ набѣгамъ и воинамъ, только что одно племя займетъ одну провинцію, какъ другое спѣшитъ прогнать его Да и прежняя жизнь Германскихъ племенъ за предѣлами Римской имперіи по свидѣтельству Тацита отличается тѣмъ же безпокойнымъ желаніемъ воины и набѣговъ, Германскія племена постоянно враждуютъ между собою, истребляютъ одно другое Еще прежде въ полномъ развитіи родового быта, когда Германцы незнали ни селъ ни городовъ, а каждый жилъ отдѣльно своимъ родомъ около источниковъ по лѣсамъ и по-

лянамъ, (Germ. Tacit. cap. XVI.) Римлянами была уже замѣчена въ нихъ какая то наклонность къ военному устройству, къ дружинной жизни; у нихъ уже при Тацитѣ были военныя дружины, называвшіяся сотнями, съ своими вождями, не по знатности произхожденія а по храбрости, (какъ прямо говоритъ Тацитъ: duces ex virtute sumunt, duces exemplo potius quam imperio; si prompti, si conspicui, si ante aciem agant, admiratione praesunt.) и состоявшія изъ членовъ одного рода, или нѣсколькихъ сосѣднихъ ближнихъ родовъ. (Тацитъ говоритъ: non casus, nec fortuita conglolatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates) Эта наклонность къ устройству военныхъ дружинъ еще болѣе укрѣпилась и развилась, когда Германцы двинулись на занятіе Римскихъ провинцій. Сотни еще при Тацитѣ означавшія не число *сто*, а особое отдѣленіе, дружину, въ которой были все свои съ своимъ вождемъ, (Definitur et numerus, *centeni* ex singulis pagis sunt: id que ipsum inter suos vocantur: et quod primo numerus fuit, jam nomen et honor est.) теперь обратились въ большія воинскія дружины съ своими вождями подъ предводительствомъ главнаго предводителя, или Короля, всѣхъ дружинъ извѣстнаго племени. Тацитъ уже замѣтилъ у Германцевъ и королей начальниковъ цѣлаго племени, и частныхъ вождей, начальниковъ дружинъ, онъ говоритъ: «reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt; nec regibus infinita et libera potestas; et duces exemplo potius quam imperio. (German. Tacit. cap. VI—VII.) Германскія племена и дружины подъ предводительствомъ такихъ Королей и вождей завоевывали цѣлыя провинціи, и поселясь въ нихъ, дѣлили завоеванную землю по дружинамъ согласно съ своимъ изконнымъ военнымъ устройствомъ, и каждая дружина съ своимъ вождемъ занимала извѣстную область и дѣлила ее дружинникамъ на участки, съ обязанностію служить съ полученнаго участка. Посему естественно таковый участокъ могъ переходить по наслѣдству только къ наслѣдникамъ мужескаго пола, ибо женщины не могли нести военной службы. Земля давалась за военную службу и эта служба постоянно на ней лежала, какъ повинность; слѣдовательно по необходимости такою землею могъ владѣть только тотъ, кто могъ нести военную службу, быть членомъ воинской дружины, подчиненной извѣстному вождю, выбранному самими дружинниками или даннаго отъ короля (Lex Bavariorum. Titul. 11.) Здѣсь въ самомъ устройствѣ поселенія земля ни сколько не имѣетъ характера частной собственности, она есть собственность цѣлой дружины, а не частнаго лица, покрайней мѣрѣ первоначально. Конечно въ послѣдствіи земля обра-

Библиотека

тилась и въ полную собственность дружинника; но это сдѣлалось невдругъ, и память о первоначальномъ значеніи земли долго оставалась и въ юридическомъ сознаніи народа и въ законодательствѣ, чему прямымъ свидѣтельствомъ служитъ древній законъ наслѣдованія у Франковъ Салическихъ и Рипуерскихъ, у Англовъ и Вериновъ, у Саксонцовъ и другихъ Германскихъ народовъ.

Напротивъ того древнѣйшая исторія, какая только сохранилась, постоянно указываетъ, что въ Славянскихъ племенахъ нигдѣ незамѣтно дружиннаго устройства съ завоевательнымъ характеромъ, [1] у Славянскихъ племенъ мы вездѣ встрѣчаемъ мирныя а не завоевательныя общины. Славяне въ самомъ движеніи своемъ съ Дуная, первоначальной своей родины, указанной намъ Несторомъ, шли не какъ завоеватели, а какъ колонисты, и занимали или земли ни кѣмъ незанятыя, или селились между туземцами не Славянскаго произхожденія, какъ мирные пришельцы, и подчиняли себѣ дикихъ туземцовъ не мечемъ, а высшей цивилизаціей, которую сами заимствовали отъ долгаго сожительства съ Греками и Римлянами на Дунаѣ. Въ свидѣтельствѣ Нестора о движеніи Славянъ съ Дуная нѣтъ и намековъ на завоеваніе, вотъ слова лѣтописи: «Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣны на Дунайскіе, сѣдшемъ въ нихъ и насилящимъ имъ, Словѣни же овіи пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляховѣ, друзіи Лутичи, ини Мозовшане, ини Поморяне. Тако же и ти Словѣни, пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарѣкошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ.» (Лавр. Лѣт. стр. 3.) Въ устройствѣ Славянскихъ общинъ вовсе нѣтъ дружиннаго завоевательнаго начала; въ Славянскихъ общинахъ вездѣ на первомъ планѣ миръ и спокойное занятіе земледѣліемъ и другими промыслами; самыя общины съ древнѣйшихъ временъ преимущественно носятъ названіе *мира*; всѣ отношенія членовъ Славянской общины первоначально чисто мирныя, — у нихъ нѣтъ вождей, военныхъ начальниковъ, а только старосты или старѣйшины, владыки, властели и судьи, прямые представители мира а не войны, самые князья Славянскіе первоначально были только мирными пра-

[1] Этому общему положенію немогутъ противорѣчить княжія дружины на Руси, дружины сіи были учрежденіемъ пришлымъ, Скандинавскимъ, а не Славянскимъ, и первоначально состояли изъ чужеземцовъ пришедшихъ съ княземъ, и при томъ долгое время вовсе невладѣли землею, а содержались жалованьемъ и службою.

вителями а не завоевателями; такъ Несторъ даже не намекаетъ на завоеванія Кія, перваго князя Кіевскаго; послы Древлянскіе говорятъ Ольгѣ о своихъ князьяхъ;» а наши князи добры суть, иже распасли суть Деревскую землю.» Новгородцы, это сильнѣйшее Славянское племя на Руси, на памяти исторіи мирно жили между Корелами, Чудью, Весью, Мерею, Муромою и другими старожилыми Финскими племенами, колонизировали Финскія земли, строили тамъ Славянскіе города и подчиняли Финновъ цивилизаціею, а не оружіемъ, и къ мечу прибѣгали изрѣдка только противъ упорныхъ и мятежниковъ, да и то не походомъ цѣлаго племени, какъ Германцы, а небольшими отрядами повольниковъ. Такимъ образомъ мирныя отношенія и устройство Славянскихъ племенъ естественно должны были отразиться и на поземельномъ владѣніи. Земля у Славянъ или принадлежала общинѣ, или составляла частную собственность лица; во всѣхъ Славянскихъ племенахъ мы издревлѣ встрѣчаемъ два разряда поземельныхъ владѣльцовъ, вотчинниковъ и общинниковъ, таковы: у насъ бояре, лучшіе люди, и смерды, у Сербовъ властели и сербы, у Поляковъ шляхта, мѣщане и седлаки. Но во всякомъ случаѣ, была ли земля частною собственностію или принадлежала общинѣ, она неимѣла характера военной добычи, (какъ и на самомъ дѣлѣ не была ею) и невлекла за собою повинности нести военную службу, по простой причинѣ, что и самой службы первоначально не существовало, а была только нравственная и юридическая обязанность защищать землю отъ чуждыхъ нападеній. Впрочемъ такъ было только въ первыя времена, въ послѣдствіи же во многихъ Славянскихъ племенахъ такой порядокъ измѣнился, явилась и военная служба, и обязанность служить съ земли, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Таковыя первоначальныя отношенія Славянъ къ занятой ими землѣ естественно должны были отпечатлѣться и на правѣ наслѣдованія поземельной собственности; а посему съ одной стороны въ земляхъ принадлежащихъ въ полную частную собственность лицу, поземельное наслѣдство могло доставаться и женщинамъ и мужчинамъ; а съ другой стороны въ землѣ общинной, право поземельнаго наслѣдства должно было ограничиваться только членами общины, мужчинами, какъ дѣйствительно и свидѣтельствуютъ болѣе или менѣе ясно почти всѣ Славянскіе законодательные памятники.

Такимъ образомъ Рускій законъ о наслѣдствѣ, при первомъ же своемъ появленіи въ письменности и на первыхъ порахъ образованія Рускаго государства, является во всѣмъ сочувствующимъ Славян-

скому юридическому взляду на наслѣдство, и въ тоже время во многомъ существенномъ несоглашается съ законодательствами Германскими о томъ же предметѣ, и прямо свидѣтельствуетъ объ общинномъ о не родовомъ бытѣ Рускаго общества еще до начала образованія Рускаго государства.

Право наслѣдованія по закону по принятіи Русскими Христіанства.

Со введеніемъ христіанства въ Россіи при Владимирѣ Равноапостольномъ, наше отечественное законодательство вступило въ новый періодъ своей жизни. Церковь христіанская, принесенная къ намъ изъ Византіи съ своими законами и учрежденіями, естественно должна была имѣть большое вліяніе и на Руское законодательство, особенно на ту его часть, которая относится къ семейному праву. Церковь, что бы пропитать язычника правилами христіанской религіи и освѣтить его душу новымъ свѣтомъ, прежде всего должна была познакомиться съ семействомъ; семейство съ своими вѣрованіями и убѣжденіями должно быть самымъ дѣятельнымъ посредникомъ между церковію и обществомъ. Православная христіанская церковь такъ и поступила въ Россіи, она на основаніи Номоканона принесеннаго ею изъ восточной Римской имперіи и по уставамъ Владимира Равноапостольнаго и Ярослава Великаго приняла въ свое вѣдѣніе между прочимъ часть законодательства, обнимающую семейное право, куда вошли и законы о наслѣдствѣ, какъ прямо сказано во Владимировомъ уставѣ. «А се суды церковные: роспустъ, смильное, промежъ мужемъ и женою о животѣ, о бездѣтномъ животѣ, братія или дѣти тяжутся о задницѣ (о наслѣдствѣ).... тѣ всѣ суды церквамъ даны суть; князю бояромъ и судьямъ нельзѣ вступатися, то все далъ есмь по первыхъ царевъ уряженью, и по вселенскихъ св. отецъ седьми соборъ вселенскихъ великихъ святитель». Такимъ образомъ съ принятіемъ христіанства право наслѣдства у насъ стало разсматриваться по двумъ законамъ, — по Византійскому, находящемуся въ Номоканонѣ, и по Рускому, заключавшемуся въ изконныхъ обычаяхъ и юридическихъ вѣрованіяхъ народа; ибо хотя дѣла о наслѣдствѣ совершенно были переданы церкви, тѣмъ не менѣе церковь не могла ихъ рѣшать на основаніи однихъ Византійскихъ законовъ, ей необходимъ былъ и Рускій законъ, она могла руководствоваться Византійскими законами только въ той мѣрѣ, въ какой они подходили къ понятіямъ Рускаго общества, она могла только развивать

Рускій законъ при помощи Византійскаго, поколику это развитіе допускалось развитіемъ самой жизни Рускаго общества, по мѣрѣ просвѣщенія его христіанствомъ. Относительно таковаго важнаго права, какъ право наслѣдства, церковь немогла идти совершенно въ разрѣзъ съ народными юридическими вѣрованіями и съ изконнымъ устройствомъ Рускаго общества; а по сему съ самаго принятія христіанства въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ, относительно права наслѣдства, постоянно замѣчается взаимное воздѣйствіе Византійскаго и Рускаго права.

Первоначально, въ слѣдъ за принятіемъ христіанства, по Владимирову уставу, очевидно, дѣла о наслѣдствѣ вѣдались Византійскими узаконеніями помѣщенными въ Номоканонѣ совмѣстно съ старыми Рускими обычаями; ибо ни во Владимировомъ ни въ Ярослововомъ уставахъ ни въ первоначальной Руской Правдѣ не упоминается ни о какихъ новыхъ узаконеніяхъ касающихся наслѣдства. Это сильно подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ *Судномъ Законѣ людямъ*, этомъ первоначальномъ на Руси источникѣ Византійскаго права, съ которымъ прежде всего познакомились Рускіе принявши христіанство, упоминается только о наслѣдствѣ по завѣщанію, о наслѣдствѣ же по закону нѣтъ ни слова; явно что этотъ видъ наслѣдства Церковь христіанская на Руси предоставила старому обычному Рускому праву, выжидая пока само Руское общество въ постепенномъ своемъ развитіи не сознаетъ необходимости перемѣнъ и нововведеній. Такимъ образомъ въ первыя времена христіанства на Руси наслѣдство по закону оставалось почти въ прежнемъ своемъ видѣ, какъ оно было во время язычества Единственное нововведеніе, въ правѣ на наслѣдство по закону первоначально кажется состояло въ статьѣ Суднаго Закона *о мачехахъ*, гдѣ говорится о раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми одного отца отъ двухъ матерей. Эта статья предписываетъ, что ежели мачеха оставшееся послѣ мужа имѣніе скроетъ отъ дѣтей первой жены; то открывши это по суду должно не только лишить ее этаго имѣнія, но и взыскать пеню какъ съ обыкновеннаго татя, и что окажется скрытымъ мачехою, и вмѣстѣ съ взятою съ нее пенею, то отдѣльно отъ всего наслѣдства подѣлить дѣтямъ первой жены съ ея дѣтьми. Но и это едвали было нововведеніемъ, а скорѣе законнымъ утвержденіемъ стараго языческаго обычая. Самый вопросъ, и раздѣлъ наслѣдства между дѣтьми одного отца отъ двухъ матерей, очевидно возбужденъ недоумѣніемъ о томъ,—такъ ли поступать въ настоящемъ случаѣ при раздѣлѣ на-

слѣдства, какъ дѣлалось прежде во время язычества, когда многоженство не воспрещалось,—или иначе? И церковь разрѣшила этотъ вопросъ кажется согласно съ старымъ обычаемъ, предписавши дѣтямъ одного отца отъ разныхъ матерей дѣлить отцовское наслѣдство поровну; ибо во время языческаго многоженства иначе раздѣла и немогло быть, какъ и свидѣтельствуетъ наша лѣтопись въ примѣрѣ о раздѣлѣ владѣній между сыновьями Святослава отъ разныхъ женъ, что подтверждаетъ и примѣръ Владимира, который уже будучи христіаниномъ раздѣлилъ подобно отцу свои владѣнія между сыновьями отъ разныхъ женъ. Слѣдовательно и настоящее правило Суднаго Закона есть только утвержденіе стараго языческаго обычая, въ первый разъ встрѣтившагося въ письменномъ законодательномъ памятникѣ, но въ жизни уже давно дѣйствовавшаго.

Но важнѣйшее нововведеніе относительно наслѣдственнаго права состояло въ томъ, что дѣла о наслѣдствѣ по Владимирову уставу были переданы церкви, а по сему церковь всегда имѣла власть вводить измѣненія въ старыхъ обычаяхъ о наслѣдствѣ, ежели находила ихъ несообразными съ своимъ взглядомъ на предметъ, и замѣнять ихъ постановленіями бывшими у ней подъ руками въ Греческомъ Номоканонѣ. Это право церкви такъ далеко было разпространено, что ни Ярославъ, ни его ближайшіе преемники, въ своихъ законодательныхъ памятникахъ даже неупоминаютъ о наслѣдствѣ, какъ о предметѣ вполнѣ переданномъ церкви и некасающемся до свѣтскаго законодательства. Пользуясь такимъ обширнымъ правомъ, церковь уже недовольствовалась полу—византійскими правилами, о составленіи завѣщаній, помѣщенными въ Законѣ Судномъ людемъ; но коснулась и до порядка наслѣдованія по закону и для сего вѣроятно ввела въ судебную практику въ слѣдъ за Суднымъ Закономъ и другія узаконенія Номоканона относящіяся къ наслѣдственному праву, чему яснымъ доказательствомъ служатъ многія новыя, чисто Византійскія, идеи о наслѣдствѣ постепенно вошедшія въ юридическія вѣрованія Рускаго общества, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

Судя по тому, какія Византійскія идеи о наслѣдствѣ стали постепенно показываться въ Рускомъ обществѣ, должно признать, что церковію въ судебную практику были введены многія Византійскія узаконенія изъ Прохирона Императора Василія Македонянина, и изъ Эклоги Императоровъ Льва и Константина, которыя въ нашихъ кормчихъ почти всегда и помѣщаются въ слѣдъ за Суднымъ Зако-

номъ. Узаконенія сіи были слѣдующія, *Изъ прохирона.* Во 1-хъ, грань 30, о наслѣдникахъ, по которой наслѣдниками въ первой степени были признаны низходящіе, дѣти и внуки безъ различія мужскаго и женскаго пола, дѣти поголовно, а внуки при дядяхъ и тетkахъ по праву представительства поколѣнно, во второй степени возходящіе вмѣстѣ съ родными братьями и сестрами умершаго, и съ дѣтьми прежде скончавшихся братьевъ и сестеръ, при чемъ братья и сестры отъ одного отца и матери предпочитаются братьямъ и сестрамъ отъ разныхъ родителей; въ третьей степени всѣ боковые родственники, по близости степеней родства, т. е. ближайшіе исключаютъ дальнѣйшихъ, а родственники одной степени дѣлятъ между собою наслѣдство поровну; въ четвертой степени мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа, ежели умершій или умершая не оставятъ послѣ себя ни низходящихъ, ни возходящихъ, ни боковыхъ родственниковъ. Во 2-хъ, грань 33, въ которой изчислены случаи лишающіе права наслѣдовать по закону. Въ 3-хъ, грань шестая, о наслѣдованіи жены послѣ мужа, и мужа послѣ жены при дѣтяхъ, гдѣ опредѣлено женѣ послѣ мужа и мужу послѣ жены давать изъ наслѣдства на прожитокъ ровную долю съ каждымъ изъ дѣтей; но только въ такомъ случаѣ, когда мужъ или жена останутся во вдовствѣ, вступая же во 2-й бракъ лишаются права на наслѣдство отъ перваго брака, *Изъ Эклоги Императоровъ Льва и Константина,* 1-е Ежели бракъ былъ заключенъ по письменному договору объ имуществѣ, составленному законнымъ порядкомъ, то по смерти бездѣтной жены мужъ получаетъ 4-ю долю женинна имущества, а остальное передаетъ ея законнымъ наслѣдникамъ, и такую же долю получаетъ жена послѣ бездѣтнаго мужа. 2-е Ежели жена останется послѣ мужа при дѣтяхъ; то все ее и мужнино имѣніе остается въ ея власти и полномъ управленіи, и дѣти цеимѣютъ права требовать отъ нее отчета, ежели она останется во вдовствѣ; но ежели вступитъ во второй бракъ, то мужнино имѣніе должна передать дѣтямъ сполна. И тѣже права и обязанности предоставляются мужу, ежели онъ останется послѣ жены при дѣтяхъ. 3-е Дѣти у одного мужа отъ двухъ женъ по смерти отца поровну наслѣдуютъ отцовское имѣніе, и точно также дѣти одной жены отъ двухъ мужей поровну наслѣдуютъ имѣнье матери. 4-е Вдова при дѣтяхъ вступая во 2-й бракъ должна или требовать къ дѣтямъ опекуна, или ежели не сдѣлаетъ этого, то опека надъ дѣтьми перваго мужа переходитъ ко второму мужу, при чемъ его имѣніе должно служить обезпеченіемъ въ томъ, что наслѣдство

оставшееся послѣ перваго мужа вполнѣ будетъ передано его дѣтямъ, когда они достигнутъ совершеннолѣтія. (Еклога Лв. и Кон. Tit. XII.) 5-е Послѣ умершаго наслѣдуютъ дѣти и внуки: ежели дѣтей и внуковъ не будетъ, то отецъ и мать, дѣдъ и бабка; ежели небудетъ въ живыхъ ни дѣтей, ни внуковъ, ни отца съ матери, то дѣдъ и бабка вмѣстѣ съ единокровными братьями умершаго; ежели небудетъ ни дѣда ни бабки ни единокровныхъ братьевъ, то братья одного отца съ умершимъ; ежели и братьевъ небудетъ, то другіе родственники, смотря по близости степеней родства: ежели небудетъ и родственниковъ, то половину получаетъ жена умершаго и половину казна (въ Славянскомъ переводѣ вмѣсто казны стоитъ церковь и нищіе.); ежели и жены небудетъ, то имѣніе поступаетъ въ казну (въ Славянскомъ переводѣ. «или церковь, или царское сокровище, или людьскій соньмь да пріиметъ). (Эклога Лв. и Кон. Tit. XVIII.) 6-е Лишаются наслѣдства по закону (безъ завѣщанія) дѣти, ежели били родителей, ежели наносили имъ тяжкія оскорбленія, ежели обвиняли ихъ въ преступленіяхъ, ежели клеветали на нихъ, ежели водятся съ отравителями, какъ отравители, ежели злоумышляли на жизнь родителей, ежели кто изъ нихъ имѣлъ преступныя связи съ женою или наложницею отца, ежели сыновья не поручились за отца, когда онъ сидѣлъ въ темницѣ, ежели дочь нехотѣла вступить въ бракъ, когда хотѣли того родители, и жила возвратно, ежели дѣти не приняли на свое попеченіе родителей впавшихъ съ сумасшествіе. (ibid Tit. XVIII § 16.) 7-е Ежели отецъ умирая неоставилъ завѣщанія и неназначилъ опекуновъ; то опека должна быть поручена устроеннымъ на сіе сиропитательнымъ домамъ, или инымъ богоугоднымъ заведеніямъ, или извѣстнымъ церквамъ, или епископамъ и монастырямъ, которые обязаны пещися о сиротахъ и ихъ имѣніи, до вступленія ихъ въ бракъ, или до двадцатилѣтняго возраста. (ibid Tit. XIX.).

Но по всему вѣроятію въ то время, какъ церковь руководилась въ дѣлахъ по наслѣдству узаконеніями помѣщенными въ Номоканонѣ, народъ Рускій, когда дѣло недоходило до суда предоставленнаго церкви, слѣдовалъ своимъ старымъ обычаямъ, или замѣнялъ ихъ новыми по мѣрѣ того, какъ языческія прежнія вѣрованія забывались и замѣнялись христіанскою нравственностію и христіанскимъ взглядомъ на земную и загробную жизнь. Вообще наше древнее законодательство неспѣшило съ нововведеніями, и приступало къ нимъ только тогда, когда самая жизнь общества въ постепенномъ своемъ

развитіи доходила до потребности новаго закона, когда старый обычай или законъ, сталкиваясь съ новыми требованіями жизни, оказывался неудовлетворительнымъ. У насъ, какъ и вездѣ, народъ постоянно жилъ и живетъ надъ двумя законами, подъ закономъ положительнымъ и подъ закономъ обычаевъ, положительный законъ и обычай, нерѣдко противорѣчащіе другъ другу, тѣмъ немепѣе долго уживаются другъ съ другомъ несталкиваясь. У насъ въ древности въ законахъ о наслѣдствѣ было тоже самое, что и въ другихъ отдѣлахъ законодательства: церковь по предоставленнымъ ей правамъ признавала одинъ законъ о наслѣдствѣ, состоящій изъ ученія о наслѣдствѣ, выработаннаго въ Византіи, и изъ юридическихъ вѣрованій Рускаго народа, поколику сіи два источника можно было согласить другъ съ другомъ; народъ же Рускій, когда дѣло о наслѣдствѣ недоходило до суда, руководствовался своими старыми обычаями, несправляясь съ Номоканономъ или другимъ какимъ закономъ; точно также какъ и теперь наши крестьяне въ своихъ раздѣлахъ и наслѣдованіи имуществъ несправляются ни съ Кормчей ни съ Сводомъ законовъ, когда дѣло недоходитъ до суда. А до суда подобныя дѣла доходятъ очень рѣдко; ибо доводить до суда такія семейныя дѣла у нашего народа щитается неприличнымъ, противнымъ нравственности; вся деревня будетъ указывать пальцами, какъ на безнравственнаго человѣка, на того крестьянина, который бы въ дѣлѣ о наслѣдствѣ, на перекоръ изконнымъ обычаямъ, обратился съ прошеніемъ въ уѣздный судъ мимо родственнаго суда или мірской сходки. Въ старое же время, когда древніе обычаи были живѣе въ сознаніи и жизни народа, и общинный союзъ дѣйствовалъ сильнѣе, чѣмъ теперь, естественно не только въ деревняхъ, но и въ городахъ наслѣдственныя дѣла преимущественно окончивались родственнымъ судомъ, или судомъ общины, и весьма рѣдко доходили до оффиціальнаго суда церкви; слѣдовательно старый обычай рѣдко сталкивался съ новымъ закономъ Номоканона. Община, сильная своимъ вліяніемъ и изконнымъ авторитетомъ, рѣшала наслѣдственныя дѣла безъ аппелляціи; жаловаться на нее было очень трудно, ибо въ такомъ случаѣ дѣло кончалось бы нетолько потерею уваженія отъ членовъ общины, но даже необходимостію лишиться общиннаго покровительства, ибо община нестала бы держать у себя неспокойнаго члена, сутягу.

Совсемъ въ иномъ положеніи находились княжіе бояре и дружинники, особенно въ первое время. Они непринадлежали къ земской

общинѣ, и какъ люди вольные, пришельцы съ разныхъ сторонъ, нынѣ служившіе у одного князя, завтра у другаго, не имѣли общиннаго устройства, у нихъ не могло быть и общихъ исконныхъ обычаевъ, которые бы связывали ихъ волю непреложнымъ закономъ старины, переступая который, они подвергались бы строгому суду общества. А посему у боярь и въ дружинѣ наслѣдственное право не имѣло такой твердости и обезпеченности, какъ въ земской общинѣ; здѣсь нарушенія исконнаго чисто Рускаго обычая могли быть чаще и разнообразнѣе, для произвола здѣсь болѣе было простора; слѣдовательно въ наслѣдственныхъ дѣлахъ бояръ и дружины всего скорѣе оказалась нужда во вліяніи церкви и ея Номоканона, и здѣсь то выше приведенныя узаконенія Прохирона и Эклоги вполнѣ или скорѣе не вполнѣ прилагались къ судебной практикѣ. Для церкви тѣмъ удобнѣе было разпространить правила номоканона между дружинниками потому, что она не могла встрѣчать сильнаго противодѣйствія въ разноплеменной и разнообычной массѣ: но таковое положеніе церкви, какъ судьи по наслѣдственнымъ дѣламъ, не могло быть постояннымъ, оно постепенно измѣнялось по мѣрѣ того, какъ дружинники дѣлались осѣдлѣе и стали болѣе и болѣе набираться изъ Русскихъ же людей, а не изъ чужеземцевъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Рускій исконный обычный законъ заговорилъ сильнѣе, и чаще стали появляться столкновенія церковнаго закона съ требованіями старыхъ Рускихъ обычаевъ по наслѣдственнымъ дѣламъ; ибо обычай, исконный своеземный, не вездѣ сходился съ закономъ принесеннымъ изчужи, хотя и освященнымъ церковію. Вопросы возбуждаемые таковыми столкновеніями естественно должны были обратить на себя вниманіе верховной власти, чтобы удалить недоразумѣнія и примирить противорѣчія. Почему еще въ XII вѣкѣ, вѣроятно при внукахъ Ярослава, и какъ кажется при Владимирѣ Мономахѣ, а можетъ быть и нѣсколько позднѣе, въ дополненіяхъ къ Ярославовой Рускої Правдѣ уже помѣщено нѣсколько статей о наслѣдствѣ, которыми и начинается новый періодъ Рускаго законодательства о наслѣдствѣ по закону безъ завѣщанія.

О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, по Рускої Правдѣ.

Статьи Рускої Правды о наслѣдствѣ по закону, при внимательномъ разсмотрѣніи, прямо говорятъ, что они написаны съ одної стороны для того, чтобы исконный Рускій обычай ввести въ положи-

тельное законодательство, а съ другой стороны чтобы примирить его съ Номоканономъ принесеннымъ изъ Византіи, и сколько возможно пополнить Номоканонъ и приноровить его къ Руской жизни, и вообще удалить противорѣчія и столкновенія, которыя встрѣчались въ судебной практикѣ церкви по дѣламъ о наслѣдствѣ.

Законы Русской правды, о наслѣдствѣ, начинаются весьма важнымъ и неизвѣстнымъ въ Византіи раздѣленіемъ между наслѣдствомъ у общинниковъ и наслѣдствомъ у вотчинниковъ. Симъ важнымъ раздѣленіемъ старое Руское законодательство за одинъ разъ положило конецъ всѣмъ недоумѣніямъ въ приложеніи законовъ Номоканона къ праву наслѣдованія въ Россіи, указавши что наслѣдованіе у общинниковъ еще ни коимъ образомъ не можетъ быть подведено подъ правила Номоканона, и что правила сіи сколько нибудь могутъ быть прилагаемы только къ порядку наслѣдованія у вотчинниковъ. Вотъ статьи Руской правды свидѣтельствующія прямо о таковомъ важномъ раздѣленіи. «Аже смердъ умретъ безъ дѣти, то задница князю; аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ за мужемъ, то недаяти части имъ. Аже въ боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но аже не будетъ сыновъ, а дщери возмутъ.» Здѣсь мы ясно видимъ; что право наслѣдованія у общинниковъ, смердовъ, [1] ограничивалось только одними сыновьями, дочери же изъ отцовскаго наслѣдства получали только приданое; напротивъ у вотчинниковъ, т. е. у бояръ и дружинниковъ за неимѣніемъ сыновей допускались къ наслѣдству и

---

[1] Я здѣсь слово *смердъ* перевожу словомъ *общинникъ* на томъ основаніи, что смердами въ нашихъ лѣтописяхъ называются вообще людины, безъ различія сельскіе и городскіе жители, такъ подъ 1096 годомъ Олегъ Святославичь говоритъ о Кіевскихъ гражданахъ: «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ. (Лавр. стр. 98) А Мономахъ подъ 1111 годомъ смердами называетъ сельскихъ жителей земледѣльцовъ;» Диво ли брате, еже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего непомышляете, еже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и поиметъ и лошадь ту, и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжетъ.» (Ипат. 1.) А сельскіе и городскіе жители непринадлежавшіе къ дружинѣ и боярамъ у насъ всѣ были общинники. Да и самое слово *смердь* по Зендски значитъ человѣкъ, слѣдовательно и людинъ, общинникъ. Какъ у насъ въ послѣдствіи общинники оффиціально стали называться черными людьми, такъ въ Русской правдѣ они назывались смердами, людинами, людьми.

дочери. И это различіе въ правѣ наслѣдованія у общинниковъ и вотчинниковъ коренилось въ самыхъ основахъ Руской жизни, въ устройствѣ Рускаго общества, и было общимъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ. Такъ мы видимъ это различіе въ наслѣдованіи у Сербовъ, у которыхъ, по законнику Стефана Душана, также народъ раздѣлялся на властелей, вотчинниковъ, баштинниковъ, которымъ наслѣдовали сыновья внуки и другіе родственники до третьего брату чада, и на *общинниковъ*, *себровъ*, [1] у которыхъ наслѣдованіе, точно также какъ у нашихъ смердовъ, кажется ограничивалось только сыновьями, покрайней мѣрѣ дочери были рѣшительно изключены изъ права наслѣдованія, и имѣніе послѣ умершаго безъ сыновей шло къ царю. У Чеховъ также народъ былъ раздѣленъ на владыкъ, т. е. вотчинниковъ, и на кметовъ общинниковъ, и кажется до самаго Владислава, т. е. до 1430 года, по закону наслѣдство, послѣ умершаго неоставившаго сыновей, также переходило къ королю; по крайней мѣрѣ въ одной грамотѣ королевы Хунегунды писанной въ 1245 году сказано, что по древнему обычаю имѣніе поступаетъ въ казну короля даже послѣ благородныхъ жупановъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ. (Regest. Bohe. Pars. I. pag. 534.) У Поляковъ тоже было два вида наслѣдства по закону, особый видъ для высшаго сословія для шляхты и пановъ (т. е. вотчинниковъ), и особый видъ для писшихъ классовъ общества, мѣщанъ, седлаковъ кметовъ, (т. е. общинниковъ). Только Казиміръ III-й Вислицкимъ статутомъ 1347 года допустилъ къ наслѣдству общинниковъ, за недостаткомъ сыновей, прочихъ ихъ родственниковъ, а до того времени наслѣдство общинника, умершаго безъ сыновей, переходило къ владѣльцу земли, пану. Въ старомъ Рускомъ переволѣ Вислицкаго статута сказано: Колижъ нѣкоторый людъ, а любо кметь умретъ безъ дѣтей, тогды панъ его увязуетъ въ пустовщину. Про то мы нынѣ укладаемъ тотъ обычай: съ того имѣнья будетъ ли абы келихъ (calix) учиненъ былъ за полтноры гривны къ церкви, гдѣ прибѣгалъ, а остатокъ, и то ближнимъ и пріятелемъ, штобы дано.» (Ак. Зап. Рос. Т. 1. стр. 10.) У Бандке, въ его jus Polonicum, это мѣсто полатынѣ на-

---

[1] *Себръ* значитъ тожс, что *слѣбръ*; а у насъ слѣбръ значитъ, дольщикъ, пайщикъ, участникъ въ чемъ либо общемъ; слѣд. членъ общины, общинникъ; да и у Сербовъ *себрами* безъ различія назывались простые жители селъ и городовъ; а села и города въ Сербіи были общинами; слѣдовательно ихъ жители общинники.

писано такъ: «Abusiva consuetudine noscitur esse observatum, quod cum aliqui kmetones, seu rustici, vel alii civiles homines, absque prole de hac luce decedunt, ipsorum omnia bona, mobilia et immobilia, nomine vulgariter puscizna, domini eorundem consueverunt occupare. Unde nos eandem consvetudinem, ut juri contrariam et absurdam reputantes, statuimus: quod de bonis eorundem decedentium, si tantum reperiatur in ejisdem bonis, calix pro marco cum media ecclesiae parochiali dandus comparetur, reliqua vero bona ad proximos consanguineos, vel allines, cessante quolibet impedimento, devolvantur, prout aequitas et justitia svadet. (jus polon. pag. 66,) Таковаго порядка въ наслѣдованіи казны послѣ бездѣтно умершаго мы не находимъ въ законахъ Германскихъ народовъ, хотя тамъ и встрѣчаются случаи наслѣдованія казны: такъ напримѣръ по закону Салическихъ Франковъ казна наслѣдуетъ послѣ того, кто при жизни еще отказался отъ родства и отъ всѣхъ родственныхъ правъ и обязательствъ; (Corp. juris Germ. pag. 124) или по закону Рипуерскихъ Франковъ казна наслѣдуетъ послѣ бездѣтно умершаго отпущенника (libertus) по римскому праву (ibid. pag. 174), или по капитуляріямъ Франкскихъ королей казна наслѣдуетъ имущество послѣ убійцы отца или ближайшихъ родственниковъ. (ibid. pag. 906.) Но во всѣхъ сихъ узаконеніяхъ видны только изключенія на извѣстные случаи, а не общее право наслѣдованія казны въ извѣстномъ классѣ народонаселенія. Слѣдовательно подобныя узаконенія никакъ не могутъ идти въ параллель съ закономъ Руской правды о наслѣдованіи князя послѣ бездѣтнаго смерда. Ясно что законъ Руской Правды объ этомъ предметѣ былъ изконный самостоятельный Славянскій законъ, вытекшій изъ самой жизни Славянскихъ обществъ, а незаимствованный откуда либо со стороны.

Главнымъ основаніемъ закона о наслѣдованіи казны послѣ смерда неоставившаго сыновей служилъ общинный бытъ Славянъ; Славянская община, какъ явно противоположная роду, отрицала всѣ родовыя отношенія, она по закону (юридически) непризнавала сихъ отношеній между своими членами, членомъ общины была семья, а не родъ. Въ старомъ Рускомъ языкѣ образовавшемся въ общинномъ быту даже слово родъ обозначало только семью, такъ въ народной сказкѣ объ Акундинѣ Акундиновичѣ, родной дядя его по отцу Замятня Путятичь говоритъ своему племяннику: «невзлюбили люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго; а правильно вижь ими не такъ. Какъ порѣшили сгубить его съ родомъ съ племенемъ, такъ

и нестало знать Акундина Путятича, сокрушили его со всѣмъ домомъ. Со той поры невзмилилось мнѣ на посадничествѣ сидѣть.» Здѣсь родъ и племя явно значатъ одну семью, домъ; ибо ежели бы родъ значилъ цѣлое родство а не одну семью, то конечно Замятня Путятичь не могъ бы оставаться Новгородскимъ посадникомъ въ то время, когда его родной братъ Акундинъ Путятичь погибъ отъ Новгородцовъ со всѣмъ родомъ племенемъ, онъ бы долженъ былъ или погибнуть вмѣстѣ съ этимъ родомъ племенемъ или бѣжать изъ Новгорода. [1] При таковомъ отрицаніи рода, при таковомъ ограниченіи родственныхъ юридическихъ отношеній одной только семьей, естественно что послѣ общинника, неоставившаго сыновей, наслѣдство дѣлалось выморочнымъ, и какъ выморочное должно было возвратиться въ ту общину, членомъ которой былъ умершій; а послику съ призваніемъ князей сами общины сдѣлались членами государства, то съ идею государства право наслѣдованія общины послѣ бездѣтнаго общинника перешло на представителя государства,—на князя: «аже смердъ умреть безъ дѣти; то задница князю» какъ гласитъ законъ.

Но какъ въ Славянскихъ обществахъ рядомъ съ общинниками, жившими на общинныхъ земляхъ, были еще частные собственники, владѣвшіе землями, непринадлежавшими общинѣ, называвшимися баштинами, дѣдинами, вотчинами; то естественно, что община не имѣла правъ на владѣнія таковыхъ собственниковъ, а по сему и право наслѣдованія здѣсь было иное, чѣмъ у общинниковъ, не только на Руси но и у другихъ Славянскихъ народовъ; и это особое право наслѣдованія у вотчинниковъ почти одинаково опредѣлено во всѣхъ Славянскихъ законодательствахъ. Такъ въ Руской правдѣ сказано «Аже въ боярехъ либо въ дружинѣ, [2] то за князя задница неи-

---

[1] Таковое же значеніе рода, какъ одной нераздѣльной семьи, одного дома, мы встрѣчаемъ и у Сербовъ; въ 38 параграфѣ законника Душанова читаемъ: зе невѣроу и за всако сьгрѣшеніе брать за брата, а отьць за сына и родь за родь, кто соу отдѣлны отъ онога дома, кои iесть несьгрѣшио, та да неплати нища, развѣ она, кои е сьгрѣшио, того домь плати.

[2] Руская правда здѣсь различаетъ два рода частныхъ собственниковъ,-*боляръ* и *дружину*: боярами она кажется называетъ частныхъ собственниковъ, вотчинниковъ, принадлежащихъ къ земщинѣ, и еще до прибытія Варяго-Руских князей составлявшихъ высшій классъ въ Славянскихъ племенахъ на Руси, и называвшихся тогда по свидѣтельству лѣтописей лучшими му-

детъ; но оже не будетъ сыновъ, а дщери возмутъ» У Сербовъ въ законникѣ Стефана Душана право наслѣдованія между вотчинниками (впрочемъ не раньше XIV вѣка) распространено не только на дочерей, но и на прочихъ родственниковъ до пятаго колѣна. «Кои властелинь не имать дѣцоу, или имать и оумреть, и по ніегови сьмрти бащина поуста остане, где се нагіе оть ніегова рода до третіаго братоу чеда, ть да има оузети ніеговоу бащиноу, ако небоуде ближнѣйшего.» (стат. 31) Или въ другой статьѣ: «каде оумрѣ властелинь, конь добрь и ороужіе да се да Цароу, а свита велика бисерна и злати поіась да оузме сынь его, и да моу Царь неузме. а коли не има сына, а има дьщерь, да има дьщерь оузети, или продати или отдати свободно. «(ст. 34). Но въ Мазовіи, у Чеховъ и въ Польшѣ порядокъ наслѣдованія между вотчинниками былъ совершенно одинаковъ съ порядкомъ о предѣленнымъ Рускою Правдою. Такъ въ одномъ Мазовскомъ статутѣ сказано: «ex consuetudine antiqua observatur· ubi fratres et eorum pueri, ac sucessores eorum legitimi deficiunt, et sine prole decedunt; sorores ipsorum hermanae succedunt et hereditant, redeuntque ad bona paterna et fratruum suorum.» (Band. pag. 408). Или у Чеховъ въ законахъ Пршемысла Отокара: Si quis non habuerit filium vel filios, et habuerit filias, deveniat hereditas aequaliter.» [1] У Поляковъ въ Петриковскомъ статутѣ Казимира великаго помѣщенъ почти дословный переводъ Руской правды: «Si quis militum aut nobilium de hoc seculo migrabit, habens filios et filias, tunc fratres suas sorores maritis tradent, dote ejis assignata, more consueto; si autem filios non habuerit, sed filias, tunc filiabus omnes hereditates et possessiones cedant paternae.» (Band. p. 152) впрочемъ въ томъ же статутѣ Казимиръ дозволяетъ дядямъ и двоюроднымъ братьямъ, оцѣнять на-

---

жами, большими людьми держащими землю; (Лавр. 24) а дружинниками бояръ и слугъ князя, вовсе непринадлежавшихъ къ общинѣ и несвязанныхъ съ него никакими отношеніями, кромѣ княжеской службы.

[1] Здѣсь законъ Отокара также какъ и Руская Правда, очевидно говоритъ о порядкѣ наслѣдованія только въ семействахъ вотчинниковъ, т. е. шляхты воиновъ, это подтверждается одною грамотою тогоже Оттокара данною въ 1210 году, въ которой сказано: Quaedam ingenua femina Margareta nomine, quae fuit uxor Peregrini, recipiens habitum, dedit quandam villam claustro, quae vocatur Heraltitz, et Zazzin miles · dedit cum filia sua Pribichiest terram ad tria aratra in loco, qui vocatur Cladiss. (regesta.... Bohemiae et Morawiae pars 1-ma C. J. Erben. p. 241.)

слѣдство племянницъ и двоюродныхъ сестеръ, и выдавать имъ въ продолженіи года по оцѣнкѣ полную сумму денегъ, а имѣнья брать себѣ; слѣдовательно признаетъ уже право наслѣдованія не однихъ низходящихъ, но и боковыхъ родственниковъ. Такихъ образомъ право наслѣдованія въ имѣніяхъ вотчинниковъ, какъ несостоящихъ въ общинномъ владѣніи, по Рускому и по другимъ Славянскихъ законамъ, въ отличіе отъ наслѣдованія общинниковъ, было разпространено не на однихъ сыновей, но и на дочерей, т. е. имѣніе въ случаѣ ежели бы сыновей не было, не поступало въ казну, а переходило къ дочерямъ. Но разпространеніе права наслѣдованія первоначально кажется тѣмъ только и ограничивалось, по крайней мѣрѣ ни въ Рускій Правдѣ ни въ законахъ Огокара, ни въ Петриковскомъ статутѣ о правѣ наслѣдованія другихъ родственниковъ неупоминается. Право наслѣдованія другихъ родственниковъ, кромѣ дѣтей, въ Славянскихъ законодательствахъ появляется не ранѣше XIV столѣтія: и въ первой разъ объ этомъ правѣ мы читаемъ въ Вислицкомъ статутѣ Казимира, въ старомъ Славянскомъ переводѣ, гдѣ сказано: «Колижъ братья роженая будутъ въ имѣньи, а помрутъ, тогды на стрыечную братью имѣнье прійдетъ; а помрутъ стрыечные братья, тогды на близшее племя имѣнье прійдетъ. А каждый изъ тыхъ будутъ ли сестры въ томъ имѣньи, имѣютъ ихъ вѣномъ отравлять.» (Ак. Зап. Рос. Т. I. стр. 18) Потомъ тоже находимъ въ Законникѣ Душана у Сербовъ, гдѣ сказано, что въ имѣніяхъ властелей бащина, вотчина, по наслѣдству переходила до третьего брату чеда, т. е. до до братниныхъ правнуковъ. Таковое постоянное ограниченіе права наслѣдованія только дѣтьми, даже въ вотчинахъ, въ имѣніяхъ составляющихъ частную собственность независящую отъ общины, служитъ прямымъ свидѣтельствомъ, что Славянскія племена, въ слѣдствіе исконнаго развитія своей общественной жизни въ общинномъ, а неродовомъ быту, во все не сознавали юридическихъ требованій рода, и юридически родство ограничивали только однимъ прямымъ низходящимъ потомствомъ; противоположное воззрѣніе на наслѣдство, допущенное поздними законодательствами Сербіи, Чехіи и Польши, нисколько неуничтожаетъ этаго общаго положенія; Сербы, Чехи и Поляки явно заимствовали свое воззрѣніе со стороны, первые изъ Византіи, а вторые изъ Германіи. Постороннее вліяніе на порядокъ наслѣдованія по закону въ послѣдствіи мы увидимъ и въ нашемъ законодательствѣ; но Рускаго Правдою оно рѣшительно отвергнуто по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ.

Отдѣливши порядокъ наслѣдованія у общинниковъ отъ порядка наслѣдованія у вотчинниковъ, Руская Правда переходитъ къ объясненію главнѣйшихъ подробностей въ порядкѣ наслѣдованія вообще, стараясь повозможности примирить требованія церковнаго Номоканона съ требованіями изконныхъ Славянскихъ обычаевъ. И во 1-хъ уступая требованіямъ Номоканона опредѣляетъ, что бы изъ имѣнія оставшагося послѣ умершаго безъ завѣщанія, была отдѣлена часть на поминъ души покойнаго: «Паки ли безъ ряду умретъ, по всѣмъ дѣтямъ, а на самаго часть дати по души.» [1] Но относительно порядка наслѣдованія между дѣтьми рѣшительно отрицаетъ правила Номоканона, и прямыми наслѣдниками признаетъ только сыновей, дочерей же при сыновьяхъ недопускаетъ къ наслѣдству, а только обязываетъ сыновей давать сестрамъ приданое для выдачи въ замужество. «Пакили безъ ряду умретъ, то всѣмъ дѣтемъ. Аже будетъ сестра въ дому, то той задницы не имати; но отдатятъ ю братіа замужь, како си могутъ.» Это чисто Славянскій порядокъ наслѣдованія, у всѣхъ Славянъ въ древности сестры непризнавались наслѣдницами при братьяхъ, и изъ отцовскаго наслѣдства только имѣли право на приданое при выдачи въ замужство, такъ мы читаемъ въ одномъ статутѣ Мазовіи: «Licet ex antiqua consuetudine istius terrae (Masoviae) sorores hermanae, non hereditant in bonis paternis, et quibus vis aliis sorubus, respectu fatruum suorum germanorum, puerorumque ipsorum; sed semper sunt apud eos in dote, alias na posagu, mihilominus quamvis eas maritus non tradiderint, debent servari et provideri per fratres hermanos et eorum pueros, secundum conditionem isparum in domo et bonis paternis, nec eas inde valebunt ejicere.» (Band. pag. 409). Этотъ порядокъ, отношенія дочерей къ наслѣдству послѣ отца при сыновьяхъ, до настоящаго времени соблюдается въ нашемъ простонародьи по изконнымъ обычаямъ; въ деревнѣ у крестьянъ до сей поры дочери при сыновьямъ непризнаются наслѣдницами отцовскаго имѣнія. При раздѣлѣ отцовскаго имѣнья между братьями, сестры

---

[1] Здѣсь, относительно назначеніе части имѣнія на поминъ души покойнаго, Руская Правда частію слѣдовала старымъ Славянскимъ обычаямъ, по которымъ, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Фоцланъ (писавшій въ началѣ X вѣка), часть имѣнія отдѣлялась на похороны и поминовеніе умершаго, а частію требованію Суднаго Закона людемъ, по которому христіанская церковь настаивала, чтобы часть имѣнія отдавалась убогимъ, которые бы молились за умершаго.

хотя бы они были еще не замужемъ и жили въ общемъ отцовскомъ домѣ, не получаютъ по народному закону никакихъ долей, они остаются до замужства у того изъ братьевъ, который которую возметъ.

Отъ порядка наслѣдованія сыновей и дочерей Руская Правда переходитъ къ раздѣлу отцовскаго имущества между дѣтьми. Здѣсь законъ утверждаетъ изконный Славянскій обычай дѣлить отцовское имѣніе всѣмъ сыновьямъ поровну, отцовскій же домъ безъ раздѣла предоставляетъ меньшему сыну; «Паки ли безъ ряду умретъ, то всѣмъ дѣтямъ, а дворъ безъ дѣлу отень всякъ меншому сынови» Этаго постановленія мы невстрѣчаемъ въ другихъ Славянскихъ законодательствахъ, за исключеніемъ Черногорцевъ; но не потому, чтобы этотъ обычай былъ не Славянскій, ибо у другихъ неславянскихъ народовъ его нѣтъ, слѣдовательно на Руси онъ незаимствованъ изчужи, а свой коренный Славянскій обычай, въ прочія же Славянскія законодательства онъ не вошелъ потому, что всѣ они гораздо моложе Руской Правды, и писаны тогда, когда Славянскія племена находились подъ сильнымъ постороннимъ вліяніемъ. На Руси же онъ сохранился не только въ Руской правдѣ, но и въ лѣтописяхъ; такъ Несторъ подъ 992 годомъ упоминаетъ, что когда Владимиръ искалъ сильнаго борца противъ Печенѣжскаго богатыря, то «пріиде единъ мужъ старъ, и рече князю: Княже! есть у мене единъ меньшій сынъ дома, а съ четырьми есмь вышелъ, а онъ дома, отъ дѣтства бо его, нѣсть кто имъ ударилъ, единою ми сварящу, а оному мьнущю усніе, разгнѣвася на мя и преторже черева руками.» (Лавр. Лѣт. стр. 53) Здѣсь очевидно меньшій сынъ оставался дома, когда отецъ съ старшими вышелъ на войну, на основаніи изконнаго Славянскаго обычая, чтобы отцовскій домъ оставался меньшому сыну; ибо тутъ нельзя никакъ предположить, что бы меньшій сынъ не вышелъ на войну вмѣстѣ съ отцомъ по малолѣтству или по слабости, самъ же отецъ рекомендуетъ его князю какъ сильнаго борца, котораго еще никто не могъ побороть, и который руками разрываетъ воловью кожу. Обычай отдавать отцовскій домъ меньшему сыну въ нашемъ простонародьи удерживается еще доселѣ; когда братья крестьяне по смерти отца вздумаютъ дѣлиться, то всегда отцовскій домъ остается за меньшимъ братомъ, право меньшаго сына на домъ отца у нихъ даже переходитъ къ его дѣтямъ. Наши крестьяне, придерживаясь вполнѣ древняго Славянскаго, чисто общинаго обычая, при раздѣлахъ поступаютъ такъ: они рѣшившись раздѣлиться между собою, ежели нѣтъ матери, прежде всего объявляютъ о своемъ на-

мѣреніи общинѣ,—міру; міръ въ лицѣ всѣхъ домохозяевъ (или старшихъ въ семействахъ) приходитъ въ семейство желающее раздѣлиться, оцѣниваетъ все общее достояніе семейства, дѣлитъ его на столько равныхъ долей, сколько на лицо братьевъ, прикидывая розцѣнку долей къ цѣлому дому, потомъ домъ отдаетъ меньшему брату, а прочимъ братьямъ предоставляетъ бросить жеребей на остальныя равныя доли, и кому какая доля достанется по жеребью, тотъ ту и беретъ. А ежели младшій братъ умретъ до раздѣла, и оставитъ послѣ себя сыновей; то при раздѣлѣ его братьевъ сыновья его получаютъ домъ дѣда нераздѣльно, какъ бы получилъ его ихъ отецъ. Ежели бы братья вздумали дѣлиться при жизни матери; то ихъ дѣлитъ не міръ, а мать, но и при ея раздѣлѣ домъ отца всегда остается за меньшимъ братомъ, это право меньшаго сына почитается ненарушимымъ. Право меньшаго сына на домъ отца, одинаково допускаемое Руской Правдою и въ наслѣдствѣ послѣ боярина и въ наслѣдствѣ послѣ смерда, служитъ самымъ яснымъ отрицаніемъ родовыхъ началъ въ древнемъ Рускомъ обществѣ, по родовымъ началамъ домъ отца непремѣнно доставался старшему сыну, первенцу, какъ полному представителю покойнаго.

Покончивши дѣло съ общимъ порядкомъ наслѣдованія и раздѣломъ отцовскаго имущества между дѣтьми, Руская Правда переходитъ къ частнымъ исключеніямъ въ порядкѣ наслѣдованія дѣтей, и во 1-хъ опредѣляетъ права незаконныхъ дѣтей. По Руской Правдѣ не было различія между законными и незаконными дѣтьми, тѣ и другіе имѣли одинаковое право на наслѣдство послѣ отца, и получали равныя доли; Правда замѣчаетъ одно только изключеніе относительно дѣтей рожденныхъ отъ рабыни: «Аще будутъ робьи дѣти у мужа; то задница имъ не имати; но свобода имъ съ матерью.» Обычай равняющій незаконныхъ дѣтей съ законными очевидно зашелъ въ Рускую Правду еще изъ временъ язычества, когда при свободномъ многоженствѣ немогло быть различія между законными дѣтьми и незаконными, а было только различіе между дѣтьми отъ свободной матери и не свободной, какъ объ этомъ и свидѣтельствуетъ Несторъ. Онъ говоря о раздѣлѣ владѣній Святослава пишетъ, что Святославъ раздѣлилъ свои владѣнія только между двумя сыновьями Ярополкомъ и Олегомъ, рожденными отъ свободныхъ, а третьяго сына Владимира, рожденнаго отъ рабыни, ключницы Ольгиной, оставилъ безъ удѣла. И когда Новгородскіе послы, получившіе ктоаъ отъ Ярополка и Олега, стали просить у Святослава

себѣ въ князья Владиміра; то Святославъ, какъ бы насмѣхаясь, отвѣчалъ: «вото вы есть» т. е. берите его, таковскій вамъ князь, сынъ рабыни. Такойже взглядъ на право сына рожденнаго отъ рабыни высказала Полоцкая княжна Рогнеда! Когда Владиміръ предложилъ ей свою руку; но она отвѣчала:» нехочу разуть робычича, за Ярополка хочу.» Это двойное свидѣтельство лѣтописи прямо показываетъ, что еще въ глубокой древности во время язычества на Руси было различіе между дѣтьми рожденными отъ свободныхъ и отъ рабынь, что подтверждается и одного Рускою статьею о безчестьѣ, приложенною въ концѣ Суднаго Закона людемъ, въ этой статьѣ безчестье измѣряется достоинствомъ матери и бабки.» А за безчесгную гривну золота; аже будетъ баба были въ золотѣ и мати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота; аже будетъ баба въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота; взяти гривна серебра, а за гривну серебра полосмы гривны кунъ.» Оно и естественно, что во время язычества, при свободномъ многоженствѣ, дѣти должны были сколько нибудь различаться между собою по достоинству матерей, одна мать выше по произхожденію, а другая ниже, слѣдовательно и между дѣтьми должно быть различіе; и различіе по матерямъ наблюдалось не только у насъ но и въ Скандинавіи и въ древней Греціи.

Такимъ образомъ настоящая статья Руской Правды, о правахъ незаконныхъ дѣгей рожденныхъ отъ рабыни, явно внесена въ законъ изъ самыхъ древнихъ Рускихъ обычаевъ, ее уже не встрѣчаемъ въ другихъ Славянскихъ законодательствахъ; въ Вислицкомъ статутѣ незаконорожденному предоставляется только право иска за насильственную смерть матери. Въ Германскихъ законодательствахъ напротивъ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, что незаконорожденные дѣти хотя иногда и допускались къ наслѣдству, но съ значительными ограниченіями и никакъ не сравнивались въ правахъ съ законными дѣтьми. Такъ напримѣръ по Лонгобардскому закону Ротаря, законный сынъ бралъ двѣ доли наслѣдства, а незаконнымъ сыновьямъ, сколько бы ихъ ни было оставлялъ одну третью долю; двое же законныхъ сыновей, брали четыре доли наслѣдства, а не законнымъ оставляли только пятую долю.[1] Даже ежелибы не бы-

[1] Rotharis leges Capit. CLIV. Si quis reliquerit filium legitimum unum, quod fulboran, et filios naturales unum aut plures; filius legitimus tollat duas portiones de patris substantia, naturales vero tertiam. Et si sunt duo legitimi, habeant quatuor partes; naturales quintam partem, quanticunque fuerint. Et si tres fuerint legitimi,

ло законныхъ сыновей; то и тогда незаконные сыновья получаютъ только третью долю наслѣдства, а половина наслѣдства идетъ къ законнымъ дочерямъ, и шестая доля къ другимъ родственникамъ. [2] А незаконные дѣти отъ рабынь по закону Лиутпранда не только недопускались къ наслѣдству послѣ отца, но даже не получали свободы. [1] А въ другихъ Германскихъ законодательствахъ незаконные дѣти вовсе не допускались къ наслѣдству, и не пользовались никакими правами своихъ родителей. Въ Россіи же въ старыя времена народный обычай, даже въ XVI столѣтіи, на незаконныхъ дѣтей смотрѣлъ довольно снизходительно, и хотя иногда незаконное произхожденіе клало какойто покоръ на дѣтей; тѣмъ неменѣе ихъ гражданскія права относительно наслѣдства были равны съ правами законныхъ дѣтей, даже они наслѣдовали титла своихъ отцовъ; такъ незаконный сынъ князя былъ также княземъ, какъ и законный сынъ, или незаконный сынъ дворянина щитался также дворяниномъ и пользовался правами дворянства на равнѣ съ законными дѣтьми. Такъ напримѣръ Ярославъ Владимировичь князь Галицкій въ 1187 году, умирая, оставилъ Галичь незаконному своему сыну Олегу, законному же сыну Владимиру далъ только Перемышль. Правду сказать народъ Галицкій и бояре остались недовольны такимъ разпоряженіемъ стараго князя, и по смерти его выгнали назначеннаго имъ Олега; и посадили Владимира; но причина неудовольствія заключилась не въ томъ, что Олегъ былъ незаконорожденный (объ этомъ Галичане во все неговорили), а въ томъ, что онъ былъ Настасьичь, что мать его была низкаго произхожденія, а мать Владимира Княжна Суздальская. Конечно церковь съ своимъ Номоканономъ смотрѣла на это дѣло иначе, но перемѣнить народнаго обычая не могла. Даже попытки свѣтскаго законодательства здѣсь мало успѣвали;

---

habeant naturales septimam partem. Si quatuor fuerint legitimi, habeant naturales nonam partem. .. Si autem plures fuerint, per hunc numerum dividant patris substantiam.

[2] Capit. CLVIII. Si quis dereliquerit filias legitimas duas aut plures, et filios naturales unum aut plures et alios parentes proximos: illae filiae tollant uncias sex, quod est medium; naturales filii uncias quatuor, quod est tertia pars, et parentes legitimi uncias duas, quod est sexta pars. Et si parentes non fuerint, Curtis regia ipsas duas uncias suscipiat.

[1] Liutprandi leges Lib. VI. Cap. XII. nullatenus ej (patri) heredes succedant, sed ne libertatem suam habeant, nec per ullum ingenium eis de rebus suis aliquid facere possit.

такъ напримѣръ Всеволодъ Мстиславичь въ своемъ уставѣ о церковныхъ судахъ, хотя и написалъ: «а се изыскахомъ у третьей жены и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животѣ; аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третьей и четвертой жены по уроку, занѣже тѣ отъ закона отлучены: а человѣкъ ся получаетъ по грѣхомъ, зане же прелюбодѣйніи и неблагословеніи Богомъ. Изъ велика живота дати урочная часть безъ оскуду; а изъ мала живота робичичю часть, конь доспѣхъ и покрутъ по разсмотрѣнью живота.» (Повѣсть о началѣ Печер. Монаст. стр. 105.) Тѣмъ не менѣе уставъ Всеволода не уничтожилъ ни относящейся сюда статьи Руской Правды ни народнаго обычая, и незаконные дѣти продолжали пользоваться одинаковыми правами съ законными дѣтьми.

Далѣе Руская правда говоритъ о порядкѣ наслѣдованія дѣтей отъ одной матери и разныхъ отцовъ. Относительно первыхъ въ Правдѣ сказано: «Будутъ ли дѣти что отъ первой жены, то то возмутъ дѣти матери своей; либо си на жену будетъ взложилъ, обаче матери своей возмутъ.» То есть дѣти отъ двухъ женъ дѣлятъ имѣніе отца поровну; но имѣніе первой жены въ этотъ раздѣлъ невходитъ, хотя бы оно записано было на нее отцомъ изъ егоже имѣнія; оно все поступаетъ въ раздѣлъ только между дѣтьми первой жены. Относительно же дѣтей отъ разныхъ отцовъ и одной матери Руская Правда узаконяетъ слѣдующее правило: «Оже будутъ двою мужій дѣти, а одной матери; то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего отца. Будетъ ли что потерялъ своего иночимля, а онѣхъ отца, а умретъ; то взвратити брату, нань же людіе вылезутъ, что будетъ розтерялъ отецъ его иночимля, а что ему своего отца, то держитъ.» т. е. дѣти разныхъ отцовъ и одной матери, каждые наслѣдуютъ имѣніе своего отца. Но прежде раздѣла приглашаются свидѣтели, при которыхъ имѣніе перваго мужа было передано на храненія второму мужу, и свидѣтели сіи когда покажутъ, что отъ перваго мужа второму мужу передано было такое то имѣніе въ такую то цѣну; тогда напередъ изъ общаго обоихъ отцовъ имѣнія отдѣляется по оцѣнкѣ такая часть, которая бы вполнѣ равнялась имѣнію оставленному первымъ мужемъ; и эта часть уже дѣлится поровну между дѣтьми перваго мужа, а остальное дѣлятъ между собою дѣти втораго мужа. Обѣ сіи статьи Руской Правды съ одной стороны вполнѣ согласуются съ Номоканономъ, именно съ Эклогою Льва и Константина, по которой, какъ мы уже видѣли, дѣти одного мужа отъ двухъ женъ по смерти отца поровну наслѣдуютъ отцовское имѣніе,

а дѣти одной жены отъ двухъ мужей поровну наслѣдуютъ имѣнье матери; но съ другой стороны въ статьяхъ Руской Правды есть значительная разница противъ Эклоги, по закону Эклоги мужъ, при дѣтяхъ вступая во вторый бракъ, не имѣетъ права дарить своей женѣ болѣе, нежели сколько получитъ изъ его имѣнія одинъ сынъ перваго брака; и при томъ когда дѣти перваго брака достигнутъ совершеннолѣтія, то отецъ обязанъ выдать имъ все материнское имѣніе сполна; въ Руской Правдѣ напротивъ мужъ при вступленіи во вторый бракъ неограничивается ни чѣмъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ, и не обязывается выдавать имѣніе первой жены ее дѣтемъ въ слѣдъ за достиженіемъ ими совершеннолѣтія; а также вотчимъ принимая въ опеку имѣніе малолѣтныхъ пасынковъ по Руской Правдѣ необезпечиваетъ его своимъ имуществомъ, чего требуетъ Эклога Льва и Константина. Въ другихъ Славянскихъ законодательствахъ вопросъ о раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми отъ разныхъ родителей разрѣшался нѣсколько иначе, такъ по свидѣтельству Вислицкаго статута въ малой Польшѣ въ старину былъ обычай, что по смерти матери дѣти брали у отца половину всего имѣнія; Вислицкимъ же статутомъ этотъ обычай уничтоженъ, и дѣтямъ по смерти матери дозволено требовать отъ отца половину имѣнія только въ такомъ случаѣ, ежели отецъ вступитъ во второй бракъ, или будетъ разточать имѣніе. [1] А въ Петриковскомъ статутѣ, какъ бы въ объясненіе статьи Вислицкаго статута постановлено, что ежели отецъ послѣ первой жены раздѣлитъ съ дѣтьми свое имущество и вступитъ во второй бракъ; то дѣти перваго брака уже не имѣютъ права наслѣдства на ту половину имѣнія, которая по раздѣлу останется за отцомъ, по смерти отца эта половина поступаетъ въ раздѣлъ между дѣтьми отъ втораго брака. [2] Тоже подтверждается и

---

[1] Statut. Casim. art. XLIX. Ex communi usu in regno nostro observatur: quod moriente matre, bonorum omnium pueri a patre ipsorum tollunt medietatem, (pro portione et haereditate materna) propter quod contigit saepa, filios etate juvenili in parte amittere bona levata a patre, et amodo propter ingratitudinem factam patri, patrem non succurrere filys ad inopiam uergentibus, et sic ex tali divisione pars utraque sentit incommodum et reportat. Visum extitit nobis et nostre milicie; ut matre moriente, fily non petant bonorum obuenientium ex linea paterna aliquam a patre porcionem, antequam ad secundas nuptias convolabit, nisi tunc, velut fame sue prodigus, bona et hereditates illas communes indebile dissiparet.

[2] Statut. Petricov. art. XXII. Statuimus quod, ubi pater, post obitum suae conjugis, inter filios suos fecerit divisionem bonorum suorum, quam filiis denegare non po-

статутомъ Ягайлы, въ которомъ сказано: «А коли дѣти первое жены отъ отца часть свою любо дѣльницу въ роздѣлъ вѣчно возмутъ; тогды дѣльница другое жены на ея дѣти сполна придетъ.» (Ак. Зап. Рос. Т. 1 стр. 39). А по статуту Мазовіи дѣти разныхъ матерей дѣлятъ поровну отцовское и материнское имѣніе, ежели приданое матерей было одинаковое; а ежели одной матери приданое было больше, то дѣти другихъ матерей должны выровнять это приданое своимъ братьямъ до раздѣла, а потомъ уже дѣлить по ровну.» [1] Но такой же порядокъ какъ и въ Руской Правдѣ наблюдался и въ нѣкоторыхъ Германскихъ законодательствахъ, и особенно близко подходило въ этомъ дѣлѣ къ Руской Правдѣ Баварское законодательство: по Баварскимъ законамъ дѣти одного отца и разныхъ матерей отцовское имѣнье дѣлили поровну, а материнское каждый получалъ имѣніе своей матери; но ежели которая мать была несвободная служанка, то ея сынъ ненаслѣдовалъ послѣ отца, развѣ что дадутъ братья изъ милости. [1] Тоже почти повторяетъ и Визиготфскій законъ. [2] Впрочемъ порядокъ раздѣла между братьями или разныхъ

---

test, quamvis per nos, vel per capitaneum nostrum, eadem divisio ratificata non fuerit seu confirmata, eodem patre mortuo, filii ipsam rescindere non valebunt quocunque modo, sed paternam portionem inter se dividen t. Isto modo facta autem hujus modi divisione bonorum ut dictum est, si pater aliam uxorem duxerit et filios susceperit ex eadem, filii prioris matrimonii ad paternam partem nequeant conspirare, sed erit portio secundi matrimonii filiorum.

[1] Statut. Mazoviae. pag. 389. Quando unus nobilis habet plures uxores, et omnes habent aequalia dotalitia in summis pecuniarum; extunc pueri quotquot fuerint ex dictis uxoribus, omnia paterna bona inter se dividere debent equaliter secundum capita dotalitiis hujusmodi ad partem repositis. Si vero alicujus uxoris dicti nobilis dotalitium majus fuerit, tenentur pueri aliarum uxorum dotalitium hoc majus pueris ejusdem uxoris adequare ante divisionem. Si aliqua uxor dicti nobilis non haberet dotalitium, pueri ejus circa divisionem tenebantur partem pecuniarum, quae super eos concernet, imponere, coequando dotalitia aliarum uxorum.

[1] Lex. Bavarior. Tit. XIV. Cap. VII. ut fratres hereditatem patris aequaliter dividant; ut quamvis multas mulieres habuisset et totae liberae fuissent de genealogia sua, quamvis non aequaliter divites, unusquisque hereditatem matris suae possideat, res autem paternas aequaliter dividant. Si vero de ancilla habuerit filios, non accipiant portionem inter fratres, nisi tantum per misericordiam quantum dare voluerint fratres eorum.

[2] Lex Wisigot. Lib. IV. Tit. II. § V. filii qui ex diversis patribus et una matre sunt geniti, ad accipiendam maternam facultatem aequali successione deveniant. Similiter quoque hi, qui de diversis matribus et uno patre oriuntur, divisionis ordinem teneant.

матерей или разныхъ отцовъ, не вездѣ согласный въ подробностяхъ въ основаніи своемъ одинаковъ во всѣхъ разобранныхъ нами законодательствахъ, и кажется у насъ образовался подъ вліяніемъ Византійскаго права.

По Руской правдѣ здѣсь особенно замѣчательно сильное участіе общины даже въ дѣлахъ семейныхъ. Община строго слѣдитъ за семействами, какъ за своими членами, наблюдаетъ чтобы имѣніе одного семейства не переходило въ другое, чтобы одинъ членъ общины не терпѣлъ убытка отъ другаго члена; община дорожитъ благосостояніемъ семействъ и сама вступается въ чисто семейныя дѣла, свидѣтельствуетъ имѣніе оставшееся малолѣтнымъ послѣ отца и является удостовѣрителемъ при раздѣлѣ: «взвратити брату, нань же людіе вылезутъ» говоритъ Руская Правда. Этотъ порядокъ это участіе общины сохраняется еще до сего времени въ нашемъ простонародьи въ деревняхъ.

Покончивши съ наслѣдованіемъ дѣтей послѣ родителей, Руская Правда переходитъ къ наслѣдованію жены послѣ мужа. По закону Руской Правды жена послѣ мужа имѣетъ право на такую же долю изъ мужнина имѣнія, какъ и каждый изъ сыновей покойнаго; но только въ такомъ случаѣ ежели мужъ при жизни не записалъ за ней ничего. А ежели мужъ при жизни записалъ за ней часть своего имѣнія; то она уже не имѣетъ права на долю въ наслѣдствѣ: «Аже жена сядетъ по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужъ взложитъ (взложилъ), потому же есть госпожа, а задница ей мужня ненадобѣ.» Здѣсь очевидно Руская Правда стрѣмится примирить старый Славянскій обычай съ Номоканономъ принесеннымъ церковію. По Номоканону жена если неимѣетъ ни своего ни записаннаго за нею мужемъ имѣнія; то получаетъ изъ мужнина наслѣдства такую же часть, какая придется каждому изъ дѣтей; но часть сія дается женѣ при дѣтяхъ не въ полную собственность (dominium), а только на прожитокъ, безъ дѣтей же въ полную собственность. А по старому Славянскому обычаю, засвидѣтельственному Статутомъ Ягайлы Литовскаго, (1420) жена по смерти мужа при дѣтяхъ оставалась полною хозяйкою, заступала мѣсто мужа въ отношеніи къ дѣтямъ и имѣнію. [1] Руская же Правда съ одной стороны заимствуя

---

[1] Statut. Wlad. Jag. Cap. III. Ad abolendam damnosam consuetudinem, quae hactenus inter subsidos nostros solum ex communi usu servabatur, quod uxor marito

изъ Номоканона, предоставила женѣ только такую долю изъ мужнина наслѣдства, какую получитъ сынъ, и то тогда, когда у ней не будетъ ни своего приданаго, ни записанаго за нею мужемъ имѣнія; а съ другой стороны въ угоду старому обычаю отступила отъ Номоканона, отдавши эту долю, въ полную собственность жены, а не въ пожизненное владѣніе какъ требуетъ Номоканонъ. Такимъ образомъ Руская Правда въ институтѣ наслѣдованія жены послѣ мужа уже представляетъ не изконный Славянскій обычай, а сколокъ съ подобнаго института въ Римскомъ правѣ. Впрочемъ Римскому институту наслѣдованія жены послѣ мужа какъ то пощастливилось во всѣхъ Европейскихъ законодательствахъ, онъ скоро привился и у Германцовъ и у Славянъ, хотя иногда и съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ напримѣръ въ Баварсихъ законахъ Римскій институтъ принятъ безъ измѣненія; тамъ жена послѣ мужа, остающаяся во вдовствѣ, получаетъ въ пожизненное владѣніе изъ мужнина имѣнія ровную долю съ каждымъ изъ сыновей. (Corp. jur Germ. Ant. pag. 308) по Бургундскимъ законамъ и по капитуляріямъ Карла великаго жена по смерти мужа, ежели не имѣла своего состоянія, получала третью часть наслѣдства; слѣдовательно Римскій институтъ былъ уже нѣсколько измѣненъ. А по Славянскимъ законамъ, именно по Вислицкому статуту жена по смерти мужа имѣла право на свое приданое на дары данные мужемъ при жизни, и на разныя движимыя имущества доставшіяся ей послѣ брака, а если сего не было, то на долю изъ мужнина наслѣдства. По статуту Мазовіи жена не получившая отъ мужа приданныхъ даровъ, по смерти мужа владѣетъ тѣмъ имѣніемъ и домомъ, въ которомъ умеръ мужъ, до своей смерти или до втораго брака, ежели у мужа было много имѣній. А ежели у мужа было одно имѣніе, то это имѣніе дѣлится между матерью и дѣтьми, и мать непремѣнно остается въ томъ домѣ, въ которомъ умеръ мужъ. Но очевидно Римскій институтъ о наслѣдованіи жены, скоро принятый Славянскими законодательствами, не скоро сжился съ жизнію народа; ибо Владислав Ягайло, еще въ XV вѣкѣ, жа-

---

mortuo, in sede viduali, contra quandam antecessoris nostri institutionem, remanens, omnia bona possidebat, propter quod nonnulla bona pueris et proximioribus, per inadvertentiam, et malam ipsorum procurationem, annihilabantur et desolabantur. Unde talibus obviare volentes statuimus de cetero: quod uxor marito mortuo, tantum dotem et dotalicium habeat, alia vero bona pueris vel proximioribus tenebitur resignare.

ловался, что народъ не исполнялъ этого закона и держался стараго обычая, по которому жена при дѣтяхъ по смерти мужа оставалась полною хозяйкою мужнина имѣнія; на эту же живучесть стараго обычая кажется указываетъ и одна дарственная запись вдовы Евфиміи, жены Герцога Моравскаго Оттона, писанная въ 1087 году. Евфимія по сей записи даетъ въ монастырь Оломуцкій часть изъ мужнина имѣнія на поминовеніе души покойнаго мужа и на спасеніе свое и своихъ сыновей Святополка, Оттица и Брячислава. (Regesta Bohem. et Morav. pars. I. pag. 76.) Даже въ самой Руской Правдѣ, не смотря на допущеніе новаго закона заимствованнаго изъ Номоканона, еще замѣтна сила стараго Славянскаго обычая, какъ мы сейчасъ увидимъ при разсмотрѣніи закона о преимущественномъ правѣ матери на опеку надъ дѣтьми и ихъ имѣніемъ.

По закону Руской Правды опека надъ имѣніемъ и малолѣтными дѣтьми назначалась только тогда, когда мать пойдетъ вторично замужъ: «оже будутъ у мужа въ дому дѣти малы, а не дюжи сами собою печаловатися, о мати имъ пойдетъ замужъ, то кто имъ ближній будетъ, тому же дати на рукѣ и съ добыткомъ и съ домомъ, донелѣ же възмогутъ, а товаръ дати передъ людьми.» Слѣдовательно ежели вдова непойдетъ вторично замужъ; то остается полною хозяйкою въ домѣ и главою мужнина семейства, къ ней не назначается ни опекуновъ ни попечителей; она остается хозяйкою въ домѣ и главою семейства не только до возраста дѣтей, но и когда дѣти будутъ совершеннолѣтними. Дѣти по старому Рускому обычаю и закону немогутъ выходить изъ полнаго повиновенія матери вдовы до самой ея смерти, для нихъ мать совершенно заступаетъ мѣсто отца. Дѣти, хотя бы были уже совершеннолѣтними, не могутъ удалить мать изъ отцовскаго дома даже тогда, когда она приметъ къ себѣ въ домъ втораго мужа; она только въ такомъ случаѣ должна расчитаться съ дѣтьми (ежели будетъ замѣчена, что во время своего управленія разсточала имѣніе покойнаго,) и по разчетѣ могла по своей волѣ оставаться въ мужинномъ домѣ съ тѣмъ имѣніемъ, которое отписалъ на нее мужъ, или которое она получала по закону изъ мужинна наслѣдства. Руская Правда говоритъ:» аже жена ворчется сѣдѣти по мужи, а ростеряетъ добытокъ и пойдетъ замужъ; то платити ей все дѣтемъ. Не хотетили начнутъ ея дѣти ни на дворѣ, а она начнетъ всяко хотети сѣдѣти; то творити всяко ея волю, а дѣтемъ не дати воли. Но что ей далъ мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть вземши сѣдѣти же.» Этотъ чисто Славянскій

обычный законъ въ тоже время вполнѣ сходится изъ Византійскимъ Номоканономъ, гдѣ по Эклогѣ Льва и Константина жена при дѣтяхъ по смерти мужа признается полною хозяйкою мужнина имѣнія и получаетъ почти такія же права относительно дѣтей, какія ей предоставлены Рускою Правдою. [1] Но очевидно, что здѣсь Славянскій изконный обычай только сошелся съ Византійскимъ закономъ, а отнюдь незаимствовалъ изъ него; ибо онъ на Руси старше принесенія Номоканона на Русь и сильно былъ развитъ въ Рускомъ обществѣ, что подтверждается какъ всею Рускою исторіею, такъ и народными преданіями. По исторіи мы знаемъ, что по смерти Игоря управленіе Русью перешло къ женѣ его вдовѣ Ольгѣ; и Ольга управляла Государствомъ даже тогда, когда сынъ ее Святославъ уже достигъ совершеннолѣтія, управленіе ее кончилось не прежде, какъ она умерла. Ольга неоставляла своей власти ни надъ Русью ни надъ Святославомъ даже въ послѣдніе дни своей жизни. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что когда Слятославъ просился у матери переселиться въ Переяславецъ на Дунай; то Ольга его непустила, и только уже по смерти ее Святославъ, какъ получившій съ смертію матери полную власть, раздѣлилъ Россію своимъ сыновьямъ и отправился на Дунай. И примѣръ Ольги былъ не единственный въ нашей древней исторіи; такъ по смерти Романа князя Галицкаго, Галичемъ и всемъ его княженіемъ начала управлять вдовствующая супруга Романова, она по смерти мужа ѣздила въ Санокъ для переговоровъ съ Угор-

---

[1] Вотъ переводъ шестаго параграфа относящагося сюда XII титула Эклоги. Ежели при дѣтяхъ мужъ умретъ прежде своей жены ихъ матери; то жена остается хозяйкою какъ своего приданаго такъ и всего мужнина имѣнія (*εγκάτοχον τῆς τε προικος αὐτῆς, καί ανδρῶας ἁπασης ὑπάρξεως ἐινε.*) и сдѣлавши полный, законнымъ порядкомъ составленный, инвентарь всему имѣнію какъ мужнину, такъ и своему принесенному въ домъ мужа въ видѣ приданаго и что и сверхъ приданаго, удерживаетъ все сіе въ самовластномъ своемъ управленіи; и дѣти неимѣютъ права ни противиться ей ни требовать отцовскаго имѣнія, а на противъ по заповѣди Божіей должны воздавать ей почтеніе и повиноваться какъ матери; а она, какъ подобаетъ родителямъ, должна воспитывать дѣтей, устроивать ихъ брачные союзы, и по своему разположенію давать имъ приданое. Но ежели она вздумаетъ вступить во второе замужство, то дѣти немогутъ ей въ томъ препятствовать; но она должна отдать имъ все отцовское имѣніе въ цѣлости, оставивши за собою только свое приданое вмѣстѣ съ дарами мужа, данными въ обезпеченіе приданаго.

скимъ Королемъ (Испат. Лѣт. стр. 156.) А по народнымъ преданіямъ, типъ вдовы матери, полновластной хозяйки въ домѣ покойнаго ея мужа и опекунши сына даже совершеннолѣтняго, выраженъ въ народной сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Мать Василья Буслаева, вдова Амельфа Тимофѣевна, по свидѣтельству сказки, управляла всѣмъ домомъ по смерти мужа, и сынъ ея былъ въ полномъ у ней повиновеніи даже тогда, когда весь Новгородъ трепеталъ передъ его силою и удалью. Новгородцы не требуютъ Буслаева на свой судъ, а несутъ на него жалобу къ матери. По словамъ сказки:» Мужики Новгородскіе все люди посадскіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофѣевнѣ, а и говорятъ таковы рѣчи: Ты гой еси честна вдова Амельѳа Тимофѣевна! уйми ты свое чадо милое Василья Буслаевича.... И чинитъ отповѣдь честна вдова Амельѳа Тимофѣевна мужикамъ Новогородскіимъ, обѣщаетъ надъ Ваською дать управу.» И далѣе сказка продолжаетъ о покорности Васьки къ своей матери: «Честной вдовѣ Амельѳѣ Тимофѣевнѣ, своей родимой машушкѣ, Васька покланяется до сырой земли, а въ отвѣтъ держитъ таковы рѣчи: Осударыня моя матушка! небоюсь страху посадниковъ, нестранны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое.» И наконецъ Новгородцы побѣжденные Буслаевымъ и его дружиною обращаются съ моленіемъ не къ нему, а опять къ матери его, какъ хозяйкѣ дома, имѣющей надъ сыномъ полную власть: «Втапоры мужики посадскіе вспознали бѣду неминучую, идутъ въ терема тайницкіе, пишутъ крѣпки записи,—быть Новгороду за Ваською Буслаевымъ. Насыпаютъ чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идутъ къ матерой вдовѣ, честной женѣ Амельѳѣ Тимофѣевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ покланяются: осударыня матушка! пріймай ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молода Василья со дружиною.» Въ XV столѣтіи вдова Марфа Борецкая представляетъ также образецъ полновластной хозяйки въ мужниномъ домѣ даже при совершеннолѣтнихъ дѣтяхъ. Таковое же значеніе вдовы мы встрѣчаемъ въ оффиціальныхъ памятникахъ XVII столѣтія; такъ въ сотной выписи города Дмитрова 1624 года, вдовы являются хозяйками мужинныхъ домовъ и при взрослыхъ дѣтяхъ, и домы сіи щитаются у правительства за вдовами а не за дѣтьми, напримѣръ: дворъ вдовы Марьицы, Васильевскія жены Девешева, да дѣтей ея Николка да Богданка, по сказкѣ старосты и выборныхъ людей, люди лучшіе,

живота ихъ будетъ съ двадцать рублевъ... Дворъ вдовы Матрены, Дмитріевской жены Павлинова, да сына ея Ѳедька, по сказкѣ старосты и выборныхъ людей, люди середніе, живота ихъ десять рублевъ, торгу нѣтъ, дѣлаютъ серебряное дѣло. «(Времен. № 24). У нашего простонародья вдова и въ настоящее время признается хозяйкою мужнина дома, и въ отношеніи къ дѣтямъ вполнѣ заступаетъ мѣсто отца, ежели вторично невыйдетъ замужъ; сыновья даже пятидесятилѣтніе, можетъ быть уже имѣющіе своихъ внучатъ, въ такомъ же находятся повиновеніи у вдовы матери, въ какомъ бы они были у отца; вдова мать управляетъ всѣмъ домомъ и семействомъ, распоряжается мужскими и женскими работами, отпускаетъ сыновей на промыслы, требуетъ съ нихъ отчетовъ, получаетъ деньги, посылаетъ сыновей на мірскую сходку, примиряетъ всѣ семейныя ссоры, дѣлитъ семью, ежели находитъ это нужнымъ; но сыновья не могутъ выдѣлиться изъ семейства, ежели на это не будетъ воли матери; ни одинъ сынъ не можетъ жаловаться міру на материны распоряженія, а ежели бы и пожаловался, то міръ всегда рѣшитъ на томъ, чтобы материна воля была исполнена. Наше простонародье какъ будто бы доселѣ помнитъ законъ Руской Правды: «всяко творити волю матери, а дѣтемъ воли недати.» При раздѣлѣ семейства мать вдова остается или въ мужниномъ домѣ при младшемъ сынѣ, или переходитъ къ тому изъ дѣтей, кого выберетъ, по собственной волѣ, а не по принужденію, что также вполнѣ согласно съ Рускою Правдою.

Наслѣдствомъ, послѣ мужа полученнымъ женою на свою долю, жена распоряжается съ полною властію, и дѣти не могутъ участвовать въ ея распоряженіяхъ, даже когда она выйдетъ за втораго мужа. Руская Правда прямо говоритъ: «А материя часть не надобѣ дѣтемъ; но кому мати дастъ тому же взяти; дастъ ли всѣмъ, а вси роздѣлятъ; безъ языка ли умретъ, то у кого будетъ на дворѣ была, и кто ю кормилъ, то тому взяти. А матери будетъ который сынъ добръ, перваго ли мужа, другаго ли, тому же дастъ свое; аче и вси сынове будутъ ей лиси, а дчери можетъ дати, кто ю кормилъ.» Здѣсь Руская Правда не только недозволяетъ нарушать распоряженій матери; но даже узаконяетъ новый порядокъ наслѣдованія дѣтей послѣ матери, который не походитъ на порядокъ наслѣдованія дѣтей послѣ отца, узаконенный самою же Рускою Правдою. Въ имѣніи послѣ отца всѣ сыновья получаютъ равныя доли наслѣдства, материнское же имѣніе наслѣдуетъ только тотъ сынъ, у кого жила мать и умерла,

который ее кормилъ послѣ семейнаго раздѣла, даже могла наслѣдовать дочь, и такимъ образомъ изключала изъ наслѣдства сыновей, ежели мать жила и умерла у ней. Этотъ порядокъ до сей поры сохраняется у нашихъ крестьянъ. Мать вдова при раздѣлѣ семейства у крестьянъ обыкновенно получаетъ одинакую долю наслѣдства съ любымъ сыномъ, и остается жить у того сына, котораго сама выберетъ, и по смерти ея этотъ сынъ нераздѣльно наслѣдуетъ всю ея долю, и прочіе братья не имѣютъ права вступаться въ это наслѣдство послѣ матери. Но въ настоящее время у нашихъ крестьянъ не въ обычаѣ переходить матери на житье къ дочери при сыновьяхъ, какъ бы не была богата дочь, мать пойдетъ жить не къ ней, а къ сыну, хотябы тотъ жилъ въ крайней бѣдности; вся деревня осудитъ, ежели мать отъ сына пойдетъ къ дочери.

Таковый порядокъ, наслѣдованія жены послѣ мужа и дѣтей послѣ матери, съ одной стороны свидѣтельствуетъ, какими большими правами пользовалась жена относительно той части имѣній, которую она наслѣдовала послѣ мужа, а съ другой стороны указываетъ, какъ мало были развиты родовыя отношенія и связи въ древнихъ Русскомъ обществѣ. Здѣсь мы видимъ каждое семейство юридически разъединеннымъ съ другими родственными ему семействами, и вмѣстѣ замѣчаемъ важное значеніе въ Рускомъ обществѣ женщины вдовы. Жена, разумѣется пришедшая изъ чужаго рода для родственниковъ мужа, не только по смерти мужа не подчиняется опекѣ мужниныхъ родственниковъ, и сама управляетъ имѣніемъ оставшимся послѣ мужа, и въ отношеніи къ дѣтямъ заступаетъ мѣсто отца, главы семейства, ежели не вступитъ въ другой бракъ; но и вступивши во вторый бракъ удерживаетъ за собою изъ имѣнія перваго мужа часть равную части любаго изъ сыновей, и этою частію на столько самовластно можетъ распоряжаться, что имѣетъ полное право завѣщевать ее любому сыну или дочери безъ различія отъ перваго или отъ втораго брака, и ни родственники перваго мужа ни сыновья ея отъ перваго брака не могутъ вступиться въ это имѣніе. Доля наслѣдства полученная женою послѣ мужа почитается совершенно отчужденнею изъ родовыхъ имѣній мужа; такъ что по смерти жены вдовы, даже безъ завѣщанія, ея доля изъ мужнина имѣнія поступаетъ къ тому изъ дѣтей, у кого она жила и умерла, тутъ уже не принимается въ разчетъ, принадлежитъ этотъ сынъ или дочь къ первому или ко второму браку. Таковаго порядка нѣтъ ни въ старомъ Римскомъ правѣ ни въ Германскихъ законодательствахъ, гдѣ

женщина находится подъ постоянною опекою даже у своихъ сыновей, и гдѣ всегда получала часть изъ мужнина имѣнія только на прожитокъ, и немогла завѣщавать по произволу, ибо прожиточное имѣніе или поступало въ раздѣлъ между дѣтьми, или возвращалось въ родъ мужа. Даже Византійское законодательство, именно Эклога Льва и Константина не предоставляетъ такихъ правъ женѣ на имѣніе покойнаго мужа, хотя праваа предоставленныя ей Эклогою обширнѣе нежели въ другихъ законодательствахъ. Но порядокъ Руской Правды въ основаніяхъ своихъ кажется согласенъ съ древнѣйшими Славянскими обычаями; но крайней мѣрѣ въ одномъ статутѣ Мазовіи мы встрѣчаемъ остатокъ подобнаго обычая, хотя уже довольно ограниченнаго; въ статутѣ сказано: «все движимое имѣніе послѣ отца или матери переходитъ къ тому сыну или дочери, у котораго или у которой отецъ или мать жили въ послѣднее время, и тамъ умерли, и другіе дѣти или родственники не имѣютъ права вступаться въ это наслѣдство.» Что этотъ законъ былъ слабымъ остаткомъ древнѣшаго Славянскаго обычая, сему лучшимъ доказательствомъ служитъ свидѣтельство самаго статута, гдѣ сказано, что это право осповано на земскомъ обычаѣ. juxta consuetudinem terrae. (Band. pag. 390.) Тоже замѣтно въ одной уставной грамотѣ данной Чешскихъ Королемъ Венцеславомъ Брунской области въ 1243 году, въ ней сказано; Statuimus, quod quicunque civium moriatur, si uxorem habuit vel liberos judex vel advocatus nequaquam se intromittant de bonis ipsorum; sed sint in potestate uxoris et liberorum. (Regest Bohem. p. 1. pag. 509.)

По закону Руской правды какъ жена по смерти мужа остается полною хозяйкою въ домѣ, и надъ дѣтьми и имѣніемъ не учреждается опеки, ежели жена непойдетъ вторично замужъ; точно также и по смерти жены мужъ остается полнымъ хозяиномъ, какъ надъ своимъ такъ и надъ женинымъ имѣніемъ. Но ежели онъ вступитъ во вторый бракъ, то болѣе уже неимѣетъ полной власти надъ имѣніемъ первой жены, за нимъ остается только право управленія, и по смерти его дѣти первой жены получаютъ сполна имѣніе своей матери, безъ различія принесено ли это имѣніе матерью, въ формѣ приданаго или получено въ видѣ привѣнка изъ мужнина имѣнія. «Будутъ ли дѣти, то что первое жены, то то возмутъ дѣти матери своея, любо си на жену будетъ взложилъ, обаче матери своей возмутъ.» Наслѣдовалъ ли мужъ послѣ своей жены, и ежели наслѣдовалъ то въ какой долѣ, по Руской Правдѣ этаго невидать. Впро-

чемъ можетъ быть относительно этаго предмета въ Рускомъ обществѣ современномъ Правдѣ дѣйствовалъ церковный Номоканонъ, Русская же Правда относительно порядка наслѣдованія служила только дополненіемъ къ номоканону, и отмѣняла лишь противное изконнымъ Рускимъ обычаямъ; а по сему неповторяла тѣхъ статей Номоканона, которыя не требовали ни объясненія ни измѣненія. А по Эклогѣ Льва и Костантина помѣщенной въ номоканонѣ, мужъ послѣ бездѣтной жены наслѣдовалъ четвертую часть ея имѣнія, равно какъ четвертую же часть наслѣдовала жена послѣ бездѣтнаго мужа. По смерти же жены при дѣтяхъ мужъ, ежели отдѣлялся отъ дѣтей уже совершеннолѣтнихъ; то получалъ изъ имѣнія жены такую же часть, какую каждый изъ дѣтей. Но ежели мужъ вступалъ во вторый бракъ, то лишался всякаго права на наслѣдство послѣ жены перваго брака, и только управлялъ имѣніемъ до возраста дѣтей. (Эклога, Титул. XII. §§. 4. 12 и 16) Но Поляки относительно правъ мужа на имѣніе послѣ жены въ древности слѣдовали другому порядку, у нихъ былъ старинный обычай, по которому мужъ по смерти жены немедленно долженъ былъ раздѣлить свои имѣнія пополамъ съ дѣтьми; въ Вислицкомъ статутѣ сказано:» есть во звычаи земли нашой. коли мать умретъ, тогды дѣти берутъ половину отъ отца усего имѣнія.» но этотъ старый обычай Вислицкимъ статутомъ былъ ограниченъ тѣмъ, что таковаго раздѣла дѣти могли требовать только тогда, когда отецъ вступитъ въ другой бракъ: «уставляемъ съ своею радою, абы дѣти небрали дѣльницы отъ отца, покуль другую жену возметъ.» (Ак. Зап. Рос. Т. 1. стр. 13) Тотъ же порядокъ былъ и въ Великой Польшѣ; по свидѣтельству Петриковскаго статута, дѣти по смерти матери могли требовать раздѣла имѣнія и отецъ неимѣлъ права отказать имъ. (Band. 148), Слѣдовательно здѣсь повидимому не только отрицалось право мужа на имѣніе умершей жены, но по смерти жены онъ даже въ своемъ имѣніи не имѣлъ права отказать дѣтямъ въ раздѣлѣ. Но въ позднѣйшее время кажется имѣніе умершей жены могло оставаться во владѣніи мужа до самой смерти, по крайней мѣрѣ это видно изъ статута Владислава Ягайлы 1420 года, гдѣ сказано, что отецъ вступая во вторый бракъ долженъ назначить долю наслѣдства дѣтямъ перваго брака, и лишь бы не былъ разточителенъ, имѣетъ право до самой смерти своей владѣть всѣми наслѣдственными имѣніями, назначивши только дѣтямъ перваго брака долю, которую онъ по смерти ихъ матери принялъ въ видѣ приданаго или

брачныхъ даровъ.[1] Въ старомъ Славянскомъ переводѣ это изложено такъ: «коли мужъ другую жону поймет, имѣетъ дѣтемь тымъ (т. е. первой жены) отчины дѣльницу наречи, а хочетъ ли имъ изъ доброе воли что дать, у томъ воленъ; а по смерти пакъ его дѣти вольны во имѣньи отчизны и материзны, але не другое жоны.» (Ак. Зап. Рос. Т. I. стр. 39). Въ Чешскихъ, Сербскихъ и другихъ Славянскихъ законодательныхъ памятникахъ и въ частныхъ актахъ встрѣчаются также указанія о правѣ наслѣдства жены послѣ мужа. Такъ въ одной грамотѣ Пршемысла Отокара, данной въ 1203 году, два его боярина Злавко и Мильгостъ когда порѣшили отдать свое имѣние Осецкому монастырю; то напередъ выпросили согласія на эту отдачу у своихъ женъ и дѣтей и прочихъ наслѣдниковъ; въ утвердительной грамотѣ сказано: uxoribus quoque amborum ac liberis et universis heredibus rata stipulatione consentientibus. (Regest. Bohem. p. 1 pag. 314). Слѣдовательно жены у Чеховъ XIII столѣтія имѣли право на наслѣдство послѣ мужей вмѣстѣ съ другими наслѣдниками. Или въ уставной грамотѣ Отокара, данной Брунской области въ 1229 году, Отокаръ, подтверждая древнія права, antiqua jura provinciae Brunensis, пишетъ, что жена наслѣдуетъ послѣ мужа третью долю его имѣнія. [1] А уставная грамота Венцеслава Короля Чешскаго, данная той же Брунской области въ 1243 году, свидѣтельствуетъ, что послѣ мужа жена наслѣдовала его имѣніе вмѣстѣ съ дѣтьми и безпрепятственно безъ всякихъ ограниченій могла и оставаться вдовою и выйти вторично замужъ, и кажется имѣла право на полное управленіе всемъ имѣніемъ, какъ хозяйка дома. [3] Такой же порядокъ былъ у Силезскихъ и Лужицкихъ Славянъ; такъ въ одной грамотѣ тамошня-

---

[1] Statut. Wlad. Jag. de a. 1420. Cap. V. Statuimus, quod pater habens filios, dum post mortem genitricis eorum ad secundas nuptias convolaverit, non tenebitur, nisi forte velit sponte, praedictis filiis portionem hereditariam assignare, dummodo dissipator bonorum non existat, sed usque ad mortem suam in bonis hereditariis quibuscunque dominari et manere valebit et poterit, assignata duntaxat praedictis filis suis portione, quam post matrem ipsorum ratione dotis seu nuptiarum tulit et recepit.

[2] Regest. Bohem. p. 1. pag. 350. Si aliquis capitur in manifesto furto, uxor ejus habet tertiam partem.

[3] Ibid. pag. 509. Statuimus quod quicunque civium moriatur, si uxorem habuit vel liberos, judex vel advocatus nequaquam intromittat se de bonis ipsorum, sed sint in potestate uxoris et liberorum. In arbitrio quoque sit viduae non pubere vel nubere, cuicunque velit, absque quolibet impedimento.

го края, писанной въ 1287 году, мы видимъ, что и тамъ жена не исключалась изъ права наслѣдованія въ имѣніи мужа, по крайней мѣрѣ мужъ, отчуждая свое имѣніе, долженъ былъ требовать согласія и отъ жены и отъ дѣтей. [1] У Славянъ Кроаціи, Далмаціи и Славоніи жены по смерти мужей были полновластными хозяйками въ ихъ имѣніяхъ даже при сыновьяхъ, подобно какъ у насъ Ольга управляла всею Русью, по смерти Игоря, даже при совершеннолѣтіемъ Святославѣ; на эту мысль наводитъ грамота Славонской Герцогини Маргариты, писанная въ 1356 году; въ этой грамотѣ Маргарита распоряжается владѣніемъ, какъ государыня, въ то время какъ герцогомъ Славонскимъ былъ уже сынъ ея Іоаннъ. [2] Тоже замѣчаемъ и у Сербовъ, по крайней мѣрѣ мы находимъ подобныя же права наслѣдованія или участія въ управленіи матерей при сыновьяхъ даже совершеннолѣтнихъ. Такъ Стефанъ Душанъ, Царь Сербскій, пока жива была его мать, всѣ грамоты писалъ отъ своего и отъ ее имени. Тоже встрѣчаемъ въ Сербскихъ грамотахъ и послѣ Стефана Душана; такъ въ одной грамотѣ 1495 года 3-го Ноября, въ которой деспотица Ангелика съ сыновьями пожертвовала Святопавловскому Аѳонскому монастырю 500 златыхъ ежегоднаго вклада, учинена слѣдующая подпись: «Въ Христа Бога благочестивіи и христолюбивіи госпога деспотица Ангелика, и деспотъ Георгіе и деспотъ Іоаннъ.» Такую же почти подпись встрѣчаемъ въ грамотѣ 1499 года, гдѣ сказано: «Милостію божіею госпоя деспотица Ангелика, и сынъ нашъ милостію Божіею деспотъ Іоаннъ.» (Гласник. Друж. Серб. слов. Т.

---

[1] Такъ въ данной грамотѣ одного Іоанна de Michelberch сказано: «Nos Ioannes de Michelberch de consensu conjugis nostri et liberorum nostrorum pro remedio animae patris nostri et aliorum parentum nostrorum villam nomine Schlegel cum silvis et omnibus attinentiis suis, venerabili abbatissae et conventui ac domui monialium dictae vallis Mariae ordinis Cisternensis.... jure hereditario possidendam praesentis scripti patrocinio confirmamus (Codex. diplomat. Lusaciae Superioris pag, 100).

[2] Margareta Dei gratia, tocius Slavoniae Croacie et Dalmacie ducissa, fidelibus suis discretis viris capitulo Zagrabiensis ecclesie salutem et graciam. Noveritis quod nos possessionem nostrum, *Prysztawchyna* vocata, juxta possessionem *Gradschan* adjacentem, ob spem quam in beatam virginem gerimus singularem, ac ob remedium anime quondam inclitti principis domini *Stephani* ducis et conthoralis nostri carissimi, nec non pro felici statu incliti principis *domini Joannis ducis* filii nostri carissimi, fratribus heremitis ecclesie beate virginis de promontorio Zagrabiensi, perpetuo duximus conservandam. (Arkiv za povjestnicu Jugoslovensku. Knjiga 111. p. 66.)

V. стр. 224). Такимъ образомъ всѣ Славянскіе памятники болѣе или менѣе свидѣтельствуютъ, за одно съ Русскою Правдою и нашими лѣтописями, что жена имѣла право наслѣдованія въ имѣніи мужа, и даже при взрослыхъ дѣтяхъ пользовалась полною властію въ управленіи имѣніемъ оставшимся послѣ мужа. Но какое право имѣлъ мужъ въ наслѣдованіи имѣнія послѣ жены, безъ дѣтей и при дѣтяхъ, на это въ Славянскихъ памятникахъ, мнѣ извѣстныхъ, нѣтъ прямыхъ указаній, и я не могу ни утверждать ни отрицать сего положенія.

У Германскихъ народовъ напротивъ мы встрѣчаемъ прямыя и ясныя свидѣтельства, отрицающія всѣ права мужа на наслѣдство послѣ жены; такъ по законамъ Бургундовъ прямо опредѣлено, что мужъ неимѣетъ права на наслѣдство послѣ жены: si mulier maritum habens sine filius de hac huce transierit, maritus defuncti uxoris pretium, quod pro illa datum fuerit, non requirat.» (Gorp. jur. Germ. pag. 350) А по Аллеманскимъ законамъ, мужъ тогда только могъ наслѣдовать послѣ жены, когда жена умерла во время родовъ, и оставила новорожденнаго сына, который бы жилъ хотя одинъ часъ. [1] Слѣдовательно здѣсь мужъ получалъ наслѣдство не послѣ жены а послѣ умершаго дитяти. По Скандинавскимъ законамъ Grágás наслѣдованіе мужа послѣ жены, и жены послѣ мужа допускалось въ такомъ только случаѣ, когда они, еще за долго до смерти котораго либо изъ нихъ, составили между собою актъ, по которому ихъ разныя имѣнія были соединены въ одно нераздѣльное имѣніе, а безъ сего акта ни мужъ послѣ жены ни жена послѣ мужа неимѣли права наслѣдованія. [2] По Саксонскому Зерцалу хотя мужъ и допускался къ наслѣдованію послѣ жены, но только тогда, когда у покойной жены не будетъ матери, въ противномъ случаѣ мать предпочитается мужу (Sp. Sax. Lib. I. Tit. XX). Такимъ образомъ въ Германскихъ

---

[1] Lex Alamannorum Titul. XCII. Si qua mulier, quae hereditatem paternam habet, post nuptum praegnans peperit puerum, et in ipsa hora mortua fuerit, et infans vivus remanserit aliquanto spatio, vel unius horae, ut possit aperire oculos et videre culmen et quatuor parietes, et postea defunctus fuerit, hereditas materna ad patrem ejus pertineat, eo tamen si testes habet pater ejus, quod vidissent illum infantem oculos aperire et potuisse culmen domus videre et quatuor parietes. Tunc pater ejus habeat licentiam cum lege ipsas res defendere. Si autem aliter; cujus est proprietas, ipse conquirat.

[2] Grágás Pars 1. Sect. VI. Titul. XXII. Duo conjuges, si voluerint, et aequa adfuerit conditio bonorum, instituant communionem, quae etiam inter heredes eorum valeat.

законодательствахъ взглядъ на право наслѣдованія мужа послѣ жены во все несходился съ Славянскимъ; у Германцовъ постоянно преслѣдовалась одна цѣль, чтобы имущества по возможности не переходили изъ одного рода въ другой.

Постепенное развитіе въ Руской жизни законовъ, Руской Правды и Номоканона, о наслѣдствѣ.

Законы Руской Правды и Номоканона, опредѣляющія права и порядокъ наслѣдованія, постоянно отражались и развивались въ самой жизни Русскаго народа, такъ что лѣтописи и духовныя завѣщанія, до насъ дошедшія, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ и объясненіемъ Русской Правды относительно законовъ о наслѣдствѣ. Духовныя завѣщанія,—это выраженіе послѣдней свободной воли человѣка, по природѣ своей акты самые произвольные, на дѣлѣ въ юныхъ обществахъ являются съ совершенно-противоположнымъ характеромъ, и скорѣе выражаютъ не свободную волю человѣка, а обычай общества, непреложный законъ. Въ юныхъ обществахъ изконный обычай (boni mores, какъ говорили Римляне,) такъ сильно царитъ надъ личностями, что долго никто не рѣшается отступать отъ него, чему лучшимъ доказательствомъ, въ отношеніи къ древнему Рускому обществу служатъ самыя духовныя завѣщанія до насъ дошедшія; всѣ они писаны почти нисколько не отступая отъ основныхъ законовъ Руской Правды, и при томъ во все не представютъ того разнообразія, какого бы должно было ожидать отъ нихъ, какъ отъ выраженія послѣдней воли нестѣсняемой постороннимъ вліяніемъ. А посему мы теперь прямо и обратимся къ лѣтописямъ и духовнымъ завѣщаніямъ до насъ дошедшимъ, чтобы видѣть какъ законы о наслѣдствѣ выраженные въ Руской Правдѣ постепенно развивались въ старомъ Рускомъ обществѣ. И вотъ древнѣйшее духовное завѣщаніе, записанное въ лѣтописяхъ, объявляетъ наслѣдниками Ярослава великаго однихъ сыновей, о дочеряхъ же не говорить ни слова, хотя у Ярослава, какъ извѣстно, были и дочери. Ясно что въ этомъ завѣщаніи выражается общій Славянскій законъ, записанный въ Руской Правдѣ, по которому дочери при сыновьяхъ недопускаются къ наслѣдству. Далѣе наша лѣтопись подтверждаетъ изконный Славянскій обычай, выказанный въ одномъ Мазовецкомъ статутѣ, по которому жена по смерти мужа остается въ его домѣ; такъ супруга великаго князя Всеволода Ярославича по смерти его

проживала въ Кіевѣ, тогда какъ Кіевъ принадлежалъ уже Святополку, а сынъ ея Мономахъ княжилъ въ Черниговѣ. Или по Русской правдѣ не видно, что бездѣтная жена могла наслѣдовать все имѣніе послѣ своего мужа, а напротивъ ясно получала только часть сего имѣнія; и это вполнѣ подтверждается лѣтописью и духовнымъ завѣщаніемъ Владимира Васильковича князя Волынскаго; онъ по бездѣтству своему всѣ владѣнія передалъ брату своему Мстиславу, женѣ же своей княгинѣ Ольгѣ отписалъ только городъ Кобрынь и нѣсколько селъ (Ипат. лѣт. стр. 215.) Тоже замѣчаемъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ Московскихъ князей, гдѣ жены вдовы при сыновьяхъ согласно съ Рускою Правдою и Номоканономъ получали извѣстную долю изъ мужнина имѣнія. Такъ по завѣщанію Іоанна Даниловича Калиты, сыновья его Семенъ, Іоаннъ и Андрей получили въ раздѣлъ всѣ владѣнія отца по третямъ, женѣ же Калиты, матери сыновей, по завѣщанію назначена особая доля вмѣстѣ съ дочерми, которыя названы въ завѣщаніи меньшими дѣтьми; относительно же движимаго имѣнія женѣ предоставлено подѣлиться съ сыновьями поровну. Въ древнихъ Польскихъ законахъ жена также дѣлилась съ сыновьями въ движимомъ имуществѣ мужа. Сверхъ того согласно съ Рускою Правдою женѣ, какъ матери сыновей, завѣщаніе предоставляетъ право отцовской власти надъ дѣтьми; въ завѣщаніи сказано: «а по грѣхомъ ци имутъ искати Татарове которыхъ волостій, а отоимутся; вамъ сыномъ моимъ и княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостьми.» (Соб. Гос. Грам Т. 1. стр. 32.) А бездѣтный князь Семенъ Іоанновичь написалъ такое же завѣщаніе, какъ и бездѣтный князь Владимиръ Васильковичь; онъ всѣ свои владѣнія на основаніи Номоканона предоставилъ братьямъ, а женѣ назначилъ только нѣсколько городовъ и селъ, а также все движимое имѣніе и часть коней, какъ прямо сказано въ завѣщаніи: «а изъ конь изъ своихъ изъ ѣздовыхъ ведѣлъ есмь дати своей княгини стадо Коломенское, другое стадо дѣтино Ивашково» (ibid. стр. 38) Это близко подходитъ къ общимъ Славянскимъ обычаямъ выраженнымъ въ статутѣ Ягайлы Литовскаго, гдѣ о наслѣдованіи вдовы послѣ мужа сказано: «Ut talis mulier circa omnia pecora, et quaevis alia, quae in dote sua et dotalitio fuerint, una cum equis vectigalibus, quibus tempore mariti sui vehebatur, remaneat, demtis vestibus et equis parvis, in valore trium marcarum mariti defuncti, quae in equalem sortem seu portionem dominae cum pueris cedere debebunt et dividi cum effectu.» (Band pag. 204.) Особенно много подтвержде-

ній правиламъ наслѣдованія по Руской Правдѣ и Номоканону представляетъ духовное завѣщаніе великаго князя Іоанна Иоанновича, писанное въ 1356 году, въ немъ великій князь во 1-хъ дѣлитъ свои владѣнія между сыновьями и женою; по женѣ согласно Номоканону даетъ имѣніе только на прожитокъ, съ тѣмъ, чтобы по смерти ее владѣнія поступили къ сыновьямъ, что у кого въ удѣлѣ: «а по животѣ моее княгини, тѣ волости и села и треть тамги, дастся сыну моему князю Дмитрію и князю Ивану, въ котораго уѣздѣ, то того и есть.» Во 2-хъ настоящее завѣщаніе показываетъ, что и прежнія княгини вдовы, согласно съ Номоканономъ, должны владѣть своими долями, данными по завѣщаніямъ ихъ мужей, только по смерть. Завѣщаніе гласитъ:» А княгини Ульяна, по отца моего князя великаго по грамотѣ по духовной, вѣдаетъ волости и осминичье и села до своего живота; а по ее животѣ дѣти мои князь Дмитрій и князь Иванъ и братаничь князь Володиміръ и моя княгини подѣлятся на четверо безъ обиды» Въ 3-хъ завѣщаніе не назначаетъ дочерей наслѣдницами, согласно съ Руской Правдою, а только требуетъ, чтобы они были выданны за мужъ. «А кто ми дастъ Богъ зятью, по чепи имъ по золотѣ, по поясу по золоту.» въ той же грамотѣ о дочери княгини Ульяны сказано: «а что волости за княгинею за Ульяною, изъ тыхъ волостій по ея животѣ дѣти мои князь Дмитрій, князь Иванъ, князь Володимеръ дадутъ дочери ея Сурожикъ, село Лучиньское» (ibid. стр. 40) Въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Дмитрія Иоанновича, писанномъ въ 1389 году, открывается съ одной стороны нѣсколько подтвержденій Руской Правдѣ, а съ другой высказываются нѣкоторыя нововведенія. Такъ во 1-хъ по настоящему завѣщанію согласно съ Руской Правдой и изконнымъ народнымъ обычаемъ мать по смерти отца заступаетъ его мѣсто въ отношеніи къ дѣтямъ. Димитрій Иоанновичь прямо пишетъ:» *Даю рядъ* сыномъ своимъ и своей княгини.» *Приказываю* дѣти свои своей княгинѣ; а вы дѣти мои живите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ.» Или въ другомъ мѣстѣ: «*а приказалъ* есмь свои дѣти своей княгини; а вы дѣти мои слушайте своее матери во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ. А который сынъ мой не имѣтъ слушати своее матери, а будетъ не въ ея воли, на томъ не будетъ моего благословенія» 2-е изъ настоящаго завѣщанія видно, что жены послѣ мужей получали иногда два вида наслѣдства, — одинъ видъ на прожитокъ, *до живота*, а другой въ полную собственность. Дмитрій Иоанновичь своей супругѣ Евдокіи Дмитріевнѣ назначаетъ изъ удѣ-

ловъ сыновей своихъ разныя волости на прожитокъ, и пишетъ объ этомъ видѣ наслѣдства такъ: «А что есмь далъ своей княгинѣ изъ удѣла сына своего княжа Васильева, изо княжа Юрьева, изо княжа Андреева, изо княжа Петрова волости и села; а что Богъ размыслитъ о моей княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть.» Потомъ о второмъ видѣ наслѣдства говоритъ: «А се даю своей княгинѣ свой примыслъ Скирменовскую слободку съ Шепковымъ, Смоляные съ Митяевымъ починкомъ.... и что княгини моее прикупъ, и что къ ней потянуло, то моей княгинѣ.... А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть.... А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецовъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ.... а то княгинѣ моей.... А тѣми своими примыслы благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслахъ вольна моя княгиня, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ; а дѣти мои въ то не вступаются.» 3-е постоянно выказываемое въ княжескихъ завѣщаніяхъ предпочтеніе въ наслѣдованіи старшему сыну передъ младшими, у великаго князя Дмитрія Іоанновича высказалось ясно и прямо; въ завѣщаніи сказано: «А сына своего князя Василья благословляю на старѣйшій путь въ городѣ и станѣхъ моего удѣла двою жеребьевъ половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ половина.» (ibid. стр. 58.) Но на самомъ дѣлѣ въ общихъ обычаяхъ это отнюдь не было нововведеніемъ, а только династическій взглядъ князей на право наслѣдованія въ государственныхъ владѣніяхъ. И этотъ взглядъ у Рускихъ князей былъ издревле, еще Ярославъ великій передалъ старшій столъ Кіевскій старшему сыну Изяславу, и у князей постоянно во всѣхъ княженіяхъ старшій столъ переходилъ къ старшему сыну. Это государственный законъ, и сравнивать его съ гражданскимъ закономъ Руской Правды нѣтъ надобности; духовныя грамоты князей слѣдовали Руской Правдѣ только въ томъ, въ чемъ она не противорѣчила изконному Государственному закону и обычаю; и иначе это быть не могло; а Московскіе князья особенно заботились о развитіи этаго государственнаго закона, дабы такимъ образомъ приготовить средства къ соединенію всѣхъ Рускихъ княженій подъ одну державу.

Духовная грамота князя Владимира Андреевича, писанная въ 1410 году, частію служитъ подтвержденіемъ прежнихъ грамотъ относительно сходства ихъ съ закономъ наслѣдованія изложеннымъ въ Руской Правдѣ, а частію представляетъ новыя свидѣтельства о томъ же сходствѣ. Такъ во 1-хъ настоящая грамота свидѣтельствуетъ о тѣхъ

же правахъ вдовы матери надъ дѣтьми и о разныхъ видахъ наслѣдства вдовы послѣ мужа, которые мы уже видѣли въ грамотѣ Донскаго. Во 2-хъ настоящая грамота согласно съ Рускою Правдою требуетъ, чтобы сыновья дѣлили поровну наслѣдство послѣ отца, въ грамотѣ сказано. «А сіаны дѣти мои подѣлятся ровно на полы; а у котораго будетъ болѣ въ станѣхъ, и тотъ тому съступится. А будетъ Бѣлгородье болѣ Юрьевца и Черняковой, и сынь мой князь Семенъ Коряковой придастъ брату Ярославу; а будетъ Юрьевецъ и Черняково болѣ Бѣлгородья, ино потомужь.» Въ 3-хъ грамота свидѣтельствуетъ, что жена вдова по смерти мужа, ежели не вступитъ во вторый бракъ; то до кончины своей вмѣстѣ съ дѣтьми остается въ имѣніи мужа, именно такъ, какъ это узаконяетъ Руская Правда; въ грамотѣ сказано:» а погрѣхомъ отъиметъ Богъ сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, а не пойдетъ замужъ; и сноха моя съ своими дѣтьми сѣдитъ въ мужа своего удѣлѣ до своего живота,» Въ 4-хъ согласно съ Рускою Правдою дочери по настоящей грамотѣ непризнаются наслѣдницами, а имѣютъ только право на приданое, и должны быть выданы замужъ тѣми родственниками, которые наслѣдуютъ имѣніе ихъ отца. «А размыслитъ Богъ, сказано въ грамотѣ, о сносѣ моей, и тотъ удѣлъ сыну ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а останется дчи; и дѣти мои вси брата своего дчерь выдадутъ замужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся вси ровно.» Въ 5-хъ по настоящей грамотѣ согласно съ духомъ Руской Правды и съ изконными юридическими вѣрованіями Рускаго народа, бездѣтная вдова остается въ имѣніи своего мужа до своего живота, ежели не пойдетъ вторично замужъ, и родственники мужа неимѣютъ право удалить ее. «А отоиметъ Богъ котораго сына изъ сыновъ моихъ, а жена его непойдетъ замужъ, а небудетъ у ней дѣтей; и сноха моя сидитъ въ мужа своего удѣлѣ до своего живота, по сей моей грамотѣ, а поминаетъ нашу душу, а дѣти мои до ея живота въ брата своего удѣлъ невтупаются ни каковыми дѣлы.» Въ 6-хъ наконецъ настоящая грамота нѣсколько свидѣтельствуетъ о томъ законѣ Рускій Правды, по которому домъ отца доставался меньшему сыну; въ грамотѣ сказано: «А княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми со княземъ Андреемъ, со княземъ Васильемъ далъ есмь имъ дворъ свой большой Московской на полы.» (ibid. стр. 74—79.) Грамота В. К. Василья Дмитріевича писанная въ 1423 году подтверждаетъ свидѣтельства прежнихъ духовныхъ грамотъ объ отношеніяхъ вдовы матери къ дѣтямъ и о разныхъ видахъ наслѣдства вдовы по-

слѣ мужа. Духовная грамота князя Юрья Дмитрьевича, писанная въ 1434 году, свидѣтельствуетъ согласно съ Рускою Правдою, что имѣніе жены по смерти ея, при дѣтяхъ, оставалось въ управленіи мужа; въ грамотѣ сказано: «а что моего осталося золота или жемчугу, *или матери его* золота и жемчугу, а тѣмъ благословляю сына своего Дмитрія меншого. (ibid.» стр. 106.) Въ духовной грамотѣ инокини, Евпраксіи вдовствующей супруги князя Владимира Андреевича, мы встрѣчаемъ свидѣтельство о томъ, что къ наслѣдству уже допускались и боковые родственники, и довольно отдаленныхъ степеней родства; а съ другой стороны тоже завѣщаніе указываетъ намъ, что вдовы по смерти мужей, согласно съ Руской Правдой имѣли какъ отдѣльное имѣніе полученное отъ мужа въ полную собственность, такъ и имѣніе данное имъ на прожитокъ по смерти мужа, и первымъ имѣніемъ могли разпоряжаться по собственному усмотрѣнію, отчуждать его кому угодно: «а материя часть дѣтемъ непадобѣ; но кому мати дастъ гому же и взяти.» Такъ въ настоящемъ завѣщаніи Евпраксіи село Коломенское съ деревнями отдано великому князю Василью Васильевичу внуку Владимира Андреевича отъ двоюроднаго брата; потомъ нѣсколько владѣній отданы князю Василью Ярославичу родному внуку Евпраксіи, и далѣе даны нѣсколько селъ и деревень снохамъ ее вдовамъ княгинямъ Василисѣ и Ульянѣ, и внукѣ отъ старшаго сына княгинѣ Маріѣ. И снохамъ своимъ Евпраксія отдала свое наслѣдство не въ пожизненное владѣніе, а въ полную собственность, въ грамотѣ прямо сказано: «а что есми благословила снохи свои которыми селы; и внукъ мой князь Василій въ тѣ ся села невступаетъ ни которыми дѣлы, вольны мои снохи въ своихъ селехъ.» (ibid. с. 190) Духовная грамота великаго князя Василья Васильевича писанная въ 1462 году, прямо говоритъ согласно съ Рускою Правдою, что жена вдова по смерти мужа имѣетъ право имѣніе, полученное ею отъ мужа, раздавать по своему усмотрѣнію, въ грамотѣ сказано: «которые мои дворы отчина моя, и купля, примыслъ мой и сады мои (что онъ отказалъ своей женѣ); и въ тѣхъ дворѣхъ вольна моя княгини, которымъ моимъ дѣтемъ, которое дастъ, ино тому то и есть.» (ibid. стр. 208) Въ Духовной грамотѣ князя Ивана Юрьевича Патрѣкѣевича, писанной въ 1498 году, завѣщатель согласно съ Рускою Правдою и Номоканономъ все свое имѣніе раздѣлилъ поровну между своими двумя сыновьями и женою, а что самъ не подѣлилъ, то велѣлъ имъ самимъ раздѣлить поровну. (ibid. стр. 238) Духовная грамота князя Ѳедора Борисовича

Волоцкаго, писанная въ 1523 году, служитъ яснымъ свидѣтельствомъ о правѣ наслѣдованія дѣтей еще неродившихся. Ѳедоръ Борисовичь умирая оставлялъ послѣ себя беременную супругу; а посему своимъ наслѣдствомъ распорядился такъ: сперва написалъ доли своего имѣнія, которыя даетъ своей супругѣ; потомъ пишетъ,—«а родится у моей княгини сынъ, и язъ сына своего благословляю, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой Борисъ Васильевичь, Волокомъ и Ржевою съ волостьми съ пути и селы, и со всѣми пошлинами; и язъ благословляю сына своего своею вотчиною. А родится у моей княгини дочь, и я даю своей дочери на Волоцѣ свою вотчину волость Войничи; а во Ржевѣ даю своей дочери села Ѳедково да Спаское съ деревнями.» (ibid. стр. 419).

Постепенное развитіе идеи о наслѣдствѣ, указанное намъ въ жизни Рускаго общества въ предѣлахъ Сѣверовосточной Руси, также замѣтно и въ жизни Юго-западной Руси и Чехіи и у другихъ Запад. Славянъ, только съ своими оттѣнками, которые условливались исторіею тѣхъ странъ и ихъ отношеніями къ сосѣдямъ. Такъ въ завѣщаніяхъ у Юго-западныхъ Руссовъ, или Литвиновъ, мы встрѣчаемъ указаніе, что тамъ въ противность Руской Правдѣ и другимъ старымъ Славянскимъ законамъ былъ уже обычай допускать одинаково къ наслѣдству и сыновей, и женъ, и дочерей. На примѣръ въ духовной грамотѣ Князя Андрея Владимировича Ольгердова внука, писанной въ 1446 году, сказано: «отписалъ есмь своей женѣ княгинѣ Маріи, и своимъ и дѣтемъ и ее дѣтемъ, свою отчину и свою выслугу... а вси тые имѣнія поручилъ есмь и далъ есмь женѣ своей княгинѣ Маріи, и сыну своему князю Глѣбу, и дочьцѣ своей княжнѣ Овдотіи.» (Ак. Зап. Рос. Т. 1. стр. 60) Правило допущенія къ наслѣдству дочерей наровнѣ съ сыновьями явно перешло изъ Прохирона Василія Македонянина, и служитъ свидѣтельствомъ того, что на юго западѣ Руси Номоканонъ сильнѣе дѣйствовалъ на общественную жизнь, чѣмъ у насъ, что впрочемъ сильно подтверждается и многими другими указаніями; юго-западные Руссы, находясь въ постоянной борбѣ съ Латинствомъ, старались какъ можно крѣпче придерживаться Номоканона. Но въ тоже время и старые обычаи и правила Руской Правды еще сохранялись въ жизни; такъ мы встрѣчаемъ множество и такихъ указаній изъ которыхъ видно, что дочери допускались къ наслѣдству, согласно съ Рускою Правдою, только въ случаѣ неимѣнія сыновей. На примѣръ по приговору Литовскаго Великаго князя Александра, послѣ умершаго безъ сыновей

князя Ивана Мстиславскаго, его владѣнія по праву наслѣдства утверждены за его дочерми княжнами Настасьей и Ульяной. Въ грамотѣ сказано:» Ажъ бы княжны ихъ милость поѣхали за ся до Мстиславля, и мѣшкали на Мстиславлѣ и на всей отчинѣ своей, что держали дѣдъ ихъ князь Юрій и отецъ ихъ князь Иванъ. «(Ак. Зап. Рос. Т. 1. стр. 152) Или въ памятной записи королевской радѣ писанной въ 1505 году князь Иванъ Ярославись предьявлялъ свои права на вотчину Лоскъ, основываясь на томъ, что жена его внука Корибута Олгердовича, которому принадлежала эта вотчина. (ibid. стр. 363).

Въ Югозападной Руси также какъ и въ Сѣверо-восточной въ продолженіи всего періода Руской Правды сильно высказывалось небреженіе къ роду и отсутствіе родовыхъ отношеній съ юридическимъ значеніемъ; такъ что родовыя отношенія по имуществу признавались только тогда, когда члены рода, фамиліи, владѣли имѣніемъ нераздѣльно, и напротивъ какъ скоро раздѣлялись, то на отдѣленныхъ право наслѣдованія ежели не вовсе прекращалось, то по крайней мѣрѣ сильно отдалялось. Такъ съ Сѣверовосточной Руси, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи по смерти Ярославскаго князя Василья Всеволодовича, неоставившаго послѣ себя сыновей, Ярославское княженіе перешло не къ двоюроднымъ его братьямъ Борису и Глѣбу Васильевичамъ, а къ совершенному чужеродцу Ѳедору Ростиславичу Смоленскому, женившемуся на дочери покойнаго. (Ник. лѣт. Т. III. стр. 62.) Точно также и въ югозападной Руси по свидѣтельству судной грамоты Литовскаго великаго князя Александра, писанной въ 1499 году, двоюродная сестра князя Семена Михайловича Олельковича княгиня Александра Семеновна Олельковича не допущена къ участію съ нимъ въ наслѣдствѣ на Слуцкъ и Копылъ потому, что отцы ихъ, князь Семенъ и князь Михайло Александровичи, промежи себе дѣлъ имѣли, князь Семенъ взялъ Кіевъ со всѣми городки и волостьми Кіевскаго повѣта, а князь Михайло взялъ Случескъ и Копылъ.» Это удаленіе отъ наслѣдства отдѣленныхъ родичей, такъ было сильно въ югозападной Россіи подъ Литовскимъ правленіемъ, что всѣ потомки отдѣленныхъ исключались изъ права наслѣдованія однихъ послѣ другихъ. Такъ въ настоящей грамотѣ В. К. Литовскій пишетъ: «А княгини Семеновой Александровича, княгинѣ Марьѣ, и ее дочьцѣ княгини Ѳедоровой Ярославича, княгинѣ Александрѣ, и ихъ дѣтемъ и счадкомъ ихъ, въ то ся вже невступати и не поискивати подъ княземъ Семеномъ

Михайловичемъ и подъ его дѣтьми и подъ ихъ сѣадки, Слуцка и Копыла. (Ак. Зап. Рос. Т. I. стр. 186).

По духовнымъ завѣщаніямъ и другимъ юридическимъ актамъ у Чеховъ и иныхъ западныхъ Славянъ мы также какъ и на Руси замѣчаемъ постепенное развитіе общеславянскаго закона о наслѣдствѣ, высказаннаго въ Руской Правдѣ. Такъ у Славянъ Силезскихъ и Лужицкихъ мы находимъ, что у дружинниковъ къ праву наслѣдованія, также какъ и по Руской Правдѣ, допускались сыновья и дочери; въ одной данной дружинникъ Албертъ изъ Гурца, въ 1293 году, отдавая часть своего имѣнія Будизинскимъ каноникамъ, пишетъ: «de bona et libera voluntate cum consensu filiorum meorum omnium et singulorum et filiarum, legavi et donavi canonicis Rudesinensibus.» (Neve Lausitzisches magazin. Cod. diplom. Lusatiae Super. pag. 327.) Слѣдовательно безъ согласія сыновей и дочерей, какъ прямыхъ наслѣдниковъ, передача имѣнія была непрочна. Далѣе изъ другой грамоты тамошняго же края, писанной въ 1287 году, видимъ, что и жена, согласно съ Руской Правдою, не была исключена изъ наслѣдства послѣ мужа; такъ что мужъ, отчуждая имѣніе, требовалъ согласія и отъ жены и отъ дѣтей. Въ данной грамотѣ одного благороднаго Іоанна изъ Михельберга сказано. «Nos Ioannes de Michelberch de consensu conjugis nostrae et liberorum nostrorum pro remedio animae parentis nostri, ac aliorum parentum nostrorum villam nomine Schlegel... venerabili abbatissae et conventui, ac domui monialium dictae vallis Mariae ordinis Cisterciensis....jure hereditario possidendam praesentis scripti patrocinio confirmamus.» (ibid. pag. 100.) Тоже яснѣе утверждаютъ два духовныхъ завѣщанія XII вѣка, писанныхъ въ Чехіи, въ которыхъ прямо сказано о правѣ наслѣдованія жены по смерть или до втораго выхода въ замужство; въ одномъ изъ сихъ завѣщаній писанномъ въ 1102 году нѣкто Чехъ Нѣмой все имѣніе свое отказываетъ женѣ, пока она будетъ во вдовствѣ: «Ego Nemoy omnem suberam meam post mortem meam, scilicet V villas et quidquid habeo, dimitto uxori meae quandiu permanserit in viduitate. Si vero nupserit vel moriatur, post ea sint omnia mea fratribus Wissegradensibus pro amima mea. (Regest. Boh. Par. 1. p. 85.)
Въ другомъ завѣщаніи Чешскаго боярина Грознаты, писанномъ въ 1189 году, недвижимое имѣніе завѣщано женѣ по смерть или до выхода въ замужство, а движимое въ полную собственность. «Si vero uxor ei supervixerit et alium maritum ducere voluerit, cum avro

et argento suo et alio domestico supellectili vadat ad maritum, et possessiones cum omnibus suis appendiciis ecclesiae relinquantur. Si autem vidua permanserit omnia prefata usque ad finem vitae suae pacifice teneat, et tunc, sicut supra dictum est, erunt ecclesiae.» (ibid. pag. 183). У Чеховъ и Лужичанъ, также какъ и по Руской Правдѣ, сыновья наслѣдовали не только отцовское, но и материнское имѣніе. Такъ въ одной грамотѣ Богемскаго короля Венцеслава, писанной въ 1233 году, о священникѣ Збигневѣ сказано: «nec non tam paternam, quam, omnem maternam substantiam in dotem ecclesiae contulit et reliquit» (ibid. pag. 377.) Тоже подтверждается и въ одной Лужицкой грамотѣ 1304 года, гдѣ мать, отчуждая имѣніе, представила на это и согласіе дѣтей «Domina Adilheidis dicta de Rehildorff se bonis in Kunigshayn exuit, nec non filii ejus jam dictae dominae, videlicet Nicolaus dictus de Rohildorff, simul et Rainaldus filius ejus se exuerunt cum bona voluntate a bonis, in quocunque ad jam dictam dominam spectabant.» (Neve Lausitzisches Magazin Cod. diplom. Luzat. Super. pag. 113.) У Моравовъ въ XII столѣтіи уже кажется допускались къ наслѣдству братья и сестры послѣ братьевъ; такъ въ одной данной Моравскаго князя Брячислава, писанной въ 1196 году въ числѣ свидѣтелей впереди всѣхъ подписались братъ Брячислава Владиславъ и сестра Евфимія. (Regest. Bohem. pag. 192). А графъ Грозната Чешскій въ завѣщаніи 1196 года, даетъ сестрамъ своимъ по смерти доли изъ своихъ имѣній одной, вдовѣ, въ пожизненное владѣніе или до втораго замужества, а другой, дѣвицѣ назначаетъ по жизненное содержаніе изъ доходовъ. Въ завѣщаніи сказано: «Soror mea quae est in Polonia, si marito superstes natale solum revisere voluerit, quamdiu in viduitate permanserit, Gotessoviz cum omnibus appendiciis possideat; si vero alteri nupserit, vel in viduitate abierit, eadem bona ecclesia recipiat. Juditae, alteri sorori, usque ad finem vitae suae de hiis bonis, (съ разныхъ имѣній отданныхъ Теплицкой церкви) quae ecclesiae contuli, abbas Theplensis necessaria decenter provideat» (ibid. 194.) Наконецъ у Чеховъ въ XIII столѣтіи, кажется, уже допускались къ наслѣдству всѣ родственники. Такъ изъ одного суднаго дѣла 1219 года между Чехомъ Зависсомъ и Пласенскимъ монастыремъ видно, что племянникъ могъ наслѣдовать послѣ тетки. Тетка Зависсова Агнеса, купивши у него имѣніе Мовсциделицъ, отдала Пласенскому монастырю; и Зависсъ по смерти ее началъ тяжбу съ Пласенскимъ монастыремъ (caepit impetere, injuriis etiam et contentionibus pro hereditate et patrimonio vendito lacessere), и монахи, чтобы побудить его отступиться отъ

тяжбы по совѣту, юристовъ, рѣшились откупиться деньгами. Sane, consilio prudentum virorum adhibito, requisita etiam voluntate et consensu nostro regali, novem ei marcas se daturos promiserunt.» (ibid. pag 288). Или изъ грамоты Богемскаго короля Пршемысла Отокара данной въ 1224 году видимъ, что наслѣдниками послѣ умершаго признаются жена, дѣти, братья и прочіе родственники; въ грамотѣ сказано: Nec uxor ejus (боярина Ратмира, которому селеніе Тышковъ дано было только въ пожизненное владѣніе) liberi, fratres, aut propinqui post mortem ipsius in villis, agris, nemoribus, aut pratis sibi per fraudem aut violentiam quicquam audeant usurpare: (ibid. pag. 315).

Такимъ образомъ духовныя завѣщанія и другіе юридическіе акты на Руси у Чеховъ и другихъ западныхъ Славянъ служатъ довольно яснымъ свидѣтельствомъ, что общеславянскій древній законъ о наслѣдствѣ, засвидѣтельствованный Рускою Правдою, въ продолженіи XII, XIII, XIV и XV столѣтій мало по малу измѣнялся и развивался, постепенно разпространяя право наслѣдованія отъ дѣтей мужа и жены и на боковыхъ родственниковъ. Теперь прослѣдимъ это постепенное разпространеніе права наслѣдства по законодательнымъ памятникамъ, постоянно отражавшимъ на себѣ жизненныя потребности того или другаго общества.

Постепенное измѣненіе и разпространеніе наслѣдственныхъ правъ по законодательнымъ памятникамъ послѣ Руской Правды.

Византійскій Номоканонъ, какъ мы уже видѣли, постепенно дѣйствовавшій на жизнь Рускаго общества относительно измѣнія исконнаго Славянскаго порядка наслѣдованія, мало по малу проникъ и въ самое законодательство на Руси, и совершенно измѣнилъ изконный законъ Руской Правды относительно этаго предмета. Чему конечно не мало способствовало и самое развитіе Рускаго общества, постепенно измѣнявшее взаимныя отношенія лицъ и семействъ. Законъ Руской Правды, оказавшій первоначально сильное сопротивленіе Номоканону, не могъ окончательно уничтожить борьбы, поставленной требованіями церковнаго права, и поддерживаемой постепеннымъ развитіемъ жизни общества, и наконецъ самъ долженъ былъ уступить постоянно усиливавшимся новымъ требованіямъ и измѣнить многія основныя начала въ порядкѣ наслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба была упорна, и старые обычаи по разнымъ мѣстностямъ Руси долго отстаивали свое значеніе, какъ можно догадываться изъ

того, что на примѣръ Московскія духовныя завѣщанія, какъ мы уже видѣли, даже въ XV и XVI столѣтіяхъ довольно твердо еще держались основныхъ началъ Руской Правды относительно порядка наслѣдованія; тѣмъ не менѣе этотъ порядокъ въ другихъ мѣстностяхъ Руси много уже измѣнился еще въ XIV столѣтіи, а въ иныхъ можетъ быть и раньше. Конечно это измѣненіе дѣлалось постепенно, старыя положенія Руской Правды, твердо коренившіеся въ обычаяхъ народа, естественно уничтожались не за разъ; но мы пока еще неимѣемъ тѣхъ старыхъ законодательныхъ памятниковъ, по которымъ могли бы слѣдить за этимъ постепеннымъ измѣненіемъ. Единственный, извѣстный намъ теперь, старый законодательный памятникъ, Псковская Судная грамота, въ первоначальной своей редакціи относящаяся ко времени между 1327 и 1337 годами, представляетъ намъ законъ о наслѣдствѣ уже сильно измѣненнымъ противъ Руской Правды, и въ наибольшей части своихъ положеній согласнымъ съ Номоканономъ.

Псковская Судная грамота уже не ограничиваетъ права наслѣдованія однимъ прямымъ низходящимъ потомствомъ умершаго, какъ это было узаконено Рускою Правдою, а напротивъ допускаетъ къ наслѣдству всѣхъ родственниковъ низходящихъ, возходящихъ и боковыхъ линій, безъ исключенія и ограниченія, даже не полагаетъ никакого различія въ наслѣдованіи по различію состояній. Въ Псковской грамотѣ сказано: «а у котораго умершаго, а будетъ отецъ или мать, или сынъ, или братъ, или сестра, или кто ближнего племени, а животомъ владѣетъ, а только не сторонніе люди; ино имъ вольно искать безъ закладу и безъ записи умершаго, а на нихъ вольножъ искати.» Или въ другомъ мѣстѣ: «а который изорникъ помретъ у государя на сели, а не будетъ у него ни жены ни дѣтей, ни брата, ни племени; ино государю такожъ животъ изорничь съ приставами и съ сторонними людьми попродавать, да за свою покруту поимати, а потому племени изорничю ни брату несочить живота изорнича. А будетъ у изорника братъ или иное племя, и за животъ поимаются; ино государю на нихъ и покруты искать.» (Псков. Грам. стр. 3, 13.) Здѣсь уже не исключаются изъ права наслѣдованія ни отецъ, ни мать, ни братъ ни сестра, ни другіе родственники; слѣдовательно правила Номоканона о порядкѣ наслѣдованія приняты въ обширнѣйшемъ объемѣ, и порядокъ наслѣдованія признается одинаковымъ и въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ, и въ семействахъ бѣдняковъ, каковы изорники, т. е. крестьяне живущіе на чу-

жой землѣ. Различіе классовъ относительно правъ наслѣдованія, заповѣданное Руской Правдою, по Псковской грамотѣ уже несуществуетъ. Общество и законодательство на столько развились, что ясно уже сознаютъ различіе между правомъ частнымъ и правомъ общества, и не смѣшиваютъ семейныхъ имущественныхъ отношеній лица съ отношеніями общественными. По Руской Правдѣ только у бояръ и дружины, т. е. у вотчинниковъ, допускалось право наслѣдованія дочерей, у общинниковъ же смердовъ, могли наслѣдовать только одни сыновья, а ежели сыновей не будетъ, то имѣніе шло въ казну; по Псковской же грамотѣ бѣдный безвѣстный изорникъ въ правѣ наслѣдованія сравненъ съ знатнымъ бояриномъ и богатымъ купчиною, и всякая законная собственность, какъ бы ни была мала и кѣмъ бы ни пріобрѣтена, влечетъ за собою одинакія права и обязанности, и неподлежитъ никакимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ въ правѣ наслѣдованія.

Еще прежде Псковской грамоты мы встрѣчаемъ уже сильное измѣненіе въ древнемъ правѣ наслѣдованія у Чеховъ; по жалованной грамотѣ короля Отокара, данной Брунской области въ 1229 году, право наслѣдованія разпространено нетолько на сыновей, дочерей и жену, но и на всѣхъ родственниковъ; въ грамотѣ сказано: «Quando aliquis nobilis capitur in furto, et suspenditur et non habet prolem, hereditas ipsius regi cedat. Et si aliquis capitur in manifestu furto, uxor ejus habeat tertiam partem.... Si quis non habuerit filium vel filios, et habuerit filias, ad illas deveniat hereditas; et si non fuerint, hereditas deveniat ad proximos heredes. (Regest Boh. Per. 1. pag. 349.) Тоже обширное право наслѣдства для всѣхъ родственниковъ по близости степеней родства повторяется въ жалованной грамотѣ короля Венцеслава, данной той же Брунской области въ 1243 году; въ грамотѣ сказано: «Si is, qui moritur, non habuerit uxorem vel liberos, et sine destamento et ordinatione rerum suarum decedit, bona, quae reliquit, proximo heredi suo cedant. Item volumus, ut advena hospes, in civitate moriens, de rebus suis quicquid ordinaverit, ratum et firmum volumus permanere. Si vero moriens nihil ordinaverit, cives custodiant res defuncti annum et diem; infra quod spatium si venerit aliquis, qui se socium, vel heredem, vel creditorem defuncti mettertius honestorum virorum probaverit, eidem absque contradictione assignentur omnia, quae contingunt defunctum; sin autem, pars bonorum illorum tertia pro anima defuncti, tertia judici, tertia vero cedet in usus civitatis. (ibid. pag. 509.) Здѣсь также мы невидимъ, какъ и въ Псковской грамотѣ, ни-

какихъ ограниченій въ правѣ наслѣдованія, ни по знатности рода, ни по богатству; но очевидно измѣненіе изконныхъ Славянскихъ обычаевъ наслѣдованія въ Чехіи совершилось подъ вліяніемъ современныхъ Римско-Германскихъ законовъ, а не при посредствѣ Греческаго Номоканона, чему съ одной стороны служитъ свидѣтельствомъ исторія Чехіи, бывшей въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Германской имперіей, а съ другой стороны самая грамота указываетъ на заимствованіе изъ Римско-Германскихъ законовъ, въ ней женѣ отдается третья доля изъ мужнина имѣнія, uxor habet tertiam partem; это прямо взято изъ Капитуляріевъ Карла великаго, гдѣ въ IV книгѣ, IX главѣ, сказано: «Volumus, ut uxores defunctorum post obitum maritorum tertiam partem conlaborationis, quam simul in beneficio conlaboraverunt, accipiant» (Corp. jur. Germ. pag. 1369.) Отокаръ только разпространилъ право жены на третью часть мужнина имѣнія безъ ограниченія изъ какихъ бы источниковъ не составилось это имѣніе; тогда какъ въ капитуляріяхъ прямо сказано, что жена имѣетъ право на третью часть того мужнина имѣнія, которое пріобрѣтено ими въ продолженіе брачной жизни. Впрочемъ грамоты Отокара и Венцеслава относятся къ Моравіи, собственно же въ Чехіи разпространеніе правъ наслѣдства на боковыхъ родственниковъ началось кажется не раньше XV вѣка, покрайней мѣрѣ мы въ первый разъ встрѣчаемъ объ этомъ извѣстіе въ уставѣ Владислава изданномъ около 1430 года, гдѣ сказано: «ежели кто умретъ неоставивъ по себѣ сыновей (Diedicow) и безъ завѣщанія, а будетъ у него родной братъ, то имѣніе умершаго сперва идетъ къ брату, а не будетъ брата, то замужней дочери.»

Почти въ одно время съ Псковскою грамотою и въ Польшѣ старый Славянскій законъ наслѣдованія потерпѣлъ подобное же измѣненіе по Вислицкому статуту, изданному въ 1347 году; въ статутѣ сказано: «колижь нѣкоторый людъ, а любо кметъ умретъ безъ дѣтей, тогды панъ его увязуется въ пустовщину. Про то мы нынѣ укладаемъ тотъ обычай: съ того имѣнья будетъ ли абы келихъ учиненъ былъ за полторы гривны къ церкви, гдѣ прибѣгалъ; а остатокъ, и то ближнимъ и пріятелемъ чтобы дано» (Ак. Зап. Рос. Т. 1. стр. 10.) Или въ Латинской редакціи статута: «abusiva consuetudine nositur esse conservatum, quod cum aliqui kmetones seu rustici, vel alii civiles homines, absque prole de hac luce decedunt, ipsorum omnia bona mobilia et immobilia, nomine vulgariter puscizna, domini eorundem consueverunt occupare; unde nos eandem consvetudinem ut juri contrariam et absurdam reputantes, statuimus. quod de bonis eorundem

decedentium, si tantum reperiatur in ejusdem bonis, calix pro marca cum media ecclesiae parochiali dandus comparetur, reliqua vero bona ad proximos consanguineos vel affines, cessante quolibet impedimento, devolvantur, prout aequitas et justitia suadent. (Bandk. pag. 66.) Здѣсь по добію Псковской грамотѣ, право наслѣдованія разпространено уже на всѣхъ родственниковъ (ad proximos consanguineos et affines) по-близости степеней родства, и не только въ высшихъ классахъ, общества, у вотчинниковъ, но и въ низшихъ, у общинниковъ; и законъ уже прямо говоритъ, что старый обычай, какъ несогласный съ справедливостію, отмѣняется. Но статутъ, уступая новымъ идеямъ права о наслѣдствѣ, въ тоже время еще не совершенно отрѣшается отъ ограниченій, онъ допускаетъ принятіе новыхъ идей права о наслѣдствѣ только въ имѣніяхъ значительныхъ, изъ которыхъ на поминъ души покойнаго можно было отдать въ приходскую церковь покрайней мѣрѣ сосудъ до полуторы гривны (должно быть серебра), т. е. до 60 золотниковъ: слѣдовательно имѣнія, изъ которыхъ не изъ чего было пожертвовать на церковь до полуторы гривны, оставлены были новымъ закономъ на прежнемъ положеніи, т. е. наслѣдованіе таковыхъ имѣній послѣ бездѣтно умершаго шло не къ родственникамъ, а въ казну или къ владѣльцу земли. Ясно, что этотъ новый законъ образовался въ Польшѣ не изъ развитія жизни, а подъ вліяніемъ церковнаго права и можетъ быть понастоянію и убѣжденіямъ духовенства; ибо по сему закону разпространенное право наслѣдованія прямо условливалось пожертвованіемъ на церковь; слѣдовательно тутъ была выгода для духовенства, а посему оно и хлопотало о таковомъ законѣ. Псковская грамота въ настоящемъ случаѣ дѣйствуетъ гораздо свободнѣе Вислицкаго статута, она неограничиваетъ разпространеннаго права наслѣдованія никакими условіями, ни богатствомъ ни знатностію. Но очевидно въ Польшѣ въ знатныхъ фамиліяхъ, у вотчинниковъ, допущеніе къ наслѣдству всѣхъ родственниковъ было развито за долго до Вислицкаго статута, ибо статутъ объ этомъ уже неупоминаетъ, и заботится только о развитіи этаго права въ остальныхъ классахъ общества.

Таковое же разпространеніе права наслѣдованія для всѣхъ родственниковъ по близости степеней родства, мы встрѣчаемъ и въ законодательныхъ памятникахъ западной Руси во время Литовскаго владычества, хотя и гораздо позднѣе, нежели въ Польшѣ и во Псковѣ, но уже безъ тѣхъ ограниченій, какія мы видѣли въ Вислицкомъ статутѣ. Въ грамотѣ короля Казимира IV, данной Литовскому, Рус-

скому и Жмудскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, боярамъ и мѣстичамъ, въ 1457 году, сказано; «по смерти отцевъ сынове и дочки отъ своея отчины не маютъ отдалены быти, але съ ихъ потомками ближними съ посполитымъ правомъ имаютъ володѣти, якожъ то княжата, рытери, шляхтичи и мѣстичи коруны Полскіе. А такожъ коли нѣкоторому князю, рытеру, шляхтичу и мѣстичю съ того свѣта пригодилося бы изыйти; тогды удову у въ имѣньи мужа ее оставити хочемъ такъ долго, какъ долго будетъ на столцы вдовьемъ сѣдѣти. Аже пакъ коли которая усхочетъ къ другой свадбѣ пріити, маетъ быти дана, кого жъ выберетъ. А дѣти ажъ будутъ перваго мужа въ имѣньи маютъ остати. Ажъ пакъ не будетъ дѣтей перваго мужа, ино ближнимъ имѣнье перваго мужа, яко жъ и иныи удовы у коруни Полской держатъ.» (Ак. Зап. Росс. Т, 1. стр. 75). Тоже подтверждается великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ въ его жалованной грамотѣ Кіевскимъ мѣщанамъ, данной въ 1484 году. Въ грамотѣ сказано: «а котораго мѣщанина сберетъ Богъ съ сего свѣта, а останется жена, а любо дѣти, а любо братья, а любо ближніи; ино тое имѣнье на ближнего спадетъ, а по души имъ вольно дати и записати къ церкви свое власное. А всхотелъ ли бы кто землю пашную, а любо бортную записати къ церкви, то нехай будетъ съ нашимъ произволеньемъ.» (ibid. стр. 145.) Казимиръ, распространяя право наслѣдованія на всѣхъ родственниковъ умершаго, прямо приравниваетъ это право къ праву уже существующему у Поляковъ,— *якожъ то княжата, рытери, шляхтичи и тыстичи коруны Польскіе*; но едва ли отсюда можно заключить о заимствованіи этаго права изъ Польскихъ законовъ, ибо въ жизни западно-Рускаго народа оно существовало и прежде подъ вліяніемъ Номоканона, какъ мы уже видѣли изъ духовныхъ завѣщаній и другихъ юридическихъ актовъ тамошняго края. Притомъ не должно опускать изъ вида, что по Вислицкому статуту въ Польшѣ право наслѣдованія, какъ мы уже видѣли, ограничивалось или благородствомъ (nobilitas) или извѣстною цѣною наслѣдства, въ Казимировой же грамотѣ и Александровой этаго ограниченія нѣтъ.

Такимъ образомъ въ Моравіи, Псковѣ, Польшѣ, Чехіи и Югозападной Руси въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ были уже прямые законы, распространяющіе право наслѣдства на всѣхъ родственниковъ по близости степеней родства; но были ли подобные законы о наслѣдствѣ въ Новгородѣ и въ другихъ владѣніяхъ сѣверовосточной Россіи, намъ неизвѣстно, ибо пока еще неотысканы самые законо-

дательные памятники тамошнихъ краевъ, относящіеся къ XIII, XIV и началу XV столѣтія. Но что законъ сей уже существовалъ и дѣйствовалъ въ самой жизни народа, въ этомъ нельзя и сомнѣваться; ибо съ одной стороны Кормчая, или Номоканонъ, была дѣйствующимъ закономъ въ юридической церковно-гражданской практикѣ по всѣмъ владѣніямъ Руси, а дѣла о наслѣдствѣ, какъ извѣстно, были въ вѣдѣніи церковнаго суда; съ другой стороны юридическіе старые обычаи нашего простонародья въ своихъ мірскихъ или общинныхъ судахъ вполнѣ признаютъ право наслѣдованія и за прямымъ низходящимъ потомствомъ, и за восходящими линіями родства, и за родными братьями и сестрами и за другими боковыми родственниками. По смерти крестьянина, неоставившаго послѣ себя ни жены ни дѣтей, обыкновенно имѣніе достается отцу или матери, ежели они живы; а ежели нѣтъ въ живыхъ ни отца ни матери, то имѣніе дѣлится по равнымъ паямъ между родными братьями и сестрами покойнаго. И замѣчательно, что юридическій обычай нашихъ крестьянъ, согласно съ Рускою Правдою, въ прямомъ низходящемъ потомствѣ недопущающій къ отцовскому наслѣдству дочерей при сыновьяхъ, вовсе опускаетъ изъ виду это основное правило при наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ, послѣ бездѣтнаго брата братья и сестры дѣлятъ его имѣніе по равнымъ долямъ. Это рѣзкое различіе ясно показываетъ, что обычай допущенія къ наслѣдству прямаго низходящаго потомства и обычай распространяющій право наслѣдства на всѣхъ родственниковъ появились въ жизни народа въ разное время и имѣли разныя основанія, и вторый былъ только пришлымъ дополненіемъ перваго, нисколько его неизмѣнивши его въ основномъ началѣ.

Но какъ Псковскій законъ о правѣ наслѣдованія возходящихъ и боковыхъ родственниковъ, такъ и юридическій обычай сельской общины доселѣ существующій, очевидно не прямо заимствованы изъ Номоканона, но только при его указаніи выработались съ развитіемъ общественной жизни; ибо при видимомъ согласіи съ Номоканономъ въ нихъ скрывается большая разница. По Номоканону первыми наслѣдниками послѣ прямаго низходящаго потомства признаются прямые возходящіе родственники и родные братья и сестры по равнымъ долямъ; въ Прохиронѣ Василія Македонянина сказано; «Сходящимъ несущимъ, призываеми бываютъ въ наслѣдіе возходящіи прежде всѣхъ сущихъ отъ страны, кромѣ иже отъ тѣхъ родитель родившаяся братія.» (Кормч. часть 11. листъ 93). А по Псковскому закону и по

юридическому обычаю нынѣшней сельской общины послѣ прямаго низходящаго потомства слѣдуетъ жена умершаго, и только въ случаѣ смерти жены прежде мужа, наслѣдство открывается для родителей умершаго и его родныхъ братьевъ и сестръ. Слѣдовательно порядокъ наслѣдованія прямыхъ возходящихъ родственниковъ и родныхъ братьевъ по Псковскому закону и по юридическому обычаю Руской сельской общины совершенно разногласитъ съ порядкомъ, утвержденнымъ Номоканономъ; по Номоканону мужъ признается полнымъ наслѣдникомъ жены и жена полною наслѣдницею мужа только тогда, когда не будетъ ни восходящихъ ни боковыхъ родственниковъ, какъ сказано въ кормчей: «егда скончается мужъ или жена безъ завѣта, ни единаго же отъ восходящихъ и низходящихъ, или отъ сущихъ отъ стороны, или законнаго или роднаго не имѣста наслѣдника; тогда мужъ во всецѣло жены своея призываеся наслѣдіе, и жена мужа своего да пріемлетъ.» (Корм. Ч. II. лист. 94.) Такимъ образомъ мужъ и жена по Номоканону признаются послѣдними наслѣдниками другъ послѣ друга. По Псковскому же закону и по юридическому обычаю Руской сельской общины мужъ и жена стоятъ впереди всѣхъ другихъ наслѣдниковъ, кромѣ прямаго низходящаго потомства. Псковскій законъ, относительно наслѣдованія жены послѣ мужа, ближе всѣхъ подходитъ къ Жмудиной уставной жалованной грамотѣ, данной Литовскимъ великимъ княземъ Александромъ въ 1492 году. Какъ по Псковскому закону жена послѣ мужа получала его имѣніе только въ пожизненное владѣніе, или до вступленія во второе замужство, какъ сказано въ грамотѣ: у которой жены мужъ умретъ безъ рукописанья, «и останется отчина или животъ; ино женѣ его кормиться до своего живота, только не пойдетъ за мужъ, ино ей нѣтъ.» Точно также и въ Жмудской грамотѣ написано: «вдовы шляхтичовъ и боярскіи во имѣньяхъ муковъ своихъ заставляемъ дотуль, поколь вдовами были; а которые бы иншихъ муковъ себѣ хотели мѣти и поймати: ничего больше, одно тыи посаги, которыи имъ перши мужи назначили, маютъ мѣти; а тыи имѣнья ихъ, которые держали будучи еще вдовами, маютъ прійти на пріятели або на прирожоныи першихъ муковъ ихъ.» (Ак. Зап. Рос. Т. I. стр. 103)

Псковскій законъ, допустивши къ наслѣдованію возходящихъ и боковыхъ родственниковъ въ мужскомъ и женскомъ полѣ, совершенно сравнялъ ихъ въ правахъ на наслѣдство, и согласно съ Номоканономъ оставилъ одно только различіе основанное на близости степеней родства, всѣмъ же родственникамъ одной степени далъ со-

вершенно одинакія права какъ мужчинамъ такъ и женщинамъ, и женщинамъ какъ замужнимъ, такъ и незамужнимъ; въ грамотѣ сказано: «а у котораго умьршаго, а будетъ отецъ, или мати, или сынъ, или братъ, ити сестра, или кто ближнего племени, а животомъ владѣетъ.» Этотъ же порядокъ вполнѣ соблюдается и нашею сельскою общиною даже въ настоящее время: у нашихъ крестьянъ ежели послѣ умершаго не останется ни низходящаго потомства, ни жены, ни отца, ни матери; то наслѣдуютъ родные братья и сестры по равнымъ долямъ. А ежели не останется ни родныхъ братьевъ ни сестръ; то признаются наслѣдниками другіе родственники по порядку близости степеней родства, и степень родства ближайшая по порядку получаетъ имѣніе въ раздѣлъ по равнымъ долямъ безъ различія мужчинъ и женщинъ, и исключаетъ всѣ дальнѣйшія степени. Тотъ же порядокъ мы встрѣчаемъ и въ Мазовіи, гдѣ изстарина былъ обычай, что сестры, безъ различія дѣвицы и замужнія, имѣютъ полное неограниченное право на наслѣдство послѣ бездѣтныхъ братьевъ; въ Мазовскомъ статутѣ 1541 года сказано: «Ex consuetudine antiqua observatur: ubi fratres et eorum pueri, ac successores eorum legitimi deficiunt, et sine prole decedunt, sorores ipsorum germanae succedunt et hereditant, redeunt que ad bona paterna et fratrum suorum, etiamsi abrenuntiatae fuerint et maritis traditae. (Band. pag. 408). Напротивъ того Вислицкій статутъ, какъ мы уже видѣли, хотя и допускаетъ къ наслѣдованію всѣхъ родственниковъ по близости степеней родства; но въ то же время относительно наслѣдованія дѣвицъ еще придерживается стараго Польскаго обычая, по которому дѣвицы не признаются прямыми наслѣдницами и имѣютъ только право, чтобы другіе родственники выдали ихъ замужъ изъ наслѣдуемаго имѣнія; въ 128 параграфѣ статута сказано: «коли жь братья роженая будутъ въ имѣньи, а помрутъ; тогды на стрыечную братью имѣнье прійдетъ. А помруть стрыечныи братья, тогды на ближнее племя имѣнье прійдетъ. А каждый изъ тыхъ, будутъ ли сестры въ томъ имѣньи, имѣютъ ихъ вѣномъ отправлять.» (Ак. Зап. Рос. Т. I. стр. 18).

Относительно права наслѣдованія мужа послѣ бездѣтной жены, и жены послѣ бездѣтнаго мужа Псковская грамота несогласна съ Номоканономъ, ни по Прохирону Василья Македонянина, ни по Эклогѣ Льва и Константина. По Прохирону мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа признаются наслѣдниками только тогда, когда небудетъ ни низходящихъ, ни возходящихъ, ни боковыхъ родственниковъ, и въ

такомъ случаѣ наслѣдуютъ уже все имѣніе въ полную собственность: а по Эклогѣ мужъ и жена безъ дѣтей хотя и допускаются къ наслѣдованію и при другихъ родственникахъ, но только въ четвертой части; въ Эклогѣ прямо сказано: ежели бездѣтная жена умретъ прежде мужа, то мужъ удерживаетъ за собою четвертую часть изъ приданаго, остальное отдаетъ ея наслѣдникамъ по завѣщанію или безъ завѣщанія. Точно также и жена послѣ бездѣтнаго мужа, кромѣ своего приданаго, беретъ еще часть изъ мужнина имѣнія равную четвертой части приданаго, а остальное отдаетъ его наслѣдникамъ. (Кормч. Ч. II. лист. 121.) По Псковскому же закону мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа наслѣдуютъ все имѣніе, но только въ пожизненное владѣніе, или до вступленія во вторый бракъ. Въ грамотѣ сказано: «У котораго человѣка помретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина; ино мужу владѣти тою отчиною до своего живота, только неоженится, а оженится, ино кормли ему нѣтъ. А у которой жены мужъ помретъ безъ рукописанія и останется отчина или животъ; ино женѣ его кормитися до своего живота, только непойдетъ замужъ, а пойдетъ замужъ, ино ей кормли нѣтъ.» (Пск. Гр. стр. 14.) Здѣсь Псковскій законъ очевидно еще слѣдовалъ общеславянскимъ обычаямъ, по которымъ мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа признавались хозяевами общаго имѣнія, или до конца жизни или до вступленія во второй бракъ.

Псковскій законъ, допустивши порядокъ пользованія имуществомъ мужу послѣ жены и женѣ послѣ мужа, по смерть или до вступленія во вторый бракъ, естественно долженъ былъ допустить искъ родственниковъ жены на мужѣ, ежели онъ вступитъ во вторый бракъ, и искъ родственниковъ мужа на женѣ при вторичномъ ея замужствѣ: «А у котораго человѣка помретъ жена, а мужъ ея оженится; и ження мать или сестра или иное племя, а имутъ искать платья; ино мужъ ея право по души платья отдастъ, а на станки мужеви о женни платьи и целованья нѣтъ. Такожъ коли мужъ помретъ, а имутъ мужня платья (искать) на женѣ его, отецъ или братья (или) иное (племя), (ино) отдать платья право по души, что у него останется; а на станки женѣ въ мужни платьи целованья нѣтъ.» Но этотъ искъ очевидно допускался только въ недвижимомъ имѣніи и можетъ быть въ денежныхъ капиталахъ и товарахъ (отчина и животы), а отнюдь не въ домашней движимости и платьѣ; ибо законъ относительно мужнина и женнина платья прямо говоритъ, что искъ не могъ идти до суда, а оканчивался добровольною

выдачею платья, по душѣ, безъ всякихъ доказательствъ относительно того, все ли выдано платье или не все. *А на станки мужеви о женини платьи, и женѣ въ мужни платьи и целованья нѣтъ.* Но въ настоящемъ искѣ, какъ правильно замѣтилъ Г. Энгельманъ [1], особенно замѣчательно то, что въ наслѣдствѣ послѣ жены, въ случаѣ вступленія мужа во вторый бракъ, первыми являются мать и сестра жены. Этого указанія мы не встрѣчали ни въ Руской Правдѣ ни въ другихъ законодательныхъ памятникахъ Руси; но нѣтъ сомнѣнія, что это древній Славянскій обычай, на него нѣкоторыя хотя неполныя указанія мы встрѣчаемъ и въ Польскомъ законодательствѣ, гдѣ въ материнскомъ имѣніи дочери допускаются къ наслѣдству въ равныхъ доляхъ съ сыновьями, тогда какъ изъ отцовскаго имѣнія только пользуются правомъ на приданое. И у насъ въ сельскихъ общинахъ материнское имѣніе, т. е. холсты, платье и другую рухлядь обыкновенно наслѣдуютъ дочери, а не сыновья. Вообще, кажется, можно допустить, что Псковскій законъ, о преимущественномъ правѣ наслѣдованія женщинъ послѣ женщинъ собственно въ женской рухляди, есть остатокъ древнѣйшаго Славянскаго обычая, и не только Славянскаго но и Германскаго, ибо и въ капитуляріяхъ Франкскихъ королей мы находимъ законъ, что материнское имѣніе идетъ въ наслѣдство дочерямъ. (Corp. jur. Germ. pag. 784).

Наслѣдованіе мужа послѣ бездѣтной жены и жены послѣ бездѣтнаго мужа по Псковскому закону допускалось только тогда, когда мужъ съ женою жили отдѣльно отъ мужнина отца и его семейства, когда они имѣли свое особенное хозяйство, какъ это и теперь ведется въ Руской сельской общинѣ. Въ случаѣ же ежели мужъ съ женою жили въ нераздѣленной семьѣ мужнина отца; то наслѣдованіе жены послѣ бездѣтнаго мужа недопускалось, жена и ея родственники только имѣли право требовать изъ мужниной семьи женнина приданаго и платья, и искать этого даже судомъ. Въ законѣ сказано: «а у кого помретъ сынъ, а невѣстка останется, да учнетъ на свекри и на девери скруты своея искати, или платья своего; ино свекру или деверю отдать платье или скрута. А чѣмъ невѣстка клеплетъ; ино свекру или деверю воля, чимъ хочетъ: хочетъ самъ поцѣлуетъ крестъ, или у креста невѣсткѣ положитъ, чимъ учнетъ клепати.» (стр, 14). Этотъ же порядокъ наслѣдованія жены

---

[1] Гражд. Зак. Иском. Суд. грамоты. Энгельмана.

послѣ бездѣтнаго мужа въ нераздѣльной семьѣ встрѣчаемъ и нынѣ въ нашей сельской общинѣ, только съ значительнымъ измѣненіемъ. У крестьянъ послѣ бездѣтнаго неотдѣленнаго мужа жена не остается въ его семействѣ, и уноситъ съ собой все свое имѣнье, какъ принесенное при выходѣ въ замужство, такъ пріобрѣтенное ею при жизни мужа, и сверхъ того получаетъ отъ мужниной семьи все мужнино платье. Здѣсь главное отличіе обычая сельской общины отъ стараго Псковскаго закона заключается въ томъ, что жена уноситъ съ собою не только свое приданое, какъ сказано въ Псковскомъ законѣ *скруту и платье*, но и то имѣніе, которое пріобрѣла сама живучи съ мужемъ, и даже мужнино платье. Это отличіе очевидно основывается на положеніи женщины въ нынѣшней крестьянской семьѣ. Въ нераздѣльной крестьянской семьѣ женскія работы раздѣляются на два вида, на работы общія, на всю семью, и на работы частныя, на себя. Воздѣлываніе земли, уборка плодовъ, и разные труды по общему хозяйству въ домѣ, уходъ за скотомъ, приготовленіе кушанья и подобное составляютъ общія работы, или какъ говорится въ крестьянствѣ *семейскія*; но за исправленіемъ семейской работы въ остающееся свободное время женщина вольна работать собственно на себя, т. е. прясть ленъ или шерсть, ткать полотно, сукна, мотать бумагу, вязать чулки, или заниматься другимъ какимъ рукодѣльемъ, что у нихъ и называется *своей работой*, т. е. не семейской. И плоды этой работы составляютъ полную собственность женщины; и старшіе въ домѣ, или, какъ говорится, хозяева, на эту собственность неимѣютъ никакого права, какъ въ то время, когда женщина живетъ въ семействѣ, такъ тѣмъ паче тогда, когда она выходитъ изъ семейства по смерти мужа Что же касается до права жены на мужнино платье; то и это право объясняется тѣмъ же положеніемъ женщины въ крестьянской семьѣ. Женщина получаетъ по смерти мужа его платье, какъ бы въ вознагражденіе за семейскія работы. По крайней мѣрѣ сами крестьяне именно этимъ объясняютъ обычное право жены на платье покойнаго мужа.

Кромѣ порядка наслѣдованія по закону, изложеннаго въ Номоканонѣ, Руская жизнь, по свидѣтельству Псковской грамоты, частію приняла изъ Номоканона и порядокъ изключенія изъ наслѣдства; но какъ въ первомъ случаѣ правила Номоканона о порядкѣ наслѣдованія перешли не всѣ вдругъ въ юридическую практику на Руси и въ Рускіе законодательные памятники; точно также и случаи отлученія отъ наслѣдства, выставленные въ Номоканонѣ вѣроятно не

всѣ вдругъ были приняты Рускимъ обществомъ. По крайней мѣрѣ въ Псковской грамотѣ выставленъ только одинъ случай отлученія отъ наслѣдства: «Аже сынъ отца или матерь не скормить до смерти, а пойдеть изъ дому, части ему не взять.» (стр. 9) [1] но едвали отлученіе наслѣдства ограничивалось симъ однимъ случаемъ; ибо отлученіе сіе необходимо требовало суда и утвержденія со стороны правительства; а судъ по наслѣдству и по изключенію изъ наслѣдства былъ предоставленъ епископамъ, которые судили на основаніи Номоканона; слѣдовательно необходимо большая часть случаевъ отлученія отъ наслѣдства, помѣщенныхъ въ Номоканонѣ, должна была войти въ Рускую юридическую практику. Но для насъ весьма важно свидѣтельство Псковской грамоты преимущественному потому, что въ немъ видимъ прямое доказательство, что отлученіе отъ наслѣдства уже было утверждено Рускимъ закономъ, чего не было замѣтно ни въ одномъ законополательномъ Рускомъ памятникѣ, предшествовавшемъ Псковской грамотѣ. Случаи же или причины отлученія здѣсь представляются на второмъ планѣ; и всѣ ли тридцать случаевъ, выставленные въ Номоканонѣ (Корм. Ч. II Лист. 101), принимались Рускимъ обществомъ, или не всѣ, и какіе принимались, и какіе не принимались, этотъ вопросъ, хотя и не разрѣшимый въ настоящее время, не уничтожаетъ того главнаго положенія, что во время Псковской грамоты право отлученія отъ наслѣдства было уже

---

[1] Здѣсь конечно нѣтъ надобности толковать, что всѣ сыновья отдѣлившіеся изъ отцовской семьи отлучались отъ наслѣдства послѣ отца. Законъ прямо изключаетъ того только сына, который некормилъ отца или мать до смерти, который бросилъ ихъ безъ помощи; а сыновья и отдѣленные отъ семьи могли помогать отцу и матери, кормить ихъ, слѣдовательно таковые сыновья по закону не отлучались отъ наслѣдства послѣ отца. Законъ здѣсь явно говоритъ не объ общемъ изключеніи изъ наслѣдства отдѣленныхъ дѣтей, въ противномъ случаѣ и замужніе дочери считались бы изключенными изъ наслѣдства, а указываетъ только на тотъ случай изключенія, который уже былъ узаконенъ Прохирономъ Василья Македонянина въ 33 грани въ 4-мъ тунктѣ. Въ Рускомъ обществѣ никогда не было Римскаго раздѣленія наслѣдниковъ на Sui и liberi, на состоящихъ подъ властію и не состоящихъ подъ властію отца, таковое раздѣленіе явнобы противорѣчило самому устройству Рускаго общества. Руское общество недопускало къ наслѣдству отдѣленныхъ дѣтей только тогда, когда они при самомъ отдѣленіи уже получали надѣлъ изъ отцовскаго имѣнья; но и таковые дѣти впрочемъ допускались къ наслѣдству, ежели въ семьѣ отца неоставалось неотдѣленныхъ.

утверждено закономъ, и даже самъ законъ безъ воли завѣщателя отлучалъ виновнаго. Но здѣсь раждается еще важный вопросъ,—выработалась ли идея о правѣ отлученія изъ самой жизни Рускаго общества, изъ его устройства, или родилась подъ посторонним влияніемъ? На этотъ вопросъ, кажется не безъ основанія можно отвѣчать, что эта идея выработалась подъ посторонним влияніемъ, что она перешла къ намъ изъ Номоканона; ибо въ общинномъ устройствѣ Рускаго общества для ней не было мѣста, община, знавшая только лицо и семью, не могла допустить отлученія отъ наслѣдства по закону, по крайней мѣрѣ Руская сельская община и до сей поры не знаетъ этаго отлученія. Крестьянинъ недовольный непочтительнымъ и вообще негоднымъ сыномъ, въ крайности можетъ выгнать его изъ дому; но ежели этотъ сынъ не выгнанъ изъ самой общины, а отецъ умретъ безъ завѣщанія; то по смерти отца этотъ выгнанный сынъ признается такимъ же законнымъ наслѣдникомъ, какъ ежели бы онъ и не былъ выгнанъ отцомъ. Руская сельская община тогда только не допуститъ къ наслѣдству сына выгнаннаго отцомъ изъ семьи, когда сама по собственному суду признаетъ его негоднымъ членомъ, и выпроситъ у начальства право удалить его, т. е. отдать его въ солдаты, или сослать на поселеніе, или вобще перечислить въ другое вѣдомство.

Въ Псковской судной грамотѣ, по Рускимъ памятникамъ, мы въ первый разъ встрѣчаемъ сколько нибудь опредѣленное указаніе на послѣдствія принятія наслѣдства, о чемъ въ Руской правдѣ были только одни намеки. По Псковскому закону наслѣдникъ съ принятіемъ наслѣдства вступалъ во всѣ имущественныя права и обязанности того, отъ кого получалъ наслѣдство; онъ съ одной стороны пріобрѣталъ право вчинать судебные иски по имуществу покойнаго на другихъ лицахъ, а съ другой стороны обязывался отвѣчать по всѣмъ постороннимъ имущественнымъ искамъ на покойномъ; въ грамотѣ сказано: «а у котораго умершаго, а будетъ отецъ или мать, или сынъ, или братъ, или сестра, или кто ближнего племени, а животомъ владѣетъ, а только не сторонніе людіе; ино имъ вольно искати безъ закладу, и безъ записи умершаго, а на нихъ вольно жъ искати.» Или въ другомъ мѣстѣ: «а будетъ у изорника братъ или иное племя, а за животъ поимаются; ино государю на нихъ и покруты искать.» Или еще: «а у котораго человѣка, у государя, изорникъ помретъ въ записи, въ покрути, а жена у него останется и дѣти не въ записи; ино изорничѣ женѣ и

дѣтемъ откличи нѣтъ о государевѣ покруту, а та имъ покрута платить по той записи.»

Впрочемъ наслѣдникъ могъ не отвѣчать по искамъ на покойномъ; для этого ему нужно было отказаться отъ наслѣдства: такъ братъ или другой боковый родственникъ изорника тогда только отвѣчалъ за покрупу полученную покойнымъ, когда вступался въ наслѣдство послѣ него. Но могли ли посредствомъ отказа отъ наслѣдства неотвѣчать по искамъ на покойномъ жена дѣти и внучата, на это прямыхъ указаній грамота не представляетъ; впрочемъ изъ статьи о взысканіи на покойномъ долговъ нѣсколькими кредиторами, кажется, можно заключить, что и дѣти могли отказаться отъ отцовскаго наслѣдства обремененнаго долгами; по сей статьѣ кредиторы прямо, дѣлятъ между собою имѣніе умершаго должника; въ грамотѣ сказано: «а которыи исцы вымутъ на умершаго закладъ, грамоты двои, или трои, или пятеры на одну землю, или на одну воду, или на одну клѣть. . . .ино имъ правда давши, да дѣлятъ по дѣломъ, и по серебру, колько серебра; ино доля ему по тому числу.» (16) Здѣсь о женѣ и дѣтяхъ покойнаго нѣтъ и помину, кредиторы не относясь къ нимъ дѣлятъ имѣніе между собою; слѣдовательно жена и дѣти, здѣсь не отвѣчаютъ.

Такимъ образомъ Псковская грамота представляетъ уже измѣненное ученіе о наслѣдствѣ по закону, болѣе согласное съ Номоканономъ, и въ тоже время не отрицающее законовъ Руской Правды. Псковская грамота собственно только дополняетъ законы Руской Правды о наслѣдствѣ, и въ порядкѣ наслѣдованія соблюдаетъ слѣдующую постепенность. Она во 1-хъ признаетъ прямыми непосредственными наслѣдниками жену и дѣтей, точно также и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Руская Правда; здѣсь вся разница между Псковскою грамотою и Рускою Правдою состоитъ только въ томъ, что Псковская грамота не признаетъ различія между наслѣдствомъ общинника и вотчинника. Собственно говоря, наслѣдство и по Псковской грамотѣ не выходитъ изъ семьи покойнаго до тѣхъ поръ, пока въ ней есть хотя одинъ членъ, жена даже бездѣтная не лишается мужнина имѣнія, пока не умретъ или не оставитъ семьи вступленіемъ во второй бракъ. Во 2-хъ когда имѣнье сдѣлается выморочнымъ, т. е. въ семьѣ не останется ни одного члена, тогда Псковскій законъ допускаетъ къ наслѣдству въ этомъ имѣніи отца или мать покойнаго, его родныхъ братьевъ и сестръ и другихъ родст-

вешниковъ, Здѣсь новый законъ уже отступаетъ отъ стараго порядка наслѣдованія завѣщаннаго Рускою Правдою, и вмѣсто того, чтобы имѣніе изъ вымершей семьи передавать въ казну, допускаетъ къ наслѣдованію родственниковъ вымершей семьи, живущихъ въ другихъ семьяхъ.

Но признавая новый порядокъ наслѣдованія, распространеніемъ этаго права на возходящихъ и боковыхъ родственниковъ, Псковская грамота тѣмъ не менѣе еще держалась старыхъ началъ, она еще не опускала изъ виду преимущественнаго права семьи передъ родомъ, этого основнаго закона общины; наслѣдство, по Псковской грамотѣ, какъ мы уже видѣли, переходило въ родъ, только по прекращеніи семьи. Посему въ семействахъ не раздѣленныхъ, хотя бы состоявшихъ не изъ близкихъ родственниковъ, наслѣдство по Псковскому закону не переходило въ другія семьи, хотя бы по степенямъ родства ближайшія къ покойному; на этомъ основаніи въ не раздѣленной семьѣ бездѣтная жена не наслѣдовала послѣ мужа, а должна была выйти изъ мужниной семьи, взявши съ собою только свое приданое, т. е. что внесла въ мужнину семью; и напротивъ въ раздѣленной семьѣ жена по смерти мужа изключала изъ наслѣдства всѣхъ родственниковъ мужа, живущихъ въ другихъ семьяхъ. Псковскій законъ въ началахъ своихъ относительно порядка наслѣдованія, кажется, совершенно сходенъ съ юридическими обычаями нынѣшней сельской общины, также допускающей право наслѣдованія въ низходящихъ возходящихъ и боковыхъ линіяхъ, но въ то же время явно дающей предпочтеніе семьѣ передъ родомъ. По обычаямъ нынѣшней сельской общины не только дальнѣйшіе родственники, живущіе въ одной семьѣ, отстраняютъ отъ наслѣдства ближайшихъ родственниковъ, живущихъ въ другихъ семьяхъ; но даже пріемышъ, совершенный чужеродецъ, живущій въ одной семьѣ, изключаетъ самыхъ близкихъ родственниковъ, живущихъ въ другихъ семьяхъ; родные дѣти покойнаго не имѣютъ права на наслѣдство послѣ его при пріемышѣ, ежели они живутъ отдѣльными семьями отъ отца, и пріемышъ остается полнымъ и нераздѣльнымъ хозяиномъ всего имѣнія оставшагося послѣ покойнаго. Вообще какъ въ Псковскомъ законѣ такъ и въ юридическихъ обычаяхъ сельской общины еще царитъ старое начало, завѣщанное Рускою правдою, начало семьи, родство же кровь стоятъ еще на второмъ планѣ, но впрочемъ ихъ права уже признаны закономъ, чего прежде не было.

Наслѣдство безъ завѣщанія по Судебнику и инымъ узаконеніямъ до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича.

Въ то время, какъ Псковская судная грамота до нѣкоторой степени держалась еще старыхъ основаній относительно порядка наслѣдованія по закону, и согласно съ общиннымъ устройствомъ Русскаго общества ставила впереди семейное начало, въ жизни народа, на практикѣ, высказывались уже другія основанія болѣе согласныя съ требованіями Номоканона, по которымъ брали перевѣсъ болѣе родственныя начала, кровь и фамильныя отношенія. Съ этими началами прежде всѣхъ сродпились богатыя и знатныя фамиліи бояръ и дружинниковъ, несостоявшихъ въ тѣсной связи съ общиною, у которыхъ уже выработались обширныя фамильныя отношенія, не сдерживаемыя тѣснымъ кругомъ семейства, и съ тѣмъ вмѣстѣ образовались довольно значительныя родовыя имѣнія и право выкупа. Да и самое правительство, какъ въ Сѣверо-Восточной, такъ и въ Юго-Западной Россіи, начало уже смотрѣть на боярскія имѣнія, какъ на родовую вотчину цѣлой фамиліи, а не одного семейства, и жалуя бояръ имѣніями, отдавало ихъ большею частію не одному лицу, но и всѣмъ низходящимъ и боковымъ родственникамъ получавшаго жалованную вотчину. Такъ напримѣръ въ жалованной грамотѣ Литовскаго великаго князя Свидригайлы, данной въ 1438 году, мы читаемъ: «Даемъ пану Петру, инакъ Мышкѣ, въ Кременецкомъ повѣтѣ Борщовку, а Борокъ, а селище Кандитово, вѣчно и непорушно ему, а по немъ и дѣтемъ его и внучатомъ и ближнимъ его и съчадкомъ.» (Ак. Зап. Рос. Т. I. с. 48). Здѣсь уже признаются наслѣдниками имѣнія, не только дѣти и внуки, но и другіе родственники, безъ отношенія къ тому, живутъ ли въ нераздѣльной семьѣ, или отдѣльно. Такимъ образомъ большія имѣнія знатныхъ и богатыхъ фамилій мало по малу изъ частной семейной собственности сдѣлались родовою вотчиною цѣлыхъ фамилій, а съ тѣмъ вмѣстѣ самыя основанія въ порядкѣ наслѣдованія естественно должны были измѣниться; а посему и законъ о наслѣдствѣ долженъ былъ принять иныя начала, болѣе согласныя съ новыми требованіями жизни. И въ слѣдствіе всего сего въ 1497 году Судебникомъ былъ узаконенъ новый порядокъ наслѣдованія.

Судебникъ, какъ вѣрный отголосокъ современной ему жизни Русскаго общества, перешелъ на сторону фамиліи рода, и узаконилъ

наслѣдство по крови во всѣхъ степеняхъ и линіяхъ родства. Вотъ подлинныя выраженія Судебника о порядкѣ наслѣдованія; «А который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери; а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ рода его.» Тоже повторено и въ царскомъ Судебникѣ 1550 года, гдѣ впрочемъ въ одномъ спискѣ (Татищевскомъ) прибавлено: «а не будетъ у него дочери, ни внучатъ сыновнихъ ни дочернихъ; ино взяти ближнему отъ его роду.» Здѣсь въ немногихъ словахъ ясно высказывается полное отрицаніе прежняго порядка и принятіе правилъ Прохирона и Эклоги помѣщенныхъ въ Номоканонѣ, самая краткость выраженій Судебника о порядкѣ наслѣдованія и невозвращеніе къ этому предмету въ послѣдующемъ законодательствѣ до самаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича прямо указываютъ на то, что тогдашнее Руское общество, и покрайнѣй мѣрѣ, верхній слой его, вотчинники не справляясь съ старыми Рускими обычаями безспорно подчинились основнымъ законамъ Номоканона. А посему и самое законодательство, заявивши въ краткихъ словахъ согласіе на допущеніе къ наслѣдству всѣхъ родственниковъ по близости степеней родства, предоставило рѣшеніе всѣхъ частностей Номоканону, и обратилось къ другимъ вопросамъ въ правѣ наслѣдованія, которыхъ Номоканонъ не разрѣшалъ и не могъ разрѣшить. Вообще Судебникъ и послѣдующее законодательство обращали вниманіе, относительно порядка наслѣдованія, только на вотчинниковъ, на высшій классъ общества, общинниковъ же оставили, относительно сего предмета, при старыхъ обычаяхъ, по которымъ они и теперь живутъ; а по сему всѣ вопросы о порядкѣ наслѣдованія, которыми занималось законодательство, начиная съ Судебниковъ, почти изключительно относятся до имѣній вотчинниковъ и преимущественно служилыхъ людей.

Смотря по тѣмъ вопросамъ, на которые было обращено вниманіе Рускаго законодательства послѣ Судебниковъ, право наслѣдованія по закону, въ періодъ отъ Судебниковъ до Уложенія, можно раздѣлить на три вида: наслѣдованіе въ купляхъ, наслѣдованіе въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, и наслѣдованіе въ помѣстьяхъ.

Наслѣдованіе въ купляхъ.

Наслѣдованіе въ купляхъ, какъ движимыхъ такъ и не движимыхъ, и вообще во всѣхъ имѣніяхъ, съ которыми не были соединены

обязанности государственной службы, кажется, не стѣснялось ни какими ограниченіями. Законъ разъ допустивши къ этому роду наслѣдства всѣхъ родственниковъ, какъ низходящихъ, такъ возходящихъ и боковыхъ, первоначально не обращалъ вниманія на частности, а посему здѣсь не только принимались безъ ограниченій правила Номоканона, но даже допускались старые обычаи, особенно при наслѣдованіи въ имѣніяхъ неслужилыхъ людей. Такъ на примѣръ въ одномъ судномъ Новгородскомъ дѣлѣ 1556 года упоминаются наслѣдниками послѣ посадскихъ людей, рядовичей, жены ихъ и дѣти и другіе родственники. (Допол. къ Ак. Ист. Т. № 51. XX.) Здѣсь какъ будто бы слышится еще голосъ старины, законъ завѣщанный Псковскою грамотою, по которой хотя допускаются къ наслѣдству всѣ родственники; но жена, какъ хозяйка семейства послѣ мужа, стоитъ первою наслѣдницею. Но въ боярскихъ купленныхъ или изстарины вотчинахъ выступаетъ уже другое начало болѣе согласное съ Номоканономъ: тамъ жена получаетъ равную долю съ любымъ изъ сыновей, именно такъ, какъ узаконено въ XII титулѣ Эклоги Льва и Константина. Такъ въ одной правой грамотѣ 1508 года мы встрѣчаемъ извѣстіе, что жена по смерти мужа получала долю имѣнія одинаковую съ долею любаго изъ сыновей; въ грамотѣ сказано, что княгиня Кемская Ѳеодосія по смерти мужа раздѣлилась съ сыновьями своими Ѳедоромъ и Аѳанасіемъ по третямъ. (Ак, юр. № 13) Или въ одной купчей 1550 года встрѣчаемъ жену наслѣдницею послѣ мужа наровнѣ съ сыномъ, въ купчей сказано: «се язъ Василей Леонтьевъ сынъ Дьяконовъ, купилъ есми себѣ и своимъ дѣтемъ у Марьи у Ивановскіе дочери Курачева, а у Гавриловскіе жены, и у ея сына у Григорья у Гаврилова сына у Залома, и у жены его у Дарьи пожни шесть остожей на Шекснѣ рѣкѣ. (ibid. № 83) Или въ одной дѣльной 1536 года является наслѣдницею мать вмѣстѣ съ сыномъ; въ дѣльной сказано: «подѣлили есмя князя Василья Ѳедоровича Оболенскаго со княземъ съ Дмитріемъ Ивановичемъ Оболенскимъ и въ матери его мѣсто, въ въ княгинино Марьинѣ, ихъ вотчиною.» (ibid. № 156) Или еще въ одномъ духовномъ завѣщаніи 1506 года жена по смерти мужа наслѣдуетъ его имѣніе вмѣстѣ съ сыномъ; въ завѣщаніи сказано: «и та земля моя купля и отца моего вотчина, женѣ моей Авдотьѣ да сыну моему Василью.» (ibid. № 416.) Изъ изъ духовной грамоты Петра Малечкина, писанной въ 1524 году, видно, что жена согласно съ Номоканономъ наслѣдовала послѣ мужа только при дѣтяхъ.

Завѣщатель, расписавши почти все свое имѣніе на сестеръ, заключаетъ: «а послѣ меня родится у моей жены сынъ; ино вотчина моя вся сыну моему, а съ тое вотчины дати сыну моему и женѣ моей по церквамъ, по моей души, пятдесятъ рублевъ. Да благословляю свою жену Олену, за ее приданое своими вотчинными землями ... а тѣ земли жена моя вольна мѣняти, продати и по души дать.» (ibid. № 418.) Впрочемъ и въ боярскихъ вотчинахъ не всегда при наслѣдствѣ слѣдовали новому порядку, напротивъ иногда держались еще стараго порядка Руской Правды. Такъ въ одной дѣльной 1587 года жена вдова по прежнему является хозяйкою въ мужниной семьѣ и выдѣляетъ дѣтей; въ дѣльной сказано:» се язъ Марія Яковлева дочи Самарина, Данилова жена Васильевича Ромейкова благословляю и отдѣляю при своемъ животѣ сына своего Ивана отца его вотчиною старинною; а язъ Мосей, да язъ Кирило, да язъ Василей подѣлили есми межъ собою полюбовно, съ братомъ своимъ съ Иваномъ отца своего старинную вотчину.» (Ак. Юрид. изл. Калачев. стр. 669.) Или въ духовной Александра Бѣлеутова, писанной въ 1472 году: «а благословляю жену свою Ѳедосью и своими дѣтьми съ Дмитріемъ, и съ Ѳедоромъ, и съ Ильею, своимъ селомъ Богородицкимъ.... А вси мои дѣти, Дмитрей, Ѳедоръ и Илья, слушайте своей матери во всемъ.». (Ак. Юр. № 410) Или въ другой духовной XV вѣка: «приказываю животъ свой, и вотчину свою и куплю женѣ своей Настасьи, и сыновемъ своимъ Остафью и Юрью, гдѣ ми что дати или взяти.» (ibid. ст. 433.) Или въ духовной Дмитрія Григорьева Плещѣева писанной въ 1559 г. бездѣтная жена въ родовыхъ вотчинахъ мужа обьявляется наслѣдницею имѣнія съ правомъ продажи братьямъ мужа, и удерживаетъ право собственности на мужнино имѣніе даже при вторичномъ вступленіи въ бракъ, ежели мужнины братья откажутся отъ выкупа. Въ грамотѣ сказано: «А что наша вотчина въ Можайскомъ уѣздѣ, отца нашего Григорья Яковлевича благословѣнье, село Бѣли съ деревнями; и мнѣ Дмитрею въ той вотчинѣ въ селѣ и въ деревняхъ и во всякихъ угодьяхъ треть; и язъ тою своею третью вотчины благословляю послѣ своего живота жену свою Марью, изъ своего живота, опроче ее приданова, съ луги и съ лѣсы и со всѣми угодьи съ пашенною землею и непашенною.... А пойдетъ жена моя замужъ; и будетъ братьи моей до тое вотчины трети села Бѣлей, чѣмъ благословилъ жену свою послѣ своего живота; и братья мои дадутъ женѣ моей Марьѣ съ тое вотчины трети села Бѣлей скупъ сто рублевъ денегъ, опро-

че ее приданова, то у нее готово. А не пойдетъ жена моя замужъ, а похочетъ тое вотчину продати, и ей тое вотчины мимо братьи моей непродати никому. А не похочетъ жена моя тое вотчины продати; и ей та вотчина вольно дати по душѣ по моей и по своей.» (въ моемъ собраніи грамотъ.) Такимъ образомъ старый порядокъ наслѣдованія женъ послѣ мужей въ вотчинахъ купленныхъ и изстаринныхъ продолжалъ существовать рядомъ съ новымъ порядкомъ, утвержденнымъ Судебникомъ и Номоканономъ; и вѣрованіе въ законность этаго порядка до того было сильно у тогдашнихъ Рускихъ людей, что ему одинаково слѣдовали какъ высшіе, такъ и низшіе классы общества; такъ что наконецъ само законодательство должно было занести его въ свои постановленія, и изъ обычая перенести въ положительный законъ, что и было сдѣлано въ началѣ XVII-го столѣтія.

Въ періодъ Судебника въ первый разъ обычное старое право жены, наслѣдовать въ купленыхъ вотчинахъ мужа, было занесено въ законодательныя постановленія при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ указѣ отъ 3 Декабря 1627 года; въ указѣ семъ сказано: «а женамъ тѣхъ умершихъ, которые послѣ останутся бездѣтны, и тѣмъ мужей ихъ изъ животовъ четверть живота да приданое, а до вотчинъ (выслуженныхъ) имъ дѣла нѣтъ, опричь купленыхъ вотчинъ.» (Указ. кн. Царя Мих. Ѳед. стр, 53). Потомъ указомъ патріарха Филарета Никитича 1629 года прямо и ясно утверждено за бездѣтными женами право наслѣдованія купленыхъ вотчинъ въ полную собственность и устраненіе всѣхъ другихъ наслѣдниковъ. Въ указѣ сказано: «вотчины родовые и за службу данные отдавати вотчичемъ дѣтемъ сыну. А будетъ умершаго сына не будетъ; и тѣ вотчины дочерямъ. А будетъ судомъ божіимъ и дочерей неостанетъ; и тѣ вотчины въ родъ отдавати, кто ближе того роду вотчичемъ, а имъ за тѣ вотчины деньги давати по умершаго душѣ въ вѣчный поминокъ по уложенью. А купленая вотчина женѣ его, вольно ей въ той вотчинѣ, какъ похочетъ, нѣтъ до нея никому дѣла.» (Уложен. глав. XVII. стат. 2). Но еще яснѣе высказалось законное утвержденіе стараго порядка наслѣдованія женъ въ купленыхъ вотчинахъ въ указѣ 1628 года о продажныхъ земляхъ, которыя проданы изъ порожнихъ земель въ Помѣстномъ Приказѣ. Здѣсь прямо сказано, что первыми законными наслѣдниками въ таковыхъ земляхъ признаются жена и дѣти, а потомъ уже другіе родственники; вотъ подлинныя слова указа: «указали государи въ купчіе писати продажные земли

въ вотчину тѣмъ людемъ, кто купитъ, и женамъ ихъ и дѣтемъ, и вольно имъ тѣ земли и въ приданые дати. А будетъ послѣ кого жены и дѣтей неостанется, и тѣ вотчины въ родъ ихъ.» (Улож. Глав. XVII. ст. 45.) Сіи узаконенія ясно свидѣтельствуютъ, что въ наслѣдованіи купленыхъ вотчинъ, согласно съ приведенными выше духовными завѣщаніями и другими памятниками XV и XVI столѣтій, самый законъ не отрицалъ стараго порядка, согласнаго съ Рускою Правдою и Псковскою грамотою, по которому впереди стояла семья, а потомъ уже родъ, и первыми наслѣдниками признавались жена и дѣти, а за ними уже слѣдовали другіе родственники возходящіе и боковые. Слѣдовательно правило Судебниковъ, по которому жена непризнавалась наслѣдницею послѣ мужа, еще не могло привиться къ Рускому обществу вполнѣ, и именно непринималось относительно имѣній купленыхъ или изстарinныхъ, съ которыми не была связала государственная служба. Здѣсь Судебникъ явно оказался безсильнымъ, и само законодательство должно было уступить старому порядку и снова его узаконить, оставивши въ силѣ новое правило Судебниковъ, только въ отношеніи къ родовымъ и выслуженнымъ имѣніямъ, съ которыми была связана государственная служба.

Относительно наслѣдованія прямыхъ низходящихъ послѣ отцовъ и матерей въ купленыхъ вотчинахъ и изстаринныхъ, не связанныхъ съ государственною службою, наблюдался общій порядокъ согласный и съ Судебникомъ и съ Псковскою грамотою, по которому дѣти, сперва сыновья, а потомъ дочери, предпочитались всѣмъ другимъ наслѣдникамъ, какъ въ отцовскомъ, такъ и въ материнскомъ имѣніи. Такъ напримѣръ въ одной данной 1563 года, князь Дмитрій Ивановичь Нѣмова, жертвуя въ монастырь свою вотчину, пишетъ: «а будетъ у меня у князя Дмитрія дѣти, сынове и дочери; и то село съ деревнями дѣтемъ моимъ, а дѣти дадутъ въ монастырь по родителехъ моихъ и по мнѣ 700 рублевъ. А послѣ моего живота княгинѣ моей и брату моему, князю Дмитрію Ѳедоровичу Овчинину, и племяннику моему, князю Василію Михайловичу Глинскому, и роду моему до того села и деревень дѣла нѣтъ.» (Ак. Юрид. № 115.) Или дѣти разныхъ матерей и одного отца, каждый наслѣдуетъ имѣніе своей матери, не дѣлясь съ братомъ отъ другой матери; такъ въ одной правой грамотѣ 1532 года сказано: «Се язъ Ефимъ Кузминъ сынъ взялъ есми у брата своего у Матѳея Кузмина сына полдеревни въ Лялинѣ Курьи, приносу матери его, пахати; а давать мнѣ ему по полтины съ году на годъ.» (ibid № 19.) Или дѣти разныхъ

отцовъ и одной матери материнское имѣніе наслѣдуютъ по ровнымъ долямъ; такъ въ одной духовной грамотѣ 1597 Татьяна Ѳедорова Жукова, отдавая свое имѣніе своимъ дочерямъ отъ разныхъ отцовъ, пишетъ: «а животъ мой весь дочерямъ моимъ Аграфенѣ Михайловой и Евдокіи Максимовой, послѣ моего живота, овцы, коровы и лошади и свиньи пополамъ.» (Въ моемъ собран. грам. 115.) Наконецъ указомъ 15 Октября 1634 года прежній порядокъ наслѣдованія прямыхъ низходящихъ и частная практика были утверждены законно, и постановлево впредь: «внукамъ и правнукамъ послѣ дѣдовъ и бабокъ ихъ родныхъ съ дядями и тетками своими родными въ старыхъ вотчинахъ быть также вотчичамъ.» (Указ. книг. Мих). Ѳед. стр. 129 132.) Указъ этотъ послѣдовалъ по частному дѣлу о наслѣдствѣ въ старой вотчинѣ, полученной вдовою Анною Измайловою послѣ мужа ея Ивана Измайлова. Когда Анна Измайлова умерла, то на ее наслѣдство послѣ мужа предъявили искъ дочь ея, вдова Марѳа Лачинова, и дѣти другой дочери Ѳедоръ и Орина Кобяковы и ихъ сестра Аѳимья Неплюева, и сынъ отъ третьей дочери князь Григорій Хованскій. Указомъ симъ повелѣно было вотчину раздѣлить на три ровныя доли, и одну долю отдать покойницыной дочери Марьѣ Лачиновой, другую долю внукамъ ея мужскаго и женскаго пола отъ другой дочери, Ѳедору и Аринѣ Кобяковымъ и Ефимьѣ Неплюевой, и третью долю внуку ея отъ третьей дочери князю Григорью Хованскому.

Порядокъ наслѣдованія возходящихъ и боковыхъ линій, оставленный Судебниками безъ объясненія, въ имѣніяхъ купленныхъ и изстаринныхъ также сперва опредѣлялся частною юридическою практикою, и потомъ окончательно утвержденъ соборнымъ приговоромъ 1572 года. По частной юридической практикѣ: во 1-хъ боковые родственники наслѣдовали всѣ безъ различія пола въ равныхъ доляхъ, и племянницы по праву представительства получали равныя доли дядьями; такъ въ одной купчей 1567 года являются наслѣдниками одной деревни по третямъ двоюродныя братья и племянницы; въ купчей сказано; «Се язъ Тимоѳей, да язъ Иванъ Ивановы дѣти Ржевскаго, да язъ Романъ, да язъ Дмитрей Михайловы дѣти Ржевскаго, продали есми вотчину свою деревню Новое, и племянницъ своихъ долю, треть тое деревни Новое, Елизарьевыхъ дочерей братниныхъ.» (Ак. Юр. № 84.) Еще яснѣе это опредѣляется въ рядной князей Кемскихъ, писанной въ 1551 году, здѣсь послѣ бездѣтнаго брата наслѣдуютъ родные братья и племянники, сыновья

умершихъ братьевъ по долямъ, братья по равнымъ, а племянники получаютъ ту долю, которую бы наслѣдовалъ ихъ отецъ; въ рядной сказано: «се азъ князь Александръ, княжъ Ивановъ сынъ Кемскаго, и въ брата своего мѣсто во княжъ Семеново, да язъ князь Иванъ, княжъ Ѳедоровъ сынъ Ке[illegible]каго, да язъ князь Давыдъ, княжъ Андреевъ сынъ Кемскаго, что Божья воля сталась брата нашего князя Михайла, а нашего дяди княжъ Иванова да княжъ Давыдова, въ животѣ не стало бездѣтна; а послѣ его живота осталась вотчина.... И приказалъ намъ отецъ нашъ князь Иванъ и въ духовной своей написалъ, который насъ изъ братьи скончается бездѣтенъ; и намъ его жребій земли....подѣлить себѣ....И намъ та вотчина всѣмъ раздѣлить передъ третьимъ на четыре жеребья.» (ibid, № 259.) Здѣсь хотя наслѣдованіе опредѣлено духовнымъ завѣщаніемъ, но самое завѣщаніе вполнѣ согласно съ закономъ; слѣдовательно служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что законъ наслѣдованія братьевъ и племянниковъ послѣ бездѣтнаго брата и дяди, такъ уже сросся съ юридическими понятіями и обычаями тогдашнихъ Рускихъ людей, что даже свободная воля завѣщателей выражалась не иначе, какъ по требованіямъ закона. Во 2-хъ въ юридической практикѣ XVI вѣка при наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ наблюдалось такое правило, что двоюродные братья послѣ двоюроднаго брата наслѣдуютъ не прямо поголовно, а по праву представительства поколѣнно, какъ будтобы наслѣдство шло не прямо къ нимъ, а въ восходящую линію, т. е. къ ихъ умершимъ отцамъ. Превосходный образецъ токоваго раздѣла представляетъ раздѣльная князей Кемскихъ, писанная въ 1520 году, въ этой раздѣльной наслѣдство; доставшееся послѣ двоюроднаго брата князя Данилы Юрьевича Кемскаго, дѣлится на три доли; «одну долю получаетъ князь Иванъ Нащока, княжъ Ивановъ сынъ Кемскаго, другую долю берутъ князь Ѳедоръ, княжъ Александровъ сынъ Кемскаго, да князья Матвѣй да Андрей, Княжъ Григорьевы дѣти Кемскаго, и въ братій своихъ мѣсто, и третью долю князь Семенъ и князь Иванъ, княжъ Афонасьевы дѣти Ѳуникова.» (Ак. Юр. № 265.) т. е. какъ будтобы имѣніе шло къ ихъ отцамъ Александру, Ивану и Афанасью Давыдовичамъ, и отъ отцовъ уже перешло къ нимъ, по отцовскимъ долямъ. Вотъ и исторія самаго раздѣла. Имѣніе, поступившее здѣсь въ раздѣлъ на три доли, принадлежало Даніилѣ Юрьевичу Кемскому (умершему бездѣтнымъ), внуку Давыда Кемскаго; у Давыда, кромѣ Юрья Данилова отца, были еще сыновья: Александръ, Иванъ и Аѳанасій Ѳуникъ. Когда

умеръ Данило Юрьевичь, уже не было въ живыхъ ни отца его ни дядей, и имѣнье наслѣдовали четверо двоюродныхъ братьевъ и два племянника отъ умершаго прежде двоюроднаго брата Григорья Александровича, и раздѣлили имѣніе на три доли слѣдующимъ образомъ: одну долю получилъ двоюродный братъ Иванъ Ивановичь Нащока, другую долю двоюродные братья Семенъ и Иванъ Аѳонасьевичи Ѳуниковы, и третью долю двоюродный братъ Ѳедоръ Александровичь и сыновья умершаго двоюроднаго брата Григорья Александровича. Для наглядnаго уразумѣнія дѣла, вотъ родословная таблица князей Кемскихъ, составленная по родословной книгѣ изданной Миллеромъ.

Князь Давидъ Семеновичь Кемскій.

сыновья Давида Семеновича:

Александръ,	Иванъ,	Аѳонасій Ѳуникъ,	Юрьи.
	Внуки Давида Семеновича:		
Григорій. Ѳедоръ.	Иванъ Нащока.	Семенъ, Иванъ.	Данило.
правнуки:			
Матвей, Андрей.			

Но въ тоже время употреблялся и другой порядокъ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ, по которому двоюродные братья наслѣдовали послѣ двоюроднаго брата поголовно, и съ ними вмѣстѣ были наслѣдниками родные племянники покойнаго поколѣнно, каждое колѣно получало долю своего отца или матери. Такъ въ одной купчей 1526 года о томъ, какъ имѣніе досталось продавцамъ, сказано: «А то ся имъ село Евсѣево съ деревнями досталося послѣ брата ихъ живота Ѳедора Шелехова сына Чертова на 15 вытей: Борису, да Тучку, да Іосифу, да Аѳонасью, да Алексѣю Никулинымъ дѣтямъ Чертова; да Шишкѣ да Якову Васильевымъ дѣтямъ Чертова, да да Стефану да Михайлу Игнатьевымъ дѣтемъ Чертова; да Ѳедоровымъ сестричемъ роднымъ: Ивану, да Ѳедору Залѣшанину, да Митькѣ Васильевымъ дѣтемъ Боброва, матери ихъ выть Маврина; да двѣма Иваномъ да Петрушкѣ Семеновымъ дѣтемъ Соколова Чертовымъ, отца ихъ выть Семенова; да Григорью Иванову сыну Чертову, да братаничу его Ивану внуку Семенова сына Чертова, отца его

выть Семенова; да его братаничемъ Стефану да Семену Кузминымъ дѣтемъ Чертова, отца ихъ выть Кузмина; да Ивану Ѳедорову сыну Чертова, отца его выть Ѳедорова.» (въ моемъ собраніи грамотъ) Наконецъ соборнымъ приговоромъ 1572 года порядокъ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ, въ купленныхъ и изстариныхъ вотчинахъ, опредѣленъ слѣдующимъ образомъ:» Который братъ родной умретъ бездѣтенъ, а останутся у него родные братья; и та вотчина родным братьямъ и дѣтямъ и внучатамъ.» Т .е. дѣти и внучата наслѣдуютъ вмѣстѣ съ своими дядьями и дѣдами поколѣнно въ доли своихъ отцовъ, какъ мы уже видѣли въ раздѣльной князей Кемскихъ, и въ купчей Чертовыхъ. Далѣе; «А который сынъ или внукъ умретъ бездѣтенъ; и тѣ жеребьи отдати братьямъ ихъ роднымъ, которые останутся, и дядьямъ и племянникамъ и внучатамъ; а далѣе внучатъ вотчинъ неотдавати.» То есть, ежели послѣ одного изъ родныхъ братьевъ останется сынъ или внукъ, и тотъ умретъ бездѣтнымъ, то имѣнье его дѣлится между дядьями, родными братьями его отца, которые остались въ живыхъ, и между ихъ племянниками, дѣтьми умершихъ родныхъ братьевъ, и внуками дѣтьми умершихъ родныхъ племянниковъ. И притомъ раздѣлъ производится такъ, что дядья получаютъ жеребьи поголовно, а племянники и внуки поколѣнно, въ жеребьи ихъ отцовъ или дѣдовъ, какъ мы и видѣли это въ раздѣльной князей Кемскихъ, гдѣ послѣ князя Данилы Юрьевича наслѣдовали его двоюродные братья поколѣнно, въ доляхъ умершихъ ихъ отцовъ, родныхъ дядей Данилы Юрьевича; а дѣти, одного изъ двоюродныхъ братьевъ, Григорья Александровича наслѣдовали поколѣнно, вмѣстѣ съ своимъ роднымъ дядею Ѳедоромъ Александровичемъ, въ долѣ ихъ дѣда Александра Давыдовича. Наконецъ въ приговорѣ опредѣляется граница далѣе которой боковые родственники ненаслѣдуютъ. «А который внукъ умретъ бездѣтенъ, а останутся братья его межъ собою въ правнучатѣхъ; и та вотчина тотъ жеребей взяти на государя, а правнуку правнучьи вотчинки неотдавати.» (Ак. Ист. Т. I. стр. 270.) Такимъ образомъ троюродные братья по настоящему приговору уже не имѣли права наслѣдовать другъ послѣ друга. Теперь еще раждается вопросъ, наслѣдовали ли въ показанныхъ выше степеняхъ женщины, т. е. родныя и двоюродныя сестры, тетки, племянницы и внуки? Приговоръ этого неупоминаетъ, но и неотрицаетъ; въ Судебникѣ же женщины неизключены изъ права наслѣдованія, а приговоръ не отмѣняетъ Судебника, а только дополняетъ и объясняетъ, слѣдова-

тельно должно допустить, что между боковыми родственниками и женщины наслѣдовали безъ различія въ одинаковыхъ доляхъ съ мужчинами, какъ мы дѣйствительно и знаемъ изъ купчей Чертовыхъ, которая представлена выше; въ ней вмѣстѣ съ двоюродными братьями наслѣдуютъ родные племянники, сестрины дѣти, покойнаго, и именно въ долѣ своей матери, какъ сказано прямо въ купчей: «да Ѳедоровымъ сестричемъ роднымъ.... матери ихъ быть Маврина»

Наконецъ въ частной юридической практикѣ послѣднихъ годовъ XV столѣтія оказывается, что въ купляхъ и изстарѣшныхъ вотчинахъ мужья при дѣтяхъ имѣли право наслѣдовать имѣнія своихъ умершихъ женъ; т. е. мужъ по смерти жены при дѣтяхъ оставался хозяиномъ, какъ своего, такъ и женнина имѣнія; такъ въ правой грамотѣ 1498 года истцы говорятъ «го, господине, земля Ѳедоровская наша отчина, приданая земля отца нашего. А вось, господине, грамота рядная отца нашего передъ тобою; а въ грамотѣ пишетъ: се азъ Ѳедоръ Струна, Сухеринъ сынъ, далъ есмь своему зятю Ивану за своею дочерью за Оксѣньею Зарѣцкое селище Ѳедоровское своее вотчины.» (въ моемъ собраніи грамотъ стр. 130.) Но наслѣдовалъ ли мужъ послѣ жены, безъ дѣтей, женнино имѣніе, на это свидѣтельствъ въ памятникахъ XVI столѣтія я не встрѣчалъ; впрочемъ судя по прежнему времени можно допустить, согласно съ Псковскою грамотою, что мужья послѣ женъ, безъ дѣтей, пользовались женинымъ имѣніемъ по смерть или до вступленія во второй бракъ; по крайней мѣрѣ ни Судебникъ ни послѣдующія узаконенія нигдѣ не представляютъ прямыхъ отрицаній такому порядку.

Наслѣдованіе въ выслуженныхъ вотчинахъ.

Наслѣдованіе въ жалованныхъ или выслуженныхъ вотчинахъ, а также и въ родовыхъ, образовавшихся изъ выслуженныхъ, особенно занимало Русскихъ законодателей XVI и XVII столѣтій; Московское правительство этаго времени постоянно преслѣдовало одну мысль, чтобы выслуженныя и по возможности родовыя вотчины носили на себѣ характеръ не частной собственности, а государственнаго владѣнія; а по сему вскорѣ по изданіи царскаго Судебника начинается длинный рядъ законодательныхъ постановленій о порядкѣ наслѣдованія въ выслуженныхъ и родовыхъ вотчинахъ, гдѣ постоянно проводится мысль объ ограниченіи и стѣсненіи частнаго права собственности въ сихъ вотчинахъ, и о подчиненіи права наслѣдованія не изконнымъ народнымъ обычаямъ или старымъ законамъ,

а государственнымъ соображеніямъ правительства, чтобы земля изъ службы не выходила, чтобы сколько можно большее число частныхъ владѣній обложить государственною службою.

Прежде всѣхъ выслуженныхъ родовыхъ вотчинъ подверглись ограниченію въ правѣ наслѣдованія вотчины служилыхъ князей. Приговоромъ царя Ивана Васильевича съ боярами, состоявшимся 15 января 1562 года, вотчины служилыхъ князей были признаны не частною собственностію, а государственными землями, и зачислены по наслѣдованію, въ туже категорію, къ которой по Руской Правдѣ были отнесены общинныя имѣнія смердовъ, т. е. право наслѣдованія въ сихъ имѣніяхъ было ограничено только прямымъ низходящимъ потомствомъ въ мужескомъ колѣнѣ. Въ новомъ законѣ сказано: «А котораго князя бездѣтна (безъ сыновей) не станетъ; и тѣ вотчины имати на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной своей сестрѣ и душу свою напишетъ съ тое вотчины строити; и тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое неотдавать, а отдавати въ приданыя и душу тѣхъ вотчичевъ поминать изъ животовъ ихъ.» Этотъ законъ есть почти повтореніе Руской Правды, гдѣ о наслѣдствѣ сказано: «Аже смердъ умретъ, то задница князю; аже будутъ дщери у него дома, то дати часть на нѣ; аже будутъ замужемъ, то не дати части.» И дѣйствительно положеніе княженецкихъ вотчинъ и владѣнія древнихъ смердовъ было одинаково. Смерды владѣли общинною землею потому, что они были члены общины; и слѣдовательно, ежели неоставляли послѣ себя членовъ общины, своихъ сыновей, то по смерти ихъ владѣніе должно было переходить къ общинѣ, или къ представителю государства и общины, князю. Точно также и служилые князья получали отъ государя вотчины за службу, и вотчины сіи, находясь и въ ихъ владѣніи, не переставали быть государственными землями, обложенными службою; они не составляли частной собственности своихъ владѣльцовъ, а были только принадлежностію княженецкой службы; и посему со смертію князя, не оставляющаго послѣ себя сыновей, своихъ преемниковъ въ службѣ, таковыя имѣнія естественно должны были возвратиться въ казну государя; дочери и сестры, какъ немогущія заступить мѣсто умершаго по службѣ, не могли быть и наслѣдницами имѣнія, съ которымъ соединена служба [1].

[1] Княженецкія вотчины, о которыхъ здѣсь говорится, въ законѣ названы *старинными*, а не *жалованными*; но это нисколько не уничтожаетъ ихъ

Этотъ законъ неминуемо долженъ былъ явиться въ слѣдъ за судебниками, допускавшими право наслѣдованія боковыхъ родственниковъ. До Судебниковъ въ изданіи особаго закона для княженецкихъ жалованныхъ вотчинъ не было еще крайней надобности; ибо тогда, по общему закону наслѣдованія, записанному въ Руской Правдѣ, боковые родственники неимѣли права наслѣдовать. Конечно этотъ основный законъ еще до Судебниковъ былъ сильно измѣненъ новыми юридическими обычаями, выработавшимися развитіемъ жизни общества подъ вліяніемъ Номоканона; тѣмъ не менѣе вотчины сіи, связанныя съ государственною службою, тогда еще могли быть изъяты изъ круга имѣній подлежащихъ неограниченному праву наслѣдованія; но съ изданіемъ Судебниковъ законно утвердившихъ пространное право наслѣдованія боковыхъ родственниковъ, безъ различія мужчинъ и женщинъ, это изъятіе безъ новаго прямаго закона уже не имѣло мѣста. А посему для жалованныхъ княженецкихъ вотчинъ, какъ несоставлявшихъ полной частной собственности, и нужно было издать особый законъ, ограничивающій пространное право наслѣдованія, указанное Судебниками.

Впрочемъ новый законъ о княженецкихъ вотчинахъ вполнѣ не уничтожалъ общаго закона, утвержденнаго Судебниками, относительно наслѣдованія боковыхъ родственниковъ; но только ограничивалъ его волею государя. Боковые родственники, братья, племянники, и всѣ другіе до седьмаго колѣна, и по сему закону могли наслѣдовать вотчины и по завѣщанію и безъ завѣщанія, только съ разрѣшенія государя; изключалось прямо изъ наслѣдованія лишь женское колѣно, какъ немогшее лично нести государственной службы; но и здѣсь, согласно съ Руской Правдою, наслѣдники, утвержденные Государемъ, должны были изъ оставшагося имѣнія выдавать замужъ дочерей и племянницъ умершаго. Въ приговорѣ сказано: «А который князь

характера жалованныхъ вотчинъ за службу; ибо они первоначально были пожалованы князьямъ за то, что они оставивъ свои удѣльныя владѣнія перешли въ службу Московскаго государя. Конечно вотчины сіи не были помѣстьями, они могли переходить по наслѣдству, даже князья могли продавать ихъ, мѣнять и закладывать, но тѣмъ не менѣе они еще сохраняли характеръ государственныхъ земель и не составляли частной собственности, ибо продажа, мѣна и залогъ дозволялись только между служилыми же людьми; слѣдовательно при таковыхъ сдѣлкахъ земля изъ службы не выходила, не утрачивала своего первоначальнаго характера государственной земли.

вотчину свою напишетъ брату своему родному или двоюродному, или племяннику, своего роднаго брата сыну, или которому своему ближнему роду, опричь тѣхъ, какъ кому мочно межъ собою женитися; и государь того посмотря, по вотчинѣ и по духовной и по службѣ, кому которую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинити.... А которого князя брата его, или племянника его пожалуетъ государь тою вотчиною, и которая кому по духовной написана, или безъ духовныя государь кого пожалуетъ; и тому съ тое вотчины душу брата своего, или дяди своего устроити и въ монастыри по немъ давати; а у котораго будутъ дочери или племянницы, и за тѣми приданое давати съ тоежъ брата или дяди своего вотчины, разсудя по человѣку и по вотчинѣ, или гдѣ какъ государь укажетъ, что дати.» (Ак. Ист. Т. I. стр. 268—269.) Мало этого, настоящій законъ неотрицалъ вполнѣ закона Руской Правды и о правѣ наслѣдованія жены послѣ мужа, только опять съ разрѣшенія Государя и при томъ не въ полную собственность, а на прожитокъ. Вотъ слова приговора:» а котораго князя не стало бездѣтна, а останется у него жена, а напишетъ ей мужъ ея духовную, что изъ своей вотчины; и ей на той вотчинѣ жити до своего живота; а какъ ее не станетъ, и та вотчина на царя и великаго князя, а душу ее велитъ государь изъ своея казны устроити. А который будетъ князь напишетъ женѣ своей духовную всю свою вотчину, а вотчина будетъ великая; и государь о той вотчинѣ указъ учинитъ.» Государь собственно неотступалъ отъ обычая утвержденнаго жизнію, признавалъ его права; но хотѣлъ только, чтобы права сіи были государскимъ жалованьемъ. Такимъ образомъ княженецкія вотчины, какъ несоставлявшія полной собственности владѣльцовъ, по настоящему закону были приняты какъ прямыя государственныя имѣнія, и право наслѣдованія въ нихъ ограничено только прямымъ низходящимъ потомствомъ въ мужскомъ полѣ. а женскій полъ совершенно изключенъ изъ права наслѣдованія, а право боковыхъ родственниковъ ограничено волею государя, хотя въ сущности неуничтожено; боковые родственники имѣли право просить государя о допущеніи къ наслѣдованію, и получивши дозволеніе вступали во всѣ права и обязанности наслѣдниковъ. Но при всемъ томъ казна, послѣ сыновей, была ближайшимъ наслѣдникомъ таковыхъ вотчинниковъ; ибо когда боковые родственники не брали на себя разныхъ по имѣнію обязанностей и долговъ покойнаго; то казна всѣ сіи обязанности и долги принимала на себя. «А который братъ или племянникъ, сказано въ приговорѣ, съ тое

вотчины брата или дяди своего души устроити и въ монастыри по немъ давати, и за сестрами и за племянницами приданое давати не похотятъ; и тѣ вотчины устроити и долгъ платити, и дѣвкамъ приданое государь велитъ давати, разсудя по вотчинѣ, изъ своей государевы казны»

Далѣе тѣмъ же приговоромъ 1562 года опредѣлено наслѣдованіе и въ боярскихъ вотчинахъ. Здѣсь законъ принялъ иныя правила, а не тѣ, которыя были приняты въ отношеніи къ княжепецкимъ вотчинамъ; онъ призналъ сіи вотчины за частную собственность боярскихъ фамилій, и посему допустилъ къ наслѣдованію всѣхъ низходящихъ и боковыхъ родственниковъ безъ ограниченій, и только неузаконилъ права наслѣдованія за женою умершаго, которой предоставлено одно право на прожиточный участокъ. Въ законѣ сказано: «А котораго боярина или сына боярскаго нестанетъ бездѣтна, а ближнего роду, и духовные у него не будетъ; и та вотчина на государя царя и великаго князя, а женѣ его изъ тое вотчины государь указъ учинитъ, какъ ей мочно прожить, и душу умершаго государь велитъ утроить изъ своей казны.» Здѣсь, стало быть, имѣніе дѣлается выморочнымъ только по прекращеніи рода, т. е. совершенно согласно съ Номоканономъ, за изключеніемъ права жены, которой по Эклогѣ Льва и Константина предоставлялась половина мужнина имущества въ полную собственность, ежели другихъ наслѣдниковъ не будетъ, а казна наслѣдовала въ другой половинѣ.

Но общее правило наслѣдованія въ боярскихъ вотчинахъ, положенное приговоромъ 1562 года, скоро оказалось недостаточнымъ, каковымъ оно было и въ самомъ дѣлѣ; ибо въ боярскихъ вотчинахъ было большое различіе между выслуженными или жалованными, и родовыми образовавшимися изъ купленныхъ предками. А посему соборнымъ приговоромъ 1572 года 9-го октября жалованныя или выслуженныя вотчины, по своему значенію относительно наслѣдованія, рѣзко отличены отъ изстариныхъ или родовыхъ вотчинъ. Въ стариныхъ или родовыхъ вотчинахъ право наслѣдованія предоставлено всѣмъ родственникамъ, а въ вотчинахъ жалованныхъ нормою наслѣдованія признаны самыя жалованныя грамоты. Ежели въ жалованной грамотѣ сказано, что вотчина дана самому боярину его женѣ и дѣтемъ и роду; то наслѣдованіе было одинаковое, какъ и въ родовыхъ вотчинахъ. А ежели жалованная грамота дана на одно лицо; то по смерти сего лица вотчина отбиралась въ казну мимо жены дѣтей и родственниковъ. Вотъ слова закона: «А у ко-

тораго боярина вотчины государскаго данья, а не ихъ старинныя вотчины; и тѣ вотчины послѣ того, котораго нестанетъ бездѣтна боярина, а та вотчина по царской грамотѣ пожалована, и кому какова грамота будетъ дана, ему его женѣ и его дѣтемъ и его роду, потому и быти; а у котораго въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на государя. А небудетъ у кого государевы грамоты, и такія вотчины послѣ того, кого нестанетъ, на государя, хотя у кого и дѣти будутъ.» (Ак. Ист. Т. 1. отр. 270.) Такимъ образомъ по соборному приговору 1572 года въ выслуженныхъ или жалованныхъ вотчинахъ право наслѣдованія было разпространено какъ на всѣхъ родственниковъ, такъ и на жену, ежели объ этомъ будетъ сказано въ жалованной грамотѣ.

Потомъ съ 1620 года право наслѣдованія въ выслуженныхъ боярскихъ вотчинахъ было разпространено на всѣхъ родственниковъ и на жену безъ ограниченія, упомянуто ли объ этомъ въ жалованной грамотѣ, или не упомянуто. Именно указомъ отъ 28 ноября 1620 года предписано всѣ прежнія жалованныя грамоты переписать по новому образцу; въ указѣ сказано: «и они бъ тѣ свои вотчинныя царя Василья жалованныя грамоты привозили для переписки въ Москву, въ Помѣстный Приказъ, а напишутъ имъ противъ нынѣшняго государева указу.» (Рус. Вѣст. 1842 г. Указн. Кн. стр. 33—34) А въ образцѣ новыхъ грамотъ прописано между прочимъ: «въ той вотчинѣ, кому та вотчина дана, онъ и его дѣти и внучата и правнучата вольны, и вольно ему и его дѣтемъ и внучатамъ и правнучатамъ ту вотчину продать и заложить, и въ приданое дать, и въ монастырь до выкупу дать.... А будетъ продастъ въ чужой родъ, а кто буде роду ихъ захочетъ ту вотчину выкупить; ему выкупать по прежнему уложенью, какъ ихъ родовые и купленые вотчины выкупаютъ.... А только у него дѣтей и роду неостанется, а останется одна жена; и женѣ его тою вотчиною владѣть по свой животъ, а послѣ своего живота ту вотчину для мужа своего и своего поминка отдать въ монастырь.... А буде послѣ его жена его учнетъ сидѣть во вдовахъ или пострижется; и ей ту вотчину вольно продать и заложить. А буде жена его останется бездѣтна, а вдовствомъ сидѣть и постричися нехочетъ, а пойдетъ замужъ; и ту вотчину взять на государя въ помѣстныя земли, а мужа ея по душѣ за ту вотчину дать изъ государевой казны деньги, противу того, какъ изъ монастыря указано выкупать, а жениху ея пожалуетъ государь изъ той вотчины въ помѣстье по своему царскому разсмо-

трѣнью, что доведется.» (Древ. Рос. Вивл. Т. IX. стр. 168.) По этому закону жены послѣ бездѣтныхъ мужей получали выслуженныя вотчины даже тогда, когда были на лицо боковые или возходящіе родственники мужа. Кромѣ того выслуженныя вотчины по смерти бездѣтныхъ неженатыхъ сыновей давались и матерямъ ихъ, вдовамъ, какъ можно видѣть изъ многихъ жалованныхъ грамотъ того времени.

Но въ то время, какъ постепенно распространялся старинный обычай относительно правъ жены на наслѣдованіе имущества послѣ мужа прямо въ противность Судебника и Номоканона, и даже проникъ въ право наслѣдованія въ вотчинахъ выслуженныхъ, всего менѣе допускавшихъ право наслѣдованія жены. Въ тоже время постепенно развивалось, въ Рускомъ обществѣ, и особенно у правительства, вліяніе Номоканона съ его гражданскими Римскими законами. Попытка Московскаго собора 1551 года дать болѣе Руское направленіи каноническимъ постановленіямъ, сближеніемъ Стоглава съ Судебникомъ, хотя и была принята какъ общій законъ для всей Руси; но съ началомъ XVII столѣтія, и особенно съ воцареніемъ дома Романовыхъ, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, началась сильная реакція въ пользу неприкосновенности Византійскаго Номоканона и преимущества его предъ домашними источниками права, кончившаяся тѣмъ, что при изданіи Кормчей въ 1653 году всѣ Рускія статьи, бывшія въ рукописныхъ Кормчихъ, выкинуты, и напечатаны только одни Греческія правила и законы, свѣренные съ Греческою Кормчею принадлежавшею бывшему тогда въ Москвѣ Іерусалимскому патріарху Паисію. Подъ вліяніемъ этой-то реакціи, еще до изданія печатной кормчей, Московскій Патріархъ Филаретъ Никитичь, особенно любившій издавать указы на основаніи Греческаго Номоканона, въ 1627 году призналъ несогласнымъ съ законами изложенными въ кормчей книгѣ отдавать выслуженныя и родовыя вотчины умершихъ бездѣтнымъ ихъ женамъ, а не боковымъ родственникамъ, и на основаніи Кормчей указалъ родовыя и выслуженыя вотчины владѣльцовъ, послѣ которыхъ останутся бездѣтныя жены и родственники боковой линіи, отдавать родственникамъ боковой линіи, кто кому ближе, а женамъ умершихъ вотчинниковъ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ неотдавать, а давать имъ вотчины купленныя, четвертую часть мужниныхъ животовъ и приданое. Патріархъ Филаретъ Никитичь о прежнихъ жалованныхъ грамотахъ прямо пишетъ: «въ нихъ писано не по правилу св. Апостолъ и св.

отецъ, тѣ выслуженныя вотчины послѣ вотчинниковъ женамъ ихъ, а по правилу св. апостолъ и святыхъ отецъ.... до тѣхъ выслуженныхъ вотчинъ вотчинниковымъ женамъ, которые останутся бездѣтны, дѣла нѣтъ.» (Указ. Мих. Ѳед. стр. 50) Это патріаршее постановленіе въ томъ же 1627 году было утверждено царскимъ указомъ отъ 3-го декабря. Въ указѣ сказано: «Указали о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, по правилу святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, кого нестанетъ, а послѣ его останется жена бездѣтна, да послѣ жъ того останутся братья родные и двоюродные ихъ роду; и тѣ вотчины давати въ родъ того умершаго, кого нестанетъ, братьямъ роднымъ и двоюроднымъ въ родъ, кто кому ближе, а женамъ тѣхъ умершихъ, которыя послѣ останутся бездѣтны, и тѣмъ мужей ихъ изъ животовъ четверть живота, да приданое, а до вотчинъ имъ дѣла нѣтъ, опричь купленыхъ вотчинъ. А буде кого нестанетъ, а послѣ его останется жена бездѣтна жъ, а роду того умершаго никого неостанется; и тѣ вотчины указали имати на себя, государей, въ помѣстныя земли.» [1] (ibid. 53). И согласно съ указомъ въ тоже время постановлено: 1-е, ежели бездѣтныя жены, на основаніи указа 1620 года, продали или заложили выслуженныя вотчины мужей своихъ, и въ Помѣсномъ Приказѣ тѣ вотчины по купчимъ и закладнымъ въ записныя книги были записаны, а продавъ и заложивъ вотчины, жены вотчинниковъ вышли замужъ, то съ продавицъ должно взыскивать деньги и отдавать ихъ покупщикамъ, а вотчины отписывать на государя; а ежели кто будетъ просить о той вотчинѣ породству, то объ этомъ докладывать государя. 2-е ежели бы иныя изъ такихъ женъ, продавши такія вотчины, умерли или постриглись, то родственники мужа, которые выищутся, по родству должны выкупать вотчины на основаніи законовъ. Ежели же вотчичевъ не будетъ; то вотчины должны оставаться за тѣми, кто ихъ купилъ или въ закладъ взялъ. 3-е, ежели послѣ мужей остались бездѣтные жены, а вотчичевъ неосталось, и жены вотчины свои продавали и въ закладъ закладывали; и тѣхъ вотчинъ станутъ просить челобитчики въ помѣстье, а вдовы скажутъ, что онѣ продавали и закла-

[1] Здѣсь уже родовыя вотчины сравнены съ выслуженными, и оставлены на особыхъ правахъ только купленыя вотчины; но вѣроятно родовыми здѣсь названы тѣ, которые изъ выслуженныхъ вотчинъ перешли въ родъ по наслѣдственному праву, а не старинныя родовыя, образовавшіяся изъ купленныхъ вотчинъ.

дывали тѣ вотчины для того, чтобы вырученными деньгами поминать своихъ мужей и давать по нихъ милостыню и самимъ питаться; то вотчины сіи оставлять за тѣми, кто ихъ купилъ или въ закладъ взялъ. А если выищутся вотчичи, то они имѣютъ право выкупать сіи вотчины на основаніи законовъ. 4-е Если послѣ которыхъ вотчинниковъ остались матери и жены ихъ во вдовахъ, а иные постриглись; и тѣми вотчинами матери — сыновъ своихъ, а жены— мужей своихъ владѣютъ, а прожиточныхъ помѣстій за вдовами нѣтъ; то у постриженныхъ матерей и женъ, которыя постриглись до сего уложенья, вотчинъ до ихъ живота не отъимать, но чтобъ они тѣхъ вотчинъ ни какими мѣрами не продавали и не закладывали и по душѣ не отдавали. Впредь же вдовамъ выслуженныхъ вотчинъ недавать, а давать имъ на прожитокъ изъ помѣстныхъ земель. А если бы за мужемъ была одна вотчина, помѣстій же не было, то вотчины отдавать въ родъ, а если роду небудетъ, то брать ихъ на государя, а вдовамъ давать на прожитокъ помѣстья по указу, кто гдѣ пріищетъ.» (Указн. Кн. М. Ѳ. стр. 54 — 56) Въ слѣдствіе сего новаго уложенія была составлена и новая форма жалованныхъ грамотъ. Въ нихъ съ сего времени писалось уже такъ: «По нашему царскому жалованью въ той вотчинѣ онъ и его дѣти и внучата и правнучата вольны, и въ родъ ихъ неподвижно; и вольно ему и его дѣтемъ и внучатомъ и правнучатомъ ту вотчину продать и заложить, и въ приданое дать и въ монастырь до выкупу дать. А буде кто роду его ту вотчину изъ монастыря похочетъ выкупить; и ему ту вотчину выкупать по прежнему нашему уложенью, какъ выкупали при прежнихъ государѣхъ ихъ родовые и купленые вотчины. А буде продастъ въ чужой родъ; а кто буде роду его захочетъ ту вотчину выкупить, и ему выкупать потому жъ прежнему нашему уложенью.» (ibid. стр. 58.) Такимъ образомъ уложеніе 1627 года совершевно отстранило бездѣтныхъ женъ отъ наслѣдованія послѣ мужей въ выслуженныхъ вотчинахъ, и даже признало незаконными прежнія выдачи таковыхъ вотчинъ женамъ, и опредѣлило возвратить ихъ назадъ.

Но впрочемъ это постановленіе вскорѣ было смягчено новыми узаконеніями, по которымъ уничтожено обратное дѣйствіе указа 1627 года отъ 3 декабря. Именно указомъ 1631 года отъ 21-го февраля повелѣно оставить за вдовами тѣ вотчины, которыя даны имъ по прежнимъ указамъ до указа отъ 3 декабря 1627 года, и только не давать имъ таковыхъ вотчинъ впредь. А указомъ отъ 5 февраля

1632 года не только оставлены за вдовами вотчины мужей ихъ, данныя до указа 1627 года, но и повелѣно отобранныя у вдовъ таковыя вотчины по указу 1627 года возвратить имъ въ пожизненное пользованія. Но тѣмъ не менѣе на будущее время жены вдовы на всегда были отстранены отъ права наслѣдованія послѣ мужей въ выслуженныхъ вотчинахъ, и на прожитокъ получали изъ помѣстьевъ.

Указавши на постепенное измѣненіе права наслѣдованія бездѣтныхъ женъ послѣ мужей въ выслуженныхъ вотчинахъ, теперь слѣдуетъ разсмотрѣть законы о правѣ наслѣдованія прочихъ лицъ женскаго пола состоящихъ въ родствѣ съ вотчинниками выслуженныхъ вотчинъ. По прежнимъ законамъ и по царскому Судебнику женщины не были изключены изъ правъ наслѣдства вообще; въ Судебникѣ въ статьѣ о наслѣдствѣ упоминаются послѣ сыновей дочери, и потомъ ближніе изъ рода безъ различія мужчинъ и женщинъ. (Суд. ст. 92) А еще прежде въ статьѣ о выкупѣ вотчинъ, выкупъ предоставляется братьямъ, сестрамъ и племянникамъ. (ibid. ст. 85.) Въ жалованныхъ грамотахъ на выслуженныя вотчины по указу 28 Ноября 1620 года постоянно писалось, что выслуженныя вотчины даются вотчиннику, его дѣтямъ, внучатамъ и правнукамъ, и за не имѣніемъ ихъ женѣ бездѣтной, гдѣ также въ дѣтяхъ внукахъ и правнувахъ не изключены лица женскаго пола. Такимъ образомъ по содержанію жалованныхъ грамотъ лица женскаго пола гласно не изключались изъ права наслѣдованіе, покрайней мѣрѣ съ указа 1620 28 Ноября. Но по всему вѣроятію право женщинъ на выслуженныя вотчины было подъ большимъ сомнѣніемъ; ибо законъ признавалъ сіи вотчины государственными имуществами предоставляемыми только служащимъ людямъ, а женщины къ этому разряду не могли относиться, онѣ не состояли на службѣ. А посему когда возникъ вопросъ о правѣ наслѣдованія бездѣтныхъ женъ въ выслуженныхъ вотчинахъ мужей, разрѣшившійся по указу 1627 года отрицаніемъ права бездѣтныхъ женъ на выслуженныя мужнины вотчины; то съ тѣмъ вмѣстѣ въ юридической практикѣ былъ поднятъ давно уже готовый вопросъ, — лица женскаго пола состоящія въ родствѣ съ вотчинниками имѣютъ ли право на наслѣдство въ выслуженныхъ вотчинахъ, или ихъ должно отстранить отъ этого права, какъ отстраняются указомъ бездѣтныя жены? Вопросъ сей явился подъ двумя формами: подъ 1-ю должны ли оставаться за племянницами внуками и правнуками дѣвицами выслуженныя вотчины, которыя имъ достались по духовнымъ дядей, дѣдовъ и прадѣдовъ? и подъ 2-ю

отдавать ли по родству выслуженныя вотчины послѣ отцовъ и братьевъ замужнимъ дочерямъ и сестрамъ? Въ разрѣшеніе перваго вопроса тѣмъ же указомъ отъ 3 Декабря 1627 года вотчинамъ указано быть по родству за лицами женскаго пола, которымъ они отданы; а по второму вопросу велѣно отдавать выслуженныя вотчины и замужнимъ дочерямъ или сестрамъ умершаго, ибо они тѣмъ вотчинамъ вотчичи.»[1] (Указ. кн. стр. 55) Очевидно, что при рѣшеніи сихъ вопросовъ законодатель руководствовался не прежними законами, а постановленіями Кормчей, равнявшими въ правѣ наслѣдованія мужскій и женскій полъ, о чемъ даже прямо сказано въ самомъ указѣ: «указали о родовыхъ выслуженныхъ вотчинахъ по правилу св. апостолъ и святыхъ отецъ»

Такое Кормчая книга повела къ новому вопросу: должно ли слѣдуя старымъ Русскимъ законамъ давать при наслѣдствѣ предпочтеніе сыновьямъ предъ дочерьми, или по правиламъ Кормчей допускать къ наслѣдству и сыновей и дочерей безъ предпочтенія однихъ другимъ? Но при рѣшеніи сего вопроса старый Русскій законъ и обычай пересилили вліяніе Кормчей, которой, какъ мы знаемъ, особенно довѣряло Московское правительство въ XVII столѣтіи, и указомъ отъ 23 Мая 1628 года постановлено: «ежели послѣ отцовъ своихъ будутъ просить о вотчинахъ сыновья и дочери, то вотчины давать сыновьямъ ихъ, а дочерямъ жеребьевь изъ отцовскихъ вотчинъ вмѣстѣ съ братьями недавать; покамѣстъ братья живы дочерямъ давать послѣ отцовъ ихъ изъ помѣстій на прожитокъ по государеву указу; а какъ братьевъ ихъ не станетъ, и дочери тѣмъ вотчинамъ вотчичи (Указ Кн. стр. 83.) Этотъ законъ очевидно былъ изданъ въ отмѣну закона жалованныхъ грамотъ съ 1620 года, по которымъ сыновья и дочери равно допускались къ наслѣдованію въ выслуженныхъ вотчинахъ. Этому свидѣтельствомъ служитъ указъ 1631 года 21 Апрѣля, послѣдовавшій по тяжебному дѣлу, возникшему между женою умершаго, у которой была отъ него дочь, и сы-

---

[1] Въ одной сговорной записи 1643 года мы дѣйствительно встрѣчаемъ, что дочери и при другихъ родственникахъ были наслѣдницами отцовскихъ выслуженныхъ вотчинъ. Изъ записи видно, что Михайло Тимоѳѣевь сынъ Павловъ да Матвей Константиновъ сынъ Пущинъ сговорили свою сестру вдову Ѳедосью Иванову, дочь Пущина, и въ приданое дали за нею выслуженную вотчину отца ея въ Тульскомъ уѣздѣ.» (въ моемъ собраніи грамотъ).

номъ покойнаго, пасынкомъ вдовы. Жена предъявляла право на наслѣдство основываясь на жалованной грамотѣ, данной до указа 3-го Декабря 1627 года, и требовала раздѣлить наслѣдство по поламъ. И государь, именно принимая во уваженіе жалованную грамоту, рѣшилъ дать одну половину вотчины вдовѣ съ дочерью, а другую пасынку ея; «потому что та вотчина мужу ея, а ихъ отцу, Елизарью Текутьеву, дана до ихъ государева царева и великаго князя Михаила Ѳедоровичу всеа Русіи и отца его государева, великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи указу, до 136 году, какъ о тѣхъ вотчинахъ ихъ государевъ указъ почелъ быть, что послѣ мужей своихъ жены въ тѣхъ вотчинахъ невотчичи, а буде останется послѣ умершаго сынъ да дочь, и той вотчинѣ сынъ вотчичь, а дочь не вотчица, покамѣсть братья живы. (Указ. Кн М. Ѳ. стр. 104.) Но это некасалось другихъ лицъ женскаго пола, не дочерей, и вообще при наслѣдованіи не прямыхъ низходящихъ, а боковыхъ родственниковъ и возходящихъ, женщины совершенно были сравнены съ мужчинами, тетки получали наслѣдство вмѣстѣ съ племянниками и по равнымъ долямъ, родныя и двоюродныя сестры послѣ братьевъ и дядей наслѣдовали вмѣстѣ съ братьями также по равнымъ долямъ, какъ свидѣтельствуютъ многія раздѣльныя записи, и другіе подобные акты о наслѣдствѣ; настоящій законъ касается только прямыхъ низходящихъ, и только тогда, когда они получали наслѣдство поголовно, а не поколѣнно,

Наконецъ жалованными грамотами царя Михаила Ѳедоровича наслѣдованіе въ выслуженныхъ вотчинахъ, въ случаѣ неимѣнія на лицо дѣтей и вообще низходящаго потомства, предоставлялось боковымъ родственникамъ всѣмъ безъ ограниченія какою либо степенью, какъ бывало прежде по Судебнику и по другимъ узаконеніямъ. И этотъ порядокъ жалованныхъ грамотъ утвержденъ указами 1627 и 1629 годовъ; въ первомъ по устраненіи вдовъ отъ наслѣдованія въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, повелѣно было вотчины отдавать въ родъ умершаго, братьямъ роднымъ и двоюроднымъ, и вообще въ родъ, кто кому ближе; а вторымъ постановлено послѣ вотчинника не оставившаго по себѣ ни сыновей ни дочерей, вотчины родовыя и за службы данныя отдавать въ родъ, кто ближе того роду вотчичемъ, а имъ за тѣ вотчины деньги давати по душѣ въ вѣчной поминокъ по уложенью. (Уложен. глав. XVII. ст. 2.)

Такимъ образомъ выслуженныя вотчины относительно ихъ наслѣдованія мало по малу сравнялись съ родовыми вотчинами, такъ что

и закономъ принимались въ одномъ значеніи. Да и исторически большая часть родовыхъ вотчинъ, особенно въ XVII столѣтіи, образовалась изъ выслуженныхъ вотчинъ; ибо при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и его преемникахъ не было ни одного похода ни одной службы, за которыя бы служилые люди не награждались обращеніемъ части помѣстій въ вотчины. А посему естественно образовалось юридическое опредѣленіе, по которому выслуженныя вотчины изъ государственныхъ имуществъ, каковыми были по приговору Царя Ивана Васильевича отъ 15 Января 1562 года, о княженецкихъ старинныхъ вотчинахъ, по видимому почти перешли въ родовыя вотчины. Этотъ постепенный переходъ начался еще при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, который въ томъ же приговорѣ 1562 года отдѣлилъ отъ княженецкихъ вотчинъ вотчины боярскія, которыя хотя и непотеряли еще характера государственныхъ имуществъ, но тѣмъ неменѣе наслѣдованіе въ нихъ предоставлено не однимъ низходящимъ, а цѣлому роду вотчинника, такъ что выслуженныя вотчины почти сравнялись съ родовыми. Далѣе въ 1572 году выслуженныя вотчины рѣзко были отличены отъ родовыхъ, и нормою наслѣдованія въ нихъ были приняты жалованныя грамоты; потомъ въ 1620 году, съ изданіемъ новой однообразной формы жалованныхъ грамотъ, право наслѣдованія въ выслуженныхъ вотчинахъ опять было распространено на всѣхъ низходящихъ и боковыхъ родственниковъ получившаго жалованную вотчину, и выслуженныя вотчины подобно родовымъ возвращались въ казну только по совершеномъ прекращеніи рода. Наконецъ вся разница въ наслѣдованіи между выслуженными и изстаринными вотчинами заключалась въ томъ, что указомъ 1627 года жены вдовы были устранены отъ наслѣдованія послѣ мужей въ выслуженныхъ вотчинахъ. Вообще государство по возможности старалось какъ можно болѣе уравнять права и обязанности лежащія на разныхъ видахъ владѣнія съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ имѣть на нихъ одинаковое вліяніе; оно охотно государственныя имущества обращало въ частную собственность, оставляя лишь за ними лежащую на нихъ государственную службу, и въ тоже время распространяло права государственной службы и на дѣйствительную частную собственность служилыхъ людей, и такимъ образомъ уравнивало между собою и родовыя и выслуженныя вотчины

О наслѣдованіи въ помѣстьяхъ.

Помѣстьями въ Россіи назывались казенныя земли, отдававшіяся служилымъ людямъ во временное пользованіе за службу, и для того, чтобы было съ чего нести службу; слѣдовательно помѣстья несоставляли частной собственности; а о сему немогли бы и переходить по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Но на дѣлѣ выходило не такъ, по исторіи видно, что и помѣстья можно было получать по наслѣдству.

Наслѣдственное право въ помѣстьяхъ, по всему вѣроятію, образовалось не вдругъ, еще въ XIV столѣтіи этаго права мы не видимъ, такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, писанной въ 1307 году, упоминается о помѣстьяхъ, какъ о такихъ владѣніяхъ, которыя не только не переходили по наслѣдству, но даже и за однимъ лицомъ неоставались на всю жизнь, а отнимались съ прекращеніемъ службы; въ грамотѣ сказано: «а тебѣ, господине, Бориса Константиновича Новгородскимъ хлѣбомъ покормити, а изъ Новгородской волости поидетъ; а на селѣхъ его куны даемъ по исправѣ на купленыхъ, а которое не куплено, а съ тѣхъ поидетъ безъ кунъ. (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 11.) Здѣсь некупленными селами очевидно называются помѣстья. Вообще въ продолженіе всего удѣльнаго періода мудрено было образоваться праву наслѣдованія въ помѣстьяхъ; ибо тогда бояре и слуги пользовались правомъ свободнаго перехода изъ службы одного князя въ службу другаго, при чемъ по договорнымъ грамотамъ князей за боярами и слугами оставались неприкосновенными только вотчинныя земли, какъ ихъ частная собственность, помѣстья же возвращались князю. Даже въ Судебникахъ помѣстныя земли еще разсматривались, какъ государственныя имущества, и о правѣ наслѣдованія въ нихъ нѣтъ и помину.

Но уже во время Судебниковъ съ уничтоженіемъ удѣловъ и съ прекращеніемъ права служилыхъ людей переходить отъ одного князя къ другому, образовалось правило, что сыновья служилаго человѣка, ежели оказывались годными, должны были заступать мѣсто отца на службѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ получать и помѣстье данное отцу за службу. Это правило въ первый разъ высказано въ царскомъ приговорѣ 1550 года, о испомѣщеніи 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ сказано:» а который по грѣхомъ изъ тое тысячи вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится

ино въ того мѣсто прибрать иного.» (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 225) Здѣсь наслѣдство въ помѣсьяхъ рѣшительно опредѣляется службою. Ежели сынъ годенъ въ службу; то по смерти отца, заступивъ его мѣсто по службѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ его помѣстье; а негоденъ на службу, и помѣстье переходитъ къ другому лицу. Тутъ собственно невидно права наслѣдованія, а только предпочтеніе годнаго сына другимъ лицамъ для зачисленія въ службу на мѣсто отца; и помѣстье послѣ отца получается сыномъ не по родству, а по годности къ службѣ; помѣстная земля еще вполнѣ казенная земля, на ней даже незамѣтно и признаковъ частнаго права. Здѣсь законъ выражаетъ только цѣль удержать служилымъ людей на службѣ и привязать къ службѣ ихъ дѣтей

Въ продолженіи всего XVI столѣтія наслѣдственное право въ помѣсьяхъ развивалось весьма слабо, и въ видимомъ наслѣдственномъ правѣ еще постоянно высказывалась одна цѣль государственная,—удержать служилыхъ людей на службѣ. Лучшимъ сему доказательствомъ служатъ царскія грамоты о передачѣ помѣстій, изъ которыхъ почти не замѣтно права наслѣдованія. Такъ дѣти вступившіе въ службу еще при жизни отца припускались къ отцовскому помѣстью, или жаловались помѣстьемъ въ отводъ отъ отца. Такъ въ царской грамотѣ 1555 года написано: «а сказываетъ Никита Сабуровъ, что деи за нимъ нашего жалованья помѣстья 22 обжи, а опричь деи его Никитки у отца его у Константина три сына, а ему братья. Васюкъ нашу службу служитъ, а Аѳонько да Иванко въ нашу службу поспѣли; а къ отцу деи и къ нему въ помѣстье не припущены, и въ отводъ отъ отца помѣстьемъ не пожалованы. (Дополн. къ Ак. Истр. Т. I. стр. 85). Или по смерти помѣщика не всѣ сыновья его припускались къ его помѣстью, а кажется только тѣ, которые уже поспѣли въ службу, или уже и служатъ, но еще неимѣютъ помѣстій на свое имя. Такъ въ другой царской грамотѣ тогожъ 1555 года написано: «а сказываетъ Дружинка Пятой, что де онъ Дружинка наши службы служитъ, а нашего деи жалованья помѣстья за нимъ нѣтъ нигдѣ; а за отцомъ де его за Иваномъ было нашего жалованья стараго помѣстья полгретьинадцати обжи, а въ помѣстное деи верстанье лѣта 7046, отцу его Ивану, да брату его (Дружинкину) Китайцу да Мыслоку къ старому помѣстью придано десять обежъ; и всего деи велѣно за ними учинить старого помѣстья и придачи 22½ обжи, по полуосмѣ обжи за человѣкомъ; а отца деи его Ивана нестало, и съ отца деи его выти съ помѣстья наши служ-

бы служить братъ его (Дружинкинъ) Семейка; а братъ де ихъ Мыслокъ съ своей выти съ помѣстья наши службы служитъ; а онъ деи Дружинка въ отцово помѣстье къ брату не припущенъ, и въ отводъ отъ брата помѣстьемъ не пожалованъ.» (ibid. стр 88.) Здѣсь отцовское помѣстье еще при жизни отца дѣлится между самимъ отцомъ и его двумя сыновьями, уже вступившими въ службу, по ровнымъ долямъ; потомъ по смерти отца его долю или выть получаетъ третій сынъ вступившій въ службу, а четвертый сынъ также уже поспѣвшій въ службу изъ отцовской доли ничего неполучаетъ. Слѣдовательно и здѣсь почти еще нѣтъ характера наслѣдованія въ отцовскомъ помѣстьѣ, а только надѣлъ помѣстьями сыновей вступившихъ въ службу. Или еще съ перемѣною рода службы помѣщика измѣнялось и самое помѣстье; и ежели по роду новой службы окладъ былъ меньше первой службы, то и самое помѣстье уменьшалось, часть его отписывалась на государя въ роздачю, причемъ ежели у помѣщика есть сыновья еще малолѣтные, то отписанная часть оставалась во владѣніи отца до возраста сыновей; но доходы съ этой отписанной части помѣщикъ долженъ былъ отдавать въ казну. Въ царской грамотѣ отъ 14 Января 1556 года сказано: «А нашъ указъ, которымъ дѣтемъ боярскимъ велѣно быть въ городовыхъ приказѣхъ, а дѣтей у нихъ нѣтъ, а за тѣми помѣстей учинити изъ ихъ помѣстей по пяти вытей, а лишки за тѣмъ у нихъ велѣно отписывати на меня царя и великаго князя, и въ роздачу роздати. А у которыхъ прикащиковъ городовыхъ дѣти есть малы, въ нашу службѣ неспѣли; и у тѣхъ помѣстья велѣно отписывати и приказывати вѣдати на меня царя и великаго князя по куды дѣти ихъ въ нашу службу поспѣютъ; а какъ дѣти ихъ въ нашу службу поспѣютъ, и тогды тѣ помѣстья велѣно дѣтемъ ихъ отдати, и наши службы велѣно имъ служити.» (ibid. стр. 108.) Здѣсь ясно еще высказывается, что въ помѣстьяхъ имѣлось въ виду не право наслѣдства, а годность къ службѣ. Или иногда одни сыновья при жизни получали особыя помѣстья, а другіе служили съ отцовскаго помѣстья. Такъ въ другой грамотѣ того же 1556 года написано: «а велѣли бы естя Михалю отъ отца въ отводъ отдѣлити восмъ обежъ изъ порожжихъ помѣстей, гдѣ будетъ пригоже; а братьѣ его Игнату да Овдокимку велѣли бы естя наши службы служити съ отца ихъ помѣстья» (ibid. 112.) Иногда у отца отнималось помѣстье за какую либо вину; а сыну давалось другое помѣстье изъ порожжихъ земель съ приказомъ кормить отца и мать; такъ

въ грамотѣ отъ 12 Февраля 1556 года сказано: «ожъ будетъ за отцомъ Ивана Ярцова за Борисомъ было нашего жалованья помѣстья одинадцать обежъ, и по нашему будетъ указу то отца ихъ помѣстье въ нашей опалѣ отписано на меня царя и въ роздачу роздано; и велѣли бъ есте Иванцу Ярцову нашего жалованья помѣстья отдѣлити десять обежъ изъ порозжихъ помѣстій... и наши службы велѣли бы есте ему служити, и отца и матерь и сестры велѣли ему кормити.» (ibid. 112.) Наконецъ бывало и такъ, что еще при жизни отца сынъ получалъ за службу изъ отцовскаго помѣстья долю въ отдѣлъ, точно также, какъ иныя сыновья получали помѣстья въ отдѣлъ отъ отца изъ порозжихъ земель Въ грамотѣ отъ 29 Августа 1556 года сказано: «оже будетъ за отцомъ ихъ за Ильею Зеленымъ было нашего жалованья стараго помѣстья 50 обежъ съ полуобкею; и братъ будетъ ихъ Никитка отъ отца ихъ и отъ нихъ братьи своей помѣстьемъ отдѣленъ, а досталось будетъ на его выть полтретьинадцаты обжи изъ отца ихъ помѣстья.» (ibid. стр. 118.) Все это прямо свидѣтельствуетъ, что въ XVI вѣкѣ право наслѣдованія въ помѣстьяхъ еще было очень слабо, и занятіе отцовскихъ помѣстій дѣтьми вытекало не изъ права наслѣдованія, а изъ другихъ началъ принадлежащихъ чисто къ государственному праву, а не къ частному гражданскому.

Но въ тоже время уже проглядывали нѣкоторыя черты и наслѣдственнаго права въ помѣстьяхъ, которыя были, такъ сказать, зародышемъ развитія сего права въ послѣдующее время. Такъ во 1-хъ въ настоящее время уже образовалось право наслѣдованія жены вдовы послѣ мужа, матери послѣ сына, а также наслѣдованіе дочерей послѣ отца. По этому праву жена получала часть мужниныхъ помѣстій на прожитокъ, до конца жизни, или до поступленія въ монастырь, или до вторичнаго замужества; а дочери получали часть изъ отцовскихъ помѣстій до вступленія въ бракъ, или до 15 лѣтняго возраста. Такъ о правѣ жены вдовы на долю изъ мужнина помѣстья свидѣтельствуетъ царская грамота въ Новгородъ отъ 2-го Октября 1555 года, гдѣ сказано: «И язъ княжъ Богданову княгиню Офросинью пожаловалъ, изъ мужа ея изо Княжъ Богданова помѣстья, велѣлъ на прожитокъ отдѣлити 15 обежъ, до тѣхъ мѣстъ какъ пойдетъ замужъ, или пострижется, или ее не станетъ.» (ibid. стр. 93) О правѣ наслѣдованія матери послѣ сына и сестры послѣ брата говорится въ грамотѣ отъ 26 Февраля 1556 года такъ: «велѣли бы естя Левоньтьевѣ матери Игнатьевѣ женѣ

Домницѣ съ дочерью, а съ Левонтьевою сестрою, съ Окулинкою, Домницѣ изъ сына ея, а Окулиницѣ изъ брата ея, изъ Левонтьева помѣстья отдѣлити на прожитокъ девять обежъ.... Домницѣ пять обежъ, какъ пойдетъ замужъ, или пострижется, или ее нестанетъ, а дочерѣ ея Окулинкѣ четыре обжи до тѣхъ мѣстъ, какъ замужъ выдадутъ, или пострижется, или ее нестанетъ, а выдати ее замужъ пятнадцати лѣтъ, а больши пятнадцати лѣтъ за дѣвками помѣстья не держати.» (ibid. стр. 114.) Или о правѣ наслѣдованія дочери въ помѣстьяхъ отца въ грамотѣ отъ 14 Января 1556 года сказано. «Изъ Нечаева помѣстья отдѣлити Нечаевѣ женѣ Оринѣ на прожитокъ семь обежъ, покуда замужъ пойдетъ, или пострижется, или ее нестанетъ; а дочери его Марьицѣ пять обежь на прожитокъ до замужья, а выдати ее замужъ пятинадцати лѣтъ, а далѣе пятинадцати лѣтъ за нею тѣмъ обжемъ небыти.» (ibid. стр. 108.)

Во 2-хъ согласно съ Судебниками о правѣ наслѣдованія въ низходящихъ и боковыхъ линіяхъ, и помѣстья переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ братьевъ къ братьямъ и отъ дядей къ племянникамъ Такъ въ грамотѣ отъ 28 Сентября 1555 года сказано. что послѣ Нечая Чуркина его помѣстье было раздѣлено четверымъ его сыновьямъ, а потомъ когда одинъ изъ сыновей умеръ; то его выть помѣстья была придана къ вытямъ остальныхъ трехъ братьевъ (ibid. 90.) Но братья въ такомъ случаѣ получали братнино помѣстье кажется только тогда, когда онъ неоставилъ сыновей; а въ противномъ случаѣ отцовское помѣстье переходило къ сыну, даже малолѣтному, съ обязательствомъ служить съ помѣстья когда выростетъ. Такъ въ грамотѣ отъ 3 Октября 1555 года сказано: что Тимофѣй Пушкинъ, малолѣтный, просилъ отдѣлить на себя отцовскую выть помѣстья отъ вытей отцовскихъ братьевъ, а его дядей, обязываясь кормить свою мать до ея живота и служить съ той выти, когда поспѣетъ въ службу; и государь велѣлъ отдѣлить ему отцовскую выть помѣстья отъ дядиныхъ вытей. (ibid. 94.) Или грамота отъ 12 Октября 1555 года свидѣтельствуетъ, что послѣ бездѣтнаго помѣщика его помѣстье отдавалось въ придачу къ помѣстьямъ его племянниковъ, за отдѣленіемъ напередъ выти на прожитокъ женѣ умершаго. (ibid. стр. 96.) Или изъ грамоты отъ 13 Ноября того же года видно, что сынъ при жизни отца получалъ помѣстье послѣ дяди, въ грамотѣ сказано: «велѣлибъ ести Иванцу Назимову отъ отца и отъ брата въ отводъ отдѣлити въ помѣстье семь обежъ изъ дяди его изъ Семенова помѣстья Назимова; а будетъ то дяди его по-

мѣстье въ раздачу роздано; и выбъ велѣли Иванцу отдѣлити семь обежъ изъ порожихъ земель, гдѣ будетъ пригоже.» (ibid. 99.) Тоже подтверждаетъ грамота отъ 18 ноября того же года, гдѣ Ѳедоръ Гурьевъ проситъ отдать своему 15 лѣтнему сыну Ивану помѣстье оставшееся послѣ бездѣтнаго своего брата Алексѣя Гурьева; и государь напередъ отдѣливши выть на прожитокъ Алексѣевой женѣ, остальное приказываетъ отдать племяннику Алексѣеву Ивану Гурьеву. Здѣсь замѣчательно слѣдующее выраженіе: «а велѣлибъ естя Олешину выть помѣстья 14 обежъ отписати на меня царя и великаго князя; а изъ того Олешина помѣстья велѣли бъ естя отдѣлити Олешинѣ женѣ на прожитокъ шесть обежъ, а досталь того Олешина помѣстья, восмь обежъ, велѣли бъ естя отдѣлити Ѳедкову сыну Иванку.» (ibid. 101.) Слѣдовательно ясно, что послѣ умершаго помѣщика помѣстье возвращалось къ государю, и уже государь жаловалъ изъ него родственниковъ умершаго, не по ихъ наслѣдственному праву, а по своему усмотрѣнію. Изъ грамоты отъ 23 Ноября того же года оказывается, что въ одно и тоже время одни сыновья помѣщика получали помѣстья изъ порожихъ земель, а другіе наслѣдовали помѣстье своего умершаго отца. Такъ въ грамотѣ Григорій и Василій Крекшины получили помѣстья изъ порожихъ земель, а ихъ роднымъ братьямъ Семейкѣ да Меншику дано помѣстье ихъ отца Кудаша Крекшина, (ibid. стр. 103) и сіи послѣдніе обязались съ этаго помѣстья служить службу, кормить мать съ сестрами и платить долгъ отца ихъ. Или въ возной грамотѣ 1588 года данной семейству князя Михаила Пожарскаго сказано: «била челомъ княгиня Марья Михайлова жена Пожарскаго, что мужа ее нестало, а послѣ его осталася она Марья, да два сына, Дмитрій 10 лѣтъ, Василій 3 лѣтъ, да дочь княжна Дарья. А помѣстья за мужемъ было на 405 четвертей съ осминою, а окладъ его былъ 600 четвертей. И намъ бы тѣмъ мужа ея помѣстьемъ пожаловать дѣтей его Дмитрія и Василья; а они какъ въ службу поспѣютъ, и будутъ въ 15 лѣтъ, и съ того отца своего помѣстья учнутъ служить, мать свою княгиню Марью до ея живота и сестру свою княжну Дарью кормить, и вскормя сестру замужъ выдадутъ.» (Обозрѣн. Помѣст. пр. Иван. стр. 135.) Или въ отдѣльной 1593 года сказано: «отдѣлилъ въ помѣстьѣ Никитинѣ женѣ Любятинскаго, вдовѣ Ненилѣ съ дѣтьми съ сыномъ Семеномъ да съ Клементьемъ, старое мужа ее Никитино помѣстье на рѣкѣ на Иржѣ въ деревнѣ Исуповѣ противъ ста четвертей.» (ibid. стр. 169.) Или въ отказной 1599 года: «отказалъ

вдовѣ Антонидѣ Тимофѣевой женѣ Верховскаго съ сыномъ ея Ѳедоромъ, да съ тѣмъ, что она родитъ, мужа ее Тимофѣево помѣстье Верховскаго въ Галицкомъ уѣздѣ, а на вдовину половину крестьянъ». (въ моемъ собраніи грамотъ).

Такимъ образомъ въ продолженіи всего XVI столѣтія, по крайней мѣрѣ судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ, были только признаки права наслѣдованія въ помѣстьяхъ, самаго же права еще не было. Это было собственно неполное подражаніе обычному наслѣдственному праву на Руси и то въ женскомъ полѣ. Собственно матери, жены и дочери получали какъ бы по наслѣдству на прожитокъ изъ помѣстій мужей, сыновей и отцовъ. Въ мужскомъ же полѣ полученіе помѣстій послѣ отцовъ, братьевъ и дядей выражало не право наслѣдованія, а желаніе правительства, чтобы помѣстная земля изъ службы невыходила. Правительство видѣло въ помѣстной землѣ казенную землю, каковою она дѣйствительно и была, и раздавало ее нуждающимся служилыхъ людямъ не по наслѣдственному праву, а по другимъ отношеніямъ. Сыновья братья и племянники получали помѣстья послѣ своихъ родственниковъ, когда или неимѣли помѣстья на собственное имя, или когда данное имъ помѣстье было недостаточно, неравнялось еще ихъ окладу. При томъ нерѣлко отцовское помѣстье еще при жизни отца дѣлилось между имъ и нѣкоторыми сыновьями, причемъ отецъ получалъ одинаковую долю съ сыномъ. А иногда по смерти отца одни сыновья получали его помѣстье, а другіе въ этоже время надѣлялись помѣстьями изъ порожжихъ земель. Вообще помѣстья были общею землею всѣхъ служилыхъ людей, еще слабо принадлежащею той или другой фамиліи, и при случаѣ дѣлились по вытямъ между младшими членами фамиліи послѣ старшихъ членовъ той же фамили безъ различія линій родства, т. е. въ одно время получали одинаковыя выти и отецъ и сыновья, и дяди и племянники, и въ тоже время другіе члены той же фамиліи получали выти изъ порожнихъ земель, безъ различія образовались ли сіи порожнія земли изъ помѣстій оставшихся послѣ ихъ родственниковъ, или оказались порожжими послѣ чужеродцовъ. А, что всего замѣчательнѣе, родственники послѣ умершаго родственника не прямо получали его помѣстье, а напротивъ помѣстье сперва отписывалось на государя, а по томъ уже по прозбѣ родственниковъ жаловалось имъ отъ государя; слѣдовательно получалось родственниками не по наслѣдственному праву, а по государеву жалованью; родство здѣсь служило только поводомъ къ прозъ-

бѣ, а отнюдь еще не правомъ. Женщины получали помѣстья послѣ родственниковъ очевидно въ качествѣ пансіона за службу родственниковъ, на томъ же основаніи пансіона помѣстья оставились за служилыми людьми, по старости и увѣчью уже находящимися въ отставкѣ. Мужчинамъ давались помѣстья послѣ родственниковъ, какъ награда за службу и средство служить, а не какъ наслѣдство; ибо помѣстье дѣлилось между ними по ихъ служебнымъ окладамъ, а не по количеству оставшагося помѣстья, сынъ получалъ послѣ отца не все его помѣстье, а сколько слѣдовало по его служебному окладу, излишки же противъ оклада шли въ роздачу стороннимъ людямъ.

Смуты самозванщины и междуцарствія, потрясшіе многія старыя учрежденія, коснулись и помѣстныхъ правъ. Во время сихъ смутъ помѣстныя и вотчинныя права были сильно изкажены своеволіемъ владѣльцовъ принадлежавшихъ къ разнымъ тогдашнимъ партіямъ; самыя правительства быстро смѣнявшія одно другое произвели большую путаницу въ помѣстныхъ владѣніяхъ. Помѣстья давались то на Москвѣ, то въ Тушинѣ, то въ Калугѣ, то отъ царя Московскаго, то отъ Самозванца, то отъ имени короля Польскаго Сигизмунда, то отъ имени королевича Владислава, то въ полкахъ и по городамъ самовольно воеводами и боярами. Раздача помѣстій производилась въ нарушеніе всякихъ правилъ, торжествующая партія грабила пораженную и въ свою очередь сама подвергалась грабежу другой торжествующей партіи; въ помѣстныя земли безъ разбора зачислялись и забирались и помѣстья живыхъ владѣльцовъ, и пустопорожнія земли, и частныя вотчины, и монастырскія, и дворцовыя и черныя волости; отъ чего нерѣдко случалось, что на одно и тоже помѣстье было по нѣскольку владѣльцовъ, каждый съ своею грамотою, кто съ вотчинною, кто съ помѣстною, кто отъ Тушинскаго вора, кто отъ королевича, кто отъ бояръ, кто отъ старыхъ Московскихъ царей, Таковое запутанное положеніе одного изъ важнѣйшихъ институтовъ государственнаго устройства, на которомъ держалась тогдашняя государственная служба, естественно должно было обратить на себя вниманіе перваго земскаго собора. А посему лишь только образовалась земская или скорѣе служилая Дума 30 Іюня 1611 года; то избравъ въ правители боярина князя Трубецкаго, казачьяго атамана Заруцкаго и воеводу Ляпунова, прежде всего обратила вниманіе на запутанное состояніе помѣстій. Приговоромъ этой думы помѣстныя земли по прежнему признаны казенными государственными землями, которыя даются служилымъ людямъ за ихъ службу и для того,

чтобы имѣть средства нести службу; но въ тоже время Дума признала въ помѣстныхъ земляхъ и нѣкоторыя права частной собственности служилыхъ людей, особенно въ отношеніи къ наслѣдству.

Дума 30 Маія 1611 года во 1-хъ утвердила за новиками отцовскія ихъ помѣстья. Въ приговорѣ Думы сказано: «а которымъ новикомъ безпомѣстнымъ или малопомѣстнымъ, при королѣ и королевичѣ даваны выморочныя или отцовскія помѣстья, а старыхъ помѣстей за ними опричѣ тѣхъ дачь нѣтъ; и у тѣхъ не отымать.» Впрочемъ здѣсь еще дѣло идетъ о помѣстьяхъ прежде данныхъ новикамъ, и въ этой дачѣ удерживается старый порядокъ, выморочныя или отцовскія помѣстья даются только новикамъ безпомѣстнымъ или малопомѣстнымъ; слѣдовательно новики имѣющіе достаточныя по окладу помѣстья еще неполучали права на помѣстья, своихъ отцовъ. Но далѣе взглядъ Думы на помѣстье, какъ собственность, разширяется. Дума во 2-хъ признаетъ неприкосновеннымъ право женъ и дѣтей на помѣстья убитыхъ мужей и отцовъ, и уже это право неограничиваетъ надѣломъ извѣстныхъ вытей, какъ бывало прежде, а напротивъ все помѣстье въ цѣлости послѣ убитаго переходитъ къ его дѣтямъ. Въ приговорѣ сказано: «и которые сидѣли въ Смоленску въ осадѣ и побиты отъ Литвы, а у нихъ остались жены и дѣти; и у тѣхъ помѣстей неотымать, а велѣти владѣти женамъ ихъ и дѣтемъ.» Въ 3-хъ Дума различаетъ права наслѣдованія въ помѣстьяхъ предоставленныя сыновьямъ и права женъ и дочерей и прочихъ родственниковъ. Сыновьямъ Дума предоставляетъ первое и полное право наслѣдованія въ отцовскихъ помѣстьяхъ; женамъ и дочерямъ, ежели не будетъ сыновей, даетъ только часть помѣстій на прожитокъ по уложенью, примѣряясь къ прежнему порядку; родственникамъ же уступаетъ право наслѣдованія тогда только, когда послѣ умершаго не останется ни сыновей. ни жены, ни дочерей; но въ тоже время требуетъ, чтобы таковыя помѣстья мимо родственниковъ никому не раздавались. Въ приговорѣ написано: «А которыя дворяне и дѣти боярскіе померли или побиты, а послѣ ихъ остались жены и сыновья; и у тѣхъ вдовъ и сыновей помѣстей не отымать. А у которыхъ остались жены съ дочерьми, а сыновей нѣтъ; и тѣмъ вдовамъ давати помѣстья съ дочерми на прожитокъ по уложенью, примѣряясь къ прежнему, какъ прежъ сего вдовамъ съ дочерми на прожитокъ давано. А у которыхъ женъ и дѣтей не осталося; и тѣ помѣстья роздавати въ роздачу роду ихъ и племени безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо родства ихъ не от-

давати.» Здѣсь уже помѣстье признается какъ бы собственностію той или другой фамиліи служилыхъ людей; помѣстья послѣ умершаго родственника уже нельзя отдать въ чужой родъ мимо родственниковъ; слѣдовательно право наслѣдства признается не только за дѣтьми и женою покойнаго, но и за другими родственниками. Этого прежде мы не замѣчали, въ царскихъ грамотахъ 1555 и 1556 годовъ помѣстья послѣ умершихъ безъ различія давались и родственникамъ и чужеродцамъ. Въ 4-хъ наконецъ Дума возвращаетъ помѣстье родственникамъ, ежели бы оно какимъ либо образомъ было передано въ чужой родъ:» которые вдовы и недоросли были на Москвѣ, а нынѣ и съ дѣтьми вышли, или которые скитаются по городамъ у родимцовъ, а помѣстья у нихъ поиманы заочно; а впредь они объявятся. и тѣмъ вдовамъ и недорослямъ помѣстье отдати, чтобы имъ до конца въ разоренье не быти.» (Истор. Карамз. Т. XII. примѣч. 793.)

Такимъ образомъ среди смутъ, порожденныхъ самозванцами и междуцарствіемъ, выработалось новое право на помѣстья, право болѣе или менѣе уже наслѣдственное, во многомъ отличное отъ прежняго перехода помѣстій отъ отцовъ къ дѣтямъ. Главное отличіе новаго права отъ прежняго состояло въ томъ, что по прежнему помѣстье послѣ умершаго помѣщика сперва отписывалось на государя, а потомъ уже уже жаловалось женѣ или дѣтямъ или другимъ родственникамъ покойнаго; по новому же праву помѣстье прямо переходило къ женѣ и сыновьямъ покойнаго безъ отписки на государя. При томъ въ прежнее время не все помѣстье отца переходило къ сыну, а только часть его, а за тѣмъ нерѣдко остальныя доли помѣстья отписывались въ казну и отдавались въ раздачу, кто будетъ просить; по новому же праву помѣстье все переходило къ женѣ и сыновьямъ покойнаго; а ежели жены и дѣтей послѣ покойнаго неостанется, то помѣстье переходило къ другимъ родственникамъ покойнаго и мимо родственниковъ чужеродцамъ нераздавалось. По этому новому праву помѣстья изъ государственныхъ земель какъ бы обратились въ собственность той или другой фамиліи служилыхъ людей, только подъ условіемъ службы государству. Здѣсь очевидно Дума 1611 года, состоявшая только изъ служилыхъ людей, хлопотала преимущественно о пользѣ служилаго сословія, хотя бы въ ущербъ государству. Она кажется хотѣла помѣстьямъ сообщить тотъ же характеръ, какой служилые люди на западѣ Евроны успѣли сообщить леннымъ землямъ. Династія Романовыхъ вступившая на Мо-

сковскій престолъ въ 1612 году, хотя неуничтожила порядка въ наслѣдованіи помѣстей, введеннаго Думою 1611 года, и даже повидимому развила его еще шире; но въ сущности она преслѣдовала уже иную цѣль, чисто государственную, стараясь сравнять помѣстья съ вотчинами и одинаково тѣ и другія запечатлѣть государственнымъ служебнымъ характеромъ.

Указомъ царя Михаила Ѳеодоровича, отъ 27 Августа 1618 года, новый порядокъ наслѣдованія введенный Думою 1611 года, частію утвержденъ, частію развитъ далѣе. Въ указѣ сказано: «у дворянъ и у дѣтей боярскихъ, которые побиты или въ полонъ поиманы, и которые безъ вѣти пропали, помѣстей ихъ неотымать, и въ раздачу не роздавать, а давать тѣ ихъ помѣстья женамъ ихъ и дѣтемъ; а которые дворяне и дѣти боярскіе убиты или въ полону померли, а женъ ихъ и дѣтей не осталось, и тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья давать въ оклады и въ додачу роду ихъ и племяни, а мимо родства и мимо того города, кто учнетъ бити челомъ, ни какимъ людямъ не отдавать? (Указ. Кн. М. Ѳ. стр. 21.) Здѣсь законъ 1611 года подтвержденъ вполнѣ; но въ то же время удержано значеніе помѣстной земли какъ государственной, а не какъ собственности той или другой фамиліи служилыхъ людей; новымъ указомъ помѣстная земля признана принадлежностію того города, по которому служилъ умершій помѣщикъ, и за неимѣніемъ родственниковъ умершаго помѣстье его получаютъ служилые люди того города, по которому служилъ умершій. А еще прежде по боярскому приговору отъ 27 Ноября 1613 года помѣстья признаны принадлежностью цѣлаго извѣстнаго разряда служилыхъ людей; именно приговоромъ симъ установлено: послѣ умершихъ помѣстныхъ иноземцовъ старыя помѣстья въ раздачу дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ въ помѣстья, опричь иноземцовъ, никому не отдавать. а который иноземецъ умретъ, а послѣ его жены и дѣтей и роду и племяни неостанется, или который иноземецъ въ опалѣ будетъ, и тѣ иноземскія старыя помѣстья и вотчины велѣно отписать на государя до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ о тѣхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ иноземцово челобитье будетъ» (Указн. Кн. М, Ѳ. стр. 17.) Такимъ образомъ иноземческія помѣстья здѣсь признаны государевыми землями принадлежащими въ раздачу цѣлому особому разряду служилыхъ людей, иноземцовъ. Указомъ 1636 года подтверждено и подробнѣе развито четвертое правило Земской Думы 1611 года. По этому правилу помѣстье какимъ-либо образомъ переданное мимо жены и дѣтей умершаго по-

мѣщика возвращалось имъ назадъ. Указомъ же отъ 16 Декабря 1636 года предписано не только возвращать женѣ и дѣтямъ помѣстье умершаго, не правильно захваченное посторонними людьми; но сверхъ того въ пользу жены и дѣтей умершаго взыскивать деньги съ того, кто завладѣетъ симъ помѣстьемъ: «а вдовамъ и дѣтямъ имать на тѣхъ дѣтехъ боярскихъ (которые завладѣли) владѣнье по указу» т. е. взыскивать съ нихъ по указной цѣнѣ доходы, полученные съ помѣстій во время неправильнаго завладѣнія. (Указ. Кн. стр. 126).

Потомъ мало по малу въ царствованіе Михаила Ѳедоровича было утверждено и развито старое правило полученія женами и дочерми на прожитокъ изъ помѣстій мужей и отцовъ. Въ прежнее время, какъ мы уже видѣли, не было опредѣленнаго правила сколько давать женамъ и дочерямъ изъ помѣстій мужей и отцовъ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ это опредѣлялась частно при каждомъ вновь открывшемся случаѣ, по приговору Думы 1611 года, велѣно примѣриваться къ прежнему, какъ прежъ сего вдовамъ съ дочерми на прожитокъ давали. При Михайлѣ же Ѳеодоровичѣ сдѣлано нѣсколько опытовъ установить общій порядокъ въ этомъ дѣлѣ. Сперва въ 1634 году было назначено вдовамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ побитыхъ и умершихъ на государевой службѣ подъ Смоленскомъ, давать съ окладовъ мужей со ста четвертей по 20 четвертей. Потомъ въ 1644 году это постановленіе было развито слѣдующимъ образомъ: «вдовамъ побитыхъ на службѣ давать на прожитокъ съ окладовъ мужей со ста четвертей по двадцати четвертей; вдовамъ умершихъ въ походѣ отъ болѣзни давать со ста четвертей по пятнадцати четвертей; и наконецъ вдовамъ, которыхъ мужья умерли не въ походѣ, но вообще состоя на государевой службѣ, давать со ста четвертей съ окладовъ мужей по десяти четвертей.» (ibid. стр. 138—139.) И это правило сдѣлалось общимъ и постояннымъ, и въ послѣдствіи вошло въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Равнымъ образомъ получило болѣе опредѣленности пріобрѣтеніе прожиточныхъ помѣстій дочерми послѣ отцовъ. Прежде мы знали только, что при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дочери получали, до замужества или до постриженія и вообще до пятнадцатилѣтняго возраста, прожиточныхъ помѣстій менѣе нежели матери и жены; но при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, съ 1644 года положено за правило дочерямъ давать помѣстій на прожитокъ на половину менѣе нежели женамъ Такъ въ томъ случаѣ, когда по закону давалось женамъ 20 четвертей со ста, то дочерямъ шло по 10 четвертей со ста; когда женамъ по 15 четвертей то до-

черямъ по $7\frac{1}{2}$ четвертей; когда женамъ десять четвертей, то дочерямъ пять четвертей.» (ibid. 1-8—139.) И это правило также оставалось общимъ и постояннымъ, и въ послѣдствіи вошло въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

Въ XVII столѣтіи прожиточныя помѣстья женъ и дочерей до нѣкоторой степени приняли характеръ частной собственности, ихъ можно было брать въ приданое и передавать по условіямъ съ частными лицами, только съ разрѣшенія правительства, и съ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы новый владѣлецъ несъ съ нихъ государственную службу. Вдовы жены, и дочери дѣвицы имѣли право съ прожиточными помѣстьями выходить замужъ, и тогда ихъ помѣстья справлялись за женихами. Въ уложеніи 1620 года сказано: «которая вдова зговоритъ замужъ съ помѣстьемъ своимъ и съ дочернимъ; и то жениху дать одинъ жеребій вдовинъ, будетъ ее пойметъ, или дѣвкинъ будетъ дѣвку поймет; а будетъ дѣвка останется, и тѣмъ помѣстьемъ владѣть дѣвкѣ покамѣстъ замужъ пойдетъ, и она также съ тѣмъ жеребьемъ замужъ пойдетъ» (ibid. стр. 28.) Кромѣ того по царскому указу и боярскому приговору 1622 года вдовы и дочери могли прожиточныя помѣстья сдавать родственникамъ съ тѣмъ, чтобы родственники ихъ кормили и замужъ выдали; но ежели это условіе родственниками не будетъ выполнено, то прожиточныя помѣстья возвращать вдовамъ и дочерямъ, сдатчицамъ. Въ указѣ сказано; «тѣ ихъ здачи поворачивать за ихъ обиды, тѣмъ вдовамъ и дѣвкамъ.» (ibid. 33).

Въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича также образовалось право передачи помѣстій родственникамъ самими помѣщиками, и право полученія доли помѣстій на прожитокъ при отставкѣ. Такъ въ дѣлѣ 1640 года о передачѣ помѣстья Климомъ Еремѣевымъ своему внуку Павлу Бѣшенцову, Еремѣевъ пишетъ: «Государь за мною хохломъ твоимъ твоего жалованья помѣстейца 240 чети, а я холопъ твой бездѣтенъ. Милосердый государь пожалуй меня, холопа твоего, за мое службишко и за раны и за увѣчье дати изъ того моего помѣстья на прожитокъ съ женишкою моею, какъ тебѣ государю Богъ извѣститъ; а досталь того моего помѣстейца пожалуй внука моего Павла Григорьева Бѣшенцова.» Сверхъ того изъ тогоже дѣла видно, что еще прежде изъ того Клементьева помѣстья Еремѣева деревня, что было сельцо Глухово съ пустошми, 61 четь съ осминою, по его Клементьеву челобитью взято и отдано племяннику его Псковскому помѣщику Самсону Тюхневу. («Врем. № 4. ма-

тер. стр. 25 — 27.) И въ тоже время еще бывали частныя сдѣлки о передачѣ даже такихъ помѣстій, которыя еще не были получены, но которыя была надежда получить. Такъ въ одной зарядной записи 1645 года, Ермолай и Андрей Шиповы даютъ на себя запись брату своему родному Семену, что ежели котораго изъ нихъ государь пожалуетъ вновь помѣстьемъ; то тотъ, кто получитъ вновь помѣстье, обязывается треть новаго помѣстья дать брату Семену Шипову, и въ случаѣ неустойки платитъ сто рублей (въ моемъ Собран. грамотъ). Изъ того же права передачи и въ тоже время образовалось право отдавать помѣстья въ приданое за родственницами. Такъ въ одной сговорной записи 1622 года, малолѣтный помѣщикъ Семенъ Апушкинъ пишетъ: «сговорилъ есми матерь свою Матрену Иванову дочь замужъ, за Втораго Иванова сына Верховскаго, а съ нею послушился царскаго жалованья, а отца своего Семена выслуги, помѣстьеца, половину деревни Улитина, да пустошь Коурова, да пустошь Елизарова; и тому Второму тою полудеревнею Улитинымъ и пустошьми владѣть, какъ въ сей записи писано, и за себя справить, да и моею полудеревнею и пустошми, доколь я Семенъ въ царскую службу поспѣю.» (въ моемъ собран. грамотъ.)

По порядку заведенному въ помѣстномъ владѣніи въ XVII вѣкѣ, вдовы выходя замужъ съ прожиточными послѣ первыхъ мужей помѣстьями, имѣли право по смерти вторыхъ своихъ мужей, обратно получить прожиточныя помѣстья, данныя имъ послѣ первыхъ мужей и справленныя за вторыми мужьями. Въ указѣ отъ 16 Декабря 1636 года сказано: «вдовы вышли замужъ за дворянъ и за дѣтей боярскихъ, прежнихъ мужей своихъ съ прожиточными помѣстьи....и тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (вторыхъ мужей) нестало, а послѣ помѣстья даны женамъ ихъ съ дѣтьми.» (Указ. кн. М. Ѳ. стр. 121.) Но прожиточное помѣстье по смерти вдовы вышедшей вторично замужъ оставалось за вторымъ мужемъ, и родственникамъ перваго мужа невозвращалось, хотя бы второй мужъ женился съ этимъ прожиточнымъ помѣстьемъ и на другой женѣ. Равнымъ образомъ прожиточное помѣстье дѣвицы по выходѣ ея замужъ справлялось и оставлялось за ея мужемъ, и уже невозвращалось по смерти ея въ родъ отца, отъ котораго наслѣдовано это прожиточное помѣстье. (ibid. стр. 123.)

Наконецъ наслѣдственное право сыновей на помѣстья отцовъ, въ царствованіе Михайла Ѳеодоровича развилось на столько, что служилые люди имѣли право искать судомъ отцовскихъ помѣстій тогда

даже, когда бы помѣстья сія были розданы другимъ. Такъ указомъ 1636 года отъ 16 Декабря узаконено «Ежели дворяне и дѣти боярскіе находились въ плѣну лѣтъ по десяти и пятинадцати, двадцати, двадцати пяти и болѣе; а помѣстья отцовъ ихъ во время ихъ отсутствія были розданы въ роздачу; то по возвращеніи ихъ изъ плѣна, по просьбамъ ихъ помѣстья отцовскія, розданныя въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ пребыванія ихъ въ плѣну, имъ возвращались, но далѣе десяти лѣтъ помѣстья имъ невозвращались, и они испомѣщались вновь прежде всѣхъ другихъ челобитчиковъ. (Ibid. стр. 122 — 423.) Впрочемъ и при таковомъ правѣ сыновей на наслѣдство въ помѣстьяхъ послѣ отцовъ, государственный характеръ помѣстій еще неуничтожался; ибо когда дворяне и дѣти боярскіе записанные отцами въ отводъ стали предъявлять свои права на раздѣлъ помѣстій послѣ отцовъ съ неотведенными своими братьями; то указомъ 1636 года повелѣно: «тѣмъ дѣтямъ, которые верстаны въ отводъ и помѣстья за ними есть новыя дачи, и тѣмъ отказывать и съ меньшими братьями недѣлить. А которые большіе братья безпомѣстные; и тѣмъ съ меньшими братьями отцовское помѣстье дѣлить.» (Ibid. стр. 124).

Такимъ образомъ въ продолженіе времени отъ изданія Судебниковъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, хотя помѣстья удержали за собой первоначальное свое значеніе,—государственныхъ земель, назначенныхъ для раздачи служилымъ людямъ, и хотя правительство постоянно заботилось о томъ, чтобы земля изъ службы невыходила; тѣмъ не менѣе титулъ частной собственности, хотя не полной, сильно уже отпечатлѣлся на помѣстныхъ земляхъ. Помѣстья, какъ мы уже видѣли, можно было передавать самимъ помѣщикамъ отъ одного къ другому, разумѣется съ разрѣшенія правительства, также можно было мѣняться помѣстьями, уступать помѣстья за деньги, какъ видно изъ дѣла о передачѣ помѣстья Еремѣевымъ Бѣшенцову, гдѣ племянникъ Еремѣева въ своей челобитной пишетъ: «а здачи, государь, за то наше родственное за свое помѣстье дядя мой Клементей у Павла Бѣшенцова емлетъ деньги.» Само правительство очевидно способствовало таковому порядку, оно неотказывало челобитчикамъ въ утвержденіи ихъ частныхъ сдѣлокъ относительно помѣстій, и несомнѣнно имѣло въ виду смѣшать помѣстья съ вотчинами, т. е. уравнять права государства и частныхъ владѣльцевъ относительно вотчинныхъ и помѣстныхъ земель; или иначе правительству хотѣлось разпространить права частныхъ владѣльцовъ на по-

мѣстья и въ тоже время развить права государства на вотчины, такъ чтобы правило. — *дабы земля изъ службы невыходила*, одинаково разпространить и на помѣстныя и на вотчинныя земли, чего въ послѣдствіи оно и достигло, когда при Петрѣ Великомъ помѣстныя земли окончательно были сравнены съ вотчинными подъ именемъ недвижимыхъ имуществъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ постепенно клонившемся къ уравненію помѣстныхъ земель съ вотчинными, естественно и право наслѣдованія въ помѣстьяхъ постепенно приближалось къ праву наслѣдованія въ вотчинахъ съ отпечаткомъ титула частной или фамильной собственности, и ко времени Уложенія царя Алексѣя Михайловича дошло до того, что наслѣдованіе въ помѣстьяхъ слѣдовало почти тому же порядку, какъ и наслѣдованіе въ вотчинахъ, даже въ иныхъ отношеніяхъ помѣстья замѣнили вотчины, такъ женамъ вдовамъ на прожитокъ давались помѣстья, ежели мужья неоставляли купленныхъ вотчинъ.

Московское законодательство, въ періодъ отъ Судебниковъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, подробно занявшись опредѣленіемъ порядка наслѣдованія въ вотчинахъ, купляхъ и помѣстьяхъ служилаго сословія и вообще высшаго класса собственниковъ, совершенно оставило въ сторонѣ порядокъ наслѣдованія въ имѣніяхъ людей неслужилыхъ, и особенно сельскихъ общинниковъ; такъ что положительный законъ, начиная съ Судебниковъ, въ отношеніи къ правамъ наслѣдованія лежитъ собственно только на служиломъ сословіи и преслѣдуетъ одну цѣль, смѣшать съ казенными землями, помѣстьями, частныя земли составлявшіе вотчины и купли служилыхъ людей, и наложить на тѣ и другія имѣнія одинаковыя служебныя обязанности, истинное значеніе частной собственности здѣсь совершенно подчинено государственныхъ цѣлямъ, значеніе частной собственности сохраняется только въ куплях, и то не вполнѣ, и лишь для первыхъ наслѣдниковъ покупателя, а для послѣдующаго поколѣнія купля является родовою вотчиною, слѣдовательно теряетъ уже характеръ частной собственности и подчиняется однимъ законамъ съ выслуженными вотчинами. Порядокъ наслѣдованія въ имѣніяхъ неслужилыхъ людей и особенно сельскихъ общинниковъ Московскимъ положительнымъ закономъ въ продолженіи XVI и XVII столѣтій оставленъ совершенно на попеченіи юридическихъ обычаевъ, выработанныхъ прежнею Рускою жизнію, и остается въ такомъ положеніи у нашихъ крестьянъ до настоящаго времени.

О наслѣдованіи по закону въ Юго-Западной Руси современной Судебникамъ.

Въ то время какъ въ Сѣверо-восточной Руси, подчиненной Москвѣ, складывались новые законы по Судебникамъ и другимъ узаконеніямъ, въ Юго-западной Руси, въ Литвѣ, разъяснялись права наслѣдства по Статутамъ 1529, 1566, и 1588 годовъ. Юго-западная Русь, состоя подъ владычествомъ Литовскихъ великихъ князей, и потомъ въ соединеніи съ Польшею, стремившеюся къ распространенію въ ней Польскихъ законовъ и обычаевъ, естественно должна была быть болѣе устойчивою и упорною въ поддержаніи своихъ старыхъ обычаевъ и законовъ, дабы отстоять свою національность и нравственную самостоятельность. А посему въ законодательныхъ памятникахъ Юго-западной Руси мы находимъ болѣе тѣсную связь съ Рускою Правдою и древнѣйшими Рускими юридическими обычаями, нежели въ памятникахъ Сѣверо-восточной Московской Руси. Сѣверо-восточная Русь въ своемъ юридическомъ развитіи дѣйствовала какъ-то свободнѣе, нежели ея Юго-западная сестра; ей, побѣдоносной и независимой, не было нужды въ борьбѣ и упорномъ отставаніи своей старины. Но совсѣмъ другое было положеніе въ Югозападной Руси Литовской, тамъ старина была единственною опорою для охраненія національности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности, всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ Югозападной Руси свой характеръ, отличающій ихъ строгою и какою-то несвободною покорностію Руской Правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ. И этотъ же характеръ отразился и на тамошнихъ законахъ о наслѣдствѣ, отличающихся съ одной стороны тѣсною связію съ Рускою Правдою, а съ другой изобильныхъ многими подробностями и юридическими тонкостями, неизвѣстными въ тогдашнихъ законодательныхъ памятникахъ Руси Московской, гдѣ законъ многое предоставлялъ частной юридической практикѣ.

Общій порядокъ наслѣдованія.

Первый законъ о наслѣдствѣ въ Югозападной Руси, современной Судебникамъ, находится въ Литовскомъ статутѣ 1529 года, въ IX артикулѣ 3-го раздѣла, гдѣ сказано:» Тежъ по смерти отцовъ дѣти ихъ сынове и дѣвки добра отчизного и дѣдизного немаютъ быти отдалены, але тые добра и з' ихъ щадки властными зупольнымъ правомъ посядутъ, яко княжата и панове хоругвные шляхта и мѣщане великаго княжества Литовскаго посядаютъ и на пожитки свои оборочаютъ.» (Времен. № 18.) Здѣсь видимо законъ строго держится Руской Правды и допускаетъ къ наслѣдству только дѣтей и внуковъ, т. е прямое нисходящее потомство, и только въ правѣ наслѣдованія дочерей равняетъ княжатъ пановъ и шляхту съ мѣщанами, чего нѣтъ въ Руской Правдѣ, гдѣ дочери допускаются къ наслѣдству у однихъ бояръ и дружинниковъ. Но на дѣлѣ статутъ сей уже допускаетъ наслѣдованіе и боковыхъ линій родства, какъ это видно изъ 4 артикула 1-го раздѣла, гдѣ указывается на право наслѣдованія братьевъ послѣ брата и племянниковъ послѣ дяди; тоже подтверждается и 13-мъ артикулѣ 4-го раздѣла, гдѣ въ имѣніи доставшемся отъ отца также признается право наслѣдованія братьевъ послѣ брата. Слѣдовательно и по первому Литовскому Статуту, также какъ и по Судебникамъ, допущены къ наслѣдованію какъ низходящіе, такъ возходящіе и боковые родственники, согласно съ Номоканономъ и съ домашнею юридическою практикою, какъ мы уже видѣли, выработавшеюся въ предшествующее время. Но во второмъ статутѣ 1566 года это право наслѣдованія всѣхъ родственниковъ, по близости степеней родства, уже высказывается гораздо яснѣе; именно въ 14 артикулѣ 3-го роздѣла Статутъ прямо говоритъ;» А гдѣ бы потомства близкихъ и щадковъ и наслѣдковъ и надальшаго вжебы въ по колѣнью кровныхъ близкихъ не достало, и никому отъ нихъ записано и заведено не было; тогды по тыхъ и по таковыхъ обычаемъ имѣнья спадковъ на насъ господаря великаго князя Литовскаго, и потомковъ великаго княжества Литовскаго приходити будетъ.» Здѣсь уже и близкіе и дальніе родственники признаются наслѣдниками; и имѣніе тогда только переходитъ въ казну, когда кто умретъ, не оставивши ни какихъ родственниковъ. И это узаконеніе здѣсь названо не новымъ, а стародавнымъ и согласнымъ съ первымъ Статутомъ. «Тежъ уставуемъ, иж по смерти отцовъ и ма-

токъ ихъ дѣти сынове и дочки отчызны и материзны немаютъ быти отдалены, але они сами и щадки ихъ властные кровные и близкіе правомъ прирожоным и слушне набытым звычаемъ стародавным и тежъ статутомъ першым и теперешним маютъ посягнути и одержати, и тые добра на пожитокъ свой оборочати вѣчными часы.» (въ томъ же артикулѣ.) Тоже слово въ слово подтверждено и третьимъ Статутомъ 1588 года. Такимъ образомъ въ Югозападной Руси въ одно время съ Сѣверовосточною былъ признанъ и утвержденъ закономъ, до прежде уже выработавшійся, обычай допускать къ наслѣдству всѣхъ родственниковъ по степенямъ родства, а не одно прямое низходящее потомство. И также какъ въ Сѣверовосточной Руси и здѣсь отброшены всѣ прежнія ограниченія относительно семьи отдѣльной и не отдѣленной; въ Статутѣ прямо сказано: «ижъ колибы было нѣколико братьи и сестръ рожоныхъ дѣлныхъ обо не дѣлныхъ: а въ томъ бы который братъ умеръ; тогды дѣльница имѣнья отчизного только на братью приходитъ. (1-й статутъ. разд. IV. ар 23.) Равнымъ образомъ въ Югозападной Руси, также какъ и въ Московской, новый законъ о наслѣдствѣ, ограничивался только дворянствомъ и городскими жителями, а не касался крестьянъ общинниковъ, оставшихся при старыхъ обычаяхъ; ибо въ первомъ Статутѣ, какъ мы уже видѣли, говорится только о княжатахъ, панахъ, шляхтѣ хоругвной и мѣщанахъ, и ни слова о крестьянахъ.

Но Югозападная Русь, согласная съ Московскою Русью въ основныхъ началахъ новаго закона о наслѣдствѣ, далеко разходится съ нею въ частностяхъ, произходящихъ съ одной стороны отъ неодинаковаго общественнаго устройства, выработавшагося съ того времени, какъ Югозападная Русь соединилась съ Литвою, а потомъ и съ Польшею, а съ другой стороны прямо отъ Польскаго вліянія. Такъ въ Литовскихъ Статутахъ ни въ одномъ нѣтъ и намека о разности въ наслѣдованіи имѣній купленныхъ, изстаринныхъ и выслуженныхъ. Во 1-хъ, по первому, Статуту наслѣдство одинаково опредѣляется и въ имѣніяхъ княжатъ пановъ и шляхты хоругвной и въ имѣніяхъ мѣщанъ. (1 статутѣ разд. 111. арт. 9.) И во 2-хъ, вторый Статутъ прямо гласитъ, что наслѣдство опредѣляется закономъ одинаково для всѣхъ родственниковъ и въ выслуженыхъ имѣніяхъ и въ купляхъ и въ родовыхъ; въ законѣ сказано: «А то се тежъ будетъ разумѣти о близостяхъ спадковъ (родовыхъ имѣній), выслугахъ и всякомъ набытью водлугъ права тымъ же обычаемъ.» (II. стат. III 14.) Или въ третьемъ Статутѣ о всякомъ имѣньи умершихъ безъ на-

слѣдниковъ сказано: «которые безъ потомковъ близкихъ щадковъ и наслѣдковъ своихъ изомрутъ, ни на кого права своего прирожонаго, выслуженаго и набытого невливши; бо по тыхъ тымъ обычаемъ имѣнье спадкомъ на речь посполитую приходитъ.» (III. стат. III. 17).

Причина таковаго безразличія въ наслѣдованіи всѣхъ видовъ имѣній, заключалась въ томъ, что въ Югозападной Руси всѣ имѣнія какъ родовыя и выслуженныя, такъ и купленныя, влекли за собою одинаковыя обязанности въ отношеніи къ государству, т. е. со всѣхъ имѣній владѣльцы одинаково несли государственную службу. Какъ это ясно видно изъ 3 артикула четвертаго раздѣла 1-го Статута, гдѣ законъ находитъ невыгоднымъ оставлять имѣнія мужей за бездѣтными вдовами, потому что они не могутъ нести государственной службы. «Которые вдовы пустые (бездѣтные) сѣдятъ на вдовьемъ стольцы, много ся отъ нихъ шкоды дѣетъ речи посполитой; а то тымъ, иж небываютъ службы служоны такъ, якъ бы мели быти.» Здѣсь слышится одинаковое правило съ Московскимъ, чтобы *земля изъ службы невыходила*; но въ Москвѣ это правило до Уложенія не имѣло полнаго развитія, тамъ еще была большая разница въ имѣніяхъ выслуженныхъ, родовыхъ и купленыхъ, въ Литвѣ же напротивъ оно достигло полнаго развитія, и на всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, безъ различія способовъ пріобрѣтенія, одинаково лежала государственная служба, тамъ и мѣщане наровнѣ съ служилыми людьми несли государственную службу, ежели владѣли недвижимыми дворянскими имѣніями. Посему мы въ первомъ же статутѣ читаемъ: «ижъ кождый князь панъ и дворянинъ и вдова, также и кождый сирота, лѣта супольные маючи або не маючи, часу потребы съ нами и съ потомки нашими, або при гетманехъ нашихъ повиненъ войну служити и выправляти на службу военную, колко бы коли надобе было подле уфалы земское, яко на тотъ часъ потреба будетъ указывати, то есть з людей такъ отчизныхъ такъ и похожихъ изъ имения такъ отчизного какъ выслужоного такъ и купленого.... Хочемъ тежъ мети и вставляемъ, абы уси мещане и подданные наши часу павалные потребы и з иншими людми нашими земскими войну служили, або зъ дозволеньемъ нашимъ на войну выправляли» (1. Статут. II. I.) Или прямо о мѣщанахъ на сеймѣ Берестейскомъ было постановлено: «Ижъ мѣщане всѣхъ мѣстъ съ тыхъ имѣній своихъ, которые будутъ у земянъ шляхты скупили, або у господаря его милости выслужили, маютъ служити и заступовати службу земскую, такъ яко бояре и шляхта.» (Ак. Зап. Рос. Т. III. стр. 12.) Или въ третьемъ Статутѣ

сказано: «ижъ вси станы духовные и свѣтскіе, княжата, панята и врядники земскіе, дворные, дворане, земяне, шляхта хоругвная, и вдовы, тежъ татарове, и мещане местъ нашихъ, маючи именья земскіе, и кождый отъ вышъшого до низшого стану, никого невыймуючи, лѣта зуполные маючи, часу потребы .. винни будутъ сами особами своими войну служити и выправовати на службу военную» (III. стат. II. 1.) При таковомъ одинаковомъ положеніи всѣхъ недвижимыхъ имѣній естественно въ Литвѣ не было никакой нужды въ тѣхъ ограниченіяхъ въ правѣ наслѣдованія разныхъ имѣній по способамъ пріобрѣтенія, къ которымъ, какъ мы видѣли, прибѣгало Московское законодательство. Въ Литвѣ и чисто помѣстныя ленныя имѣнія давались не на одно лицо, а на все прямое нисходящее потомство. Такъ въ жалованной грамотѣ княгинѣ Ѳеодорѣ Гедройцъ 1577 года сказано: «гые шестдесятъ и четыре волоки, моркги и пруты належачія .... Князю Михаилу Оболенскому дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ на вѣчность, ему самому женѣ и дѣтемъ, и ихъ властнымъ потомкомъ мужскаго рожаю леннымъ правомъ .... а съ того службу нашу и земскую военную конно избройно служити.» (Ак. Зап. Рос. Т. III, стр. 216.)

Или въ Московскомъ законодательствѣ мы не видали различія между наслѣдованіемъ въ отцовскомъ и материнскомъ имѣніи, въ Литовскомъ же Статутѣ напротивъ положено большое различіе относительно этаго предмета. Именно при наслѣдованіи отъ брата къ братьямъ сестры по Литовскому статуту не допускаются къ наслѣдованію въ имѣніи доставшемся брату отъ отца, а участвуютъ только въ наслѣдованіи имѣнія доставшагося брату отъ матери. Статутъ говоритъ: «тежъ уставуемъ, ижъ колибы было нѣколько братьи и сестръ рожоныхъ, делныхъ або не делныхъ, а въ томъ бы который братъ умеръ; тогды его дельница имѣнья отчизного на братью приходитъ. А естьли бы имѣнье пришло которымъ колвекъ спадкомъ материстое; тогды сестра промежи братьи ровную делницу того именя маетъ мети, а з отчизного выправа.» (1. Стат. VV 18.) Или во второмъ Статутѣ: «уставуемъ, ижъ всякіе материстые такъ лежачіе и иншіе рѣчи рухомые, тежъ внесенье матчинно, которое бы никому не было записано; то все маетъ въ ровный делъ пойти межи всѣхъ дѣтей, якъ сыновъ, такъ и сестръ, нижли спадки отчизные на сыновъ на близкихъ по мечу приходятъ.» (V. 13) Тоже въ третьемъ Статутѣ: « ижъ всякая маетность материстая безъ росправы опису слушнаго отъумерлая, такъ именей лежачихъ яко

и рухомыхъ речей тыхъ, также и внесеніе матчино, которое бы никому не было записано; то все маетъити въ ровный дѣлъ межи всихъ дѣтей, яко сыновъ такъ и дочокъ, нижли спадки отчизные именей лежачихъ скарбовъ и маетности рухомое только на сыновъ и на близкихъ по речу приходити будутъ.» (розд. V, ар. 14.) Въ примѣчаніи съ Польско-Руському изданію третьяго Статута сказано, что материнское имѣніе достается въ равныхъ частяхъ сыновьямъ и дочерямъ по коронному статуту Польскому 1420 года. (кн. 1. стр. 74) А дочери не допускаются къ наслѣдованію въ отцовскихъ имѣніяхъ, а только имѣютъ право на приданое отъ братьевъ, по коронной конституціи 1588 года (кн. 2. стр. 1212. № 12). Такимъ образомъ здѣсь прямо указывается на вліяніе Польскаго законодательства; но съ этимъ вполнѣ согласиться нельзя: ибо во 1-хъ и по Руской Правдѣ дочери при сыновьяхъ имѣли право на полученіе приданаго, и это же право утверждено въ первомъ Литовскомъ статутѣ 1529 года, а конечно этотъ статутъ не могъ заимствовать изъ коронной конституціи, изданной только въ 1588 году. Во 2-хъ относительно наслѣдованія дочерей по равнымъ долямъ съ сыновьями въ материнскомъ имѣніи хотя мы и невстрѣчаемъ указаній въ Рускихъ законодательныхъ памятникахъ, но за то въ юридическихъ обычаяхъ Велико-Рускаго простонародья есть правило, близко подходящее къ настоящему артикулу Литовскаго Статута. У насъ въ крестьянской семьѣ по смерти отца и матери, при раздѣлѣ имѣнія между дѣтми, материнское имѣніе все отдается дочерямъ, и сыновья въ раздѣлъ съ дочерьми не вступаютъ, они дѣлятъ между собою только отцовское имѣніе, въ которомъ раздѣлѣ уже не участвуютъ дочери. А конечно обычай крестьянъ Московской или Владимірской губерніи не могъ быть заимствованъ изъ Польскихъ или Литовскихъ законовъ; слѣдовательно и здѣсь въ Литовскомъ Статутѣ видимое вліяніе Польскаго права можетъ быть основное начало свое имѣло въ коренныхъ Славянскихъ обычаяхъ, почему то прежде не вошедшихъ въ Рускіе законодательные памятники; впрочемъ здѣсь нельзя совершенно отвергать и Польскаго вліянія, съ которымъ согласилась югозападная Русь потому, что нѣчто подобное уже имѣла въ своихъ обычаяхъ.

Относительно порядка наслѣдованія вообще Литовскій Статутъ держится тогоже правила, какъ и Московское законодательство, сперва наслѣдуютъ сыновья, потомъ за неимѣніемъ сыновей дочери, а за неимѣніемъ и дочерей другіе родственники, смотря по близости

степеней родства. Это прямо высказано въ первомъ статутѣ, въ артикулѣ о правѣ отцовской и материнской головщины:» А колибы колко было братьи и сестръ рожоныхъ выпосажоныхъ; и одинъ братъ з нихъ або отецъ забитъ былъ; тогды они сами братья мимо сестръ выпосажоныхъ маютъ головщины доискиваться. А еслибы братья умерли, тогды дочки выпосажоные маютъ головщины искати. А еслибы сынове и дочки змерли; тогды маютъ искати ближніе.» (разд. VII. Ф. 13) Тоже повторяется во второмъ Статутѣ; только прибавлено: «коли бы колко братьи и сестръ рожоныхъ выпосаножоныхъ и не выпосажоныхъ.» (разд. XI ар. 25) Въ третьемъ же Статутѣ сказано много подробнѣе: «коли бы колко братьи было и сестръ рожоныхъ выпосажоныхъ и невыпосажоныхъ, отецъ або матка ихъ албо тежъ который з нихъ братъ сестра были отъ кого забиты; тогды братья сами мимо сестръ маютъ о голову и головщину правомъ чинити, и головщину себѣ брати. А то ся маеть разумети, когды забитый братъ обо сестра детей потомства по себе незаставятъ, звлаща сестра будетъ ли забита будучи еще замужъ невыданою, або вдовою безпотомною. А если бы братья змерли, тогды и дочки маютъ такого права о голову попирали. Пакли бы сынове и дочки змерли; тогды близкіе того доходити маютъ; напродъ близкія по мечу, а гдѣ бы близкихъ по мечу не стало, тогды по кудели.» [1] (т. е. по женскому колѣну.) (Розд. XI. ар. 45) Въ уставной грамотѣ, данной жителямъ Полоцка въ 1547 году, также наслѣдство идетъ постепенно сперва дѣтямъ, потомъ другимъ родственникамъ; эта грамота строго держится стараго Рускаго порядка въ наслѣдованіи, она признаетъ первою наслѣдницею жену умершаго. Вотъ слова грамоты: «который бояринъ або мѣщанинъ сойдетъ съ сего свѣта; ино жена тая вдова, доколѣ на вдовьемъ столцѣ сѣдитъ, имѣньемъ мужнимъ володаетъ. А коли всхочетъ пойти за иного мужа; ино ее силою замужъ не выдавати, а пойти ей с тымъ, что будетъ мужъ записалъ, а штобы то было свѣдомо племени, або инымъ добрымъ людемъ; а имѣнье оставити дѣтемъ, а не будетъ дѣтей, ино братьи, а не будетъ братьи ино ближнимъ перваго мужа.» (Ак. Зап. Рос. Т. III. стр. 16) На порядокъ

---

[1] Здѣсь еще сьнщится статья Руской правды: Убьетъ мужъ мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына или брату чаду, любо сестрину сынови.

же наслѣдованія указывается въ уставныхъ статьяхъ утвержденныхъ Виленскимъ сеймомъ въ 1551 году, гдѣ сказано: что жены вдовы, при выдачѣ дочерей, дочерей должны выдавати замужъ, алежъ съ волею и з вѣдомостью братьи рожоной оныхъ своихъ дочокъ, лѣтъ дорослыхъ. А если бы оныя дѣвки братьи рожоной не мели; тогды вжо замужъ маютъ выдаваны быти зъ вѣдомостью и з волею и съ порадою братьи своей стрыечной, або иныхъ которыхъ близкихъ кровныхъ пріятелей отца ихъ по мечу. А естибы такъ близкихъ кровныхъ пріятелей отца ихъ по мечу не было, тогды маютъ быти выдаваны з волею и съ порадою уевъ рожоныхъ, и иныхъ близкихъ кровныхъ своихъ по матцѣ.» (ibid. стр. 46.) По Литовскому закону, также какъ и по Московскому, могли наслѣдовать и возходящіе родственники послѣ низходящихъ. Такъ въ одномъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ въ 1626 году, завѣщательница говоритъ: «который домъ по смерломъ сыну моемъ Александру Жабцѣ правомъ прирожонымъ вѣчнымъ на мене матку его спалъ.» (Собр. грам. Минск. губер. 1848 года № 83).

Такимъ образомъ, по свидѣтельству Статутовъ и другихъ памятниковъ Югозападной Руси, общій порядокъ наслѣдованія во время Статутовъ былъ уже разпространенъ на всѣхъ родственниковъ согласно съ Номоканономъ, именно: сперва наслѣдовали дѣти послѣ родителей, потомъ родители послѣ бездѣтныхъ дѣтей, братья и сестры послѣ бездѣтныхъ братьевъ и сестеръ, далѣе двоюродные братья, племянники, дяди и другіе родственники по близости степеней родства. Но какою степенью родства прекращалось право наслѣдованія, по памятникамъ Югозападной Руси этого не видать, а кажется должно допустить, что право наслѣдованія тамъ прекращалось съ прекращеніемъ рода, до какихъ бы степеней онъ ни доходилъ. Согласно съ Польскими законами въ Югозападной Руси сперва наслѣдовали родственники по мужскому полу, по мечу, и изключали собою родственниковъ женскаго колѣна; родственники женскаго колѣна, или какъ тамъ писались на оффиціальномъ языкѣ по кудели, допускались къ наслѣдованію только тогда, когда не было на лицо родственниковъ по мечу. Разницы въ наслѣдованіи разныхъ видовъ имѣній, какъ мы уже замѣтили, въ Югозападной Руси не было; тамъ порядокъ наслѣдованія и въ выслуженныхъ и въ родовыхъ и въ купленыхъ имѣніяхъ былъ одинаковъ.

О наслѣдованіи между женою и мужемъ, и между дѣтьми отъ разныхъ браковъ.

Отъ общихъ правилъ наслѣдованія теперь должно перейти къ частнымъ правиламъ наслѣдованія между женою и мужемъ, и между дѣтьми отъ разныхъ браковъ. Здѣсь Литовскій Статутъ по своимъ подробностямъ и по нѣкоторымъ основаніямъ далеко разходится съ Московскимъ законодательствомъ: онъ съ одной стороны строго придерживается основныхъ началъ Руской Правды, а съ другой много заимствуетъ подробностей изъ Номоканона и юридической практики.

О наслѣдованіи жены послѣ мужа.

Литовскій Статутъ, во всѣхъ трехъ редакціяхъ, во 1-хъ, опредѣляетъ права наслѣдованія жены послѣ мужа мѣрою женщина приданаго и вѣномъ записаннымъ за женою самимъ мужемъ. По Статуту отецъ или мать или братья, выдавая дѣвицу замужъ, должны сдѣлать условіе съ зятемъ, чтобы онъ напередъ отписалъ на нее въ вѣно сумму, чего будетъ стоить ее приданое, или третью часть своего имѣнья, и утвердить это актомъ, учиненнымъ передъ судомъ земскимъ или гродскимъ. И когда мужъ заключившій таковый актъ въ послѣдствіи умретъ, оставивши дѣтей; то жена сохраняетъ право и на принесенное приданое и на вѣно записанное мужемъ, хотя бы пошла вторично замужъ. И дѣти должны ей выдать сполна всѣ деньги, чего стоитъ третья часть имѣнія записанная за ней въ вѣно, согласно съ оцѣнкою означенною въ вѣновномъ актѣ, и взять имѣнье къ себѣ, ежели хотятъ ее вывѣновать, т. е. выдѣлить изъ отцовскаго имѣнія. А ежели дѣти или родственники мужа незахотятъ выкупить вѣна, а оставятъ его за вдовою до смерти; тогда по смерти ее должны выдать, кому она прикажетъ, только одно приданое принесенное ею въ домъ мужа, вѣна же записаннаго мужемъ необязаны платить. А жена вдова, владѣя вѣномъ, неимѣетъ права отписывать его за кого нибудь, она вольна отписывать только свое приданое. А еслибы при таковомъ вѣновномъ актѣ мужъ умеръ бездѣтенъ; то жена также или остается при записанномъ вѣнѣ и своемъ приданомъ, или родственники мужа выдаютъ ей столько денегъ во сколько записано вѣно. (Ст. I. раз. IV. ар. 1, 2, 3. Ст. II. раз. V. ар. 1, 2, 4, 5. Ст. III. раз. V. ар. 1, 2, 5, 6.) Но ежели бы мужъ при вступленіи въ бракъ или послѣ неза-

писалъ вѣна; то невѣнованная жена по смерти мужа теряетъ и приданое и вѣно, какъ прямо сказано во всѣхъ трехъ редакціяхъ статута: «А пакли бы отецъ или матка или братъ, и кто изъ ближнихъ, выдаючи дѣвку замужъ, таковое отправы и вѣна, яко вышей описано, отъ зятя недержалъ; таковая дѣвка по смерти мужа своего внесенье тратитъ, хотябы великую суму за собою несла.» Здѣсь основное начало, что жена по смерти мужа остается при вѣнѣ, которое ей записалъ мужъ, прямо взято изъ Руской Правды, гдѣ сказано: «а жена сядетъ по мужи, то у своихъ дѣтей взять часть, а что наню мужъ взложитъ; тъ тому госпожа есть, а задница ей мужня непадобе.» Что же касается до подробностей обезпеченія приданаго вѣномъ записаннымъ отъ мужа; то подробности сіи частію взяты изъ Номоканона, именно изъ Эклоги Льва и Константина, гдѣ въ 3 параграфѣ 2-го титула также говорится, что въ бракѣ составленномъ по письменному засвидѣтельствованному акту, приданое приносимое женою обезпечивалось отписаннымъ на жену мужниным имѣніемъ равнымъ приданому, и подаркомъ мужа, при чемъ совершалось три акта, два на приданое и на равноцѣнное обезпеченіе его, и третій на то, что мужъ отписывалъ на жену. И жена обезпеченная такими актами, въ случаѣ бездѣтной смерти мужа, получаетъ какъ все свое приданое, такъ и четвертую часть обезпеченія. А частію Литовскій Статутъ здѣсь руководствовался Польскимъ короннымъ Статутомъ короля Іоанна Албрехта, изданнымъ въ 1496 году, по которому то только приданое признавалось обезпеченнымъ, на которое былъ актъ составленный судебнымъ порядкомъ и записанный въ крѣпостныя книги. (Band. pag. 356) Впрочемъ при руководствѣ Номоканона не сомнѣнно главнѣйшимъ источникомъ здѣсь была юридическая практика, выработанная предшествовавшею и современною жизнію общества.

Во 2-хъ, по Литовскому Статуту, по смерти мужа жена при дѣтяхъ, ежели она была вѣнована, то оставаясь вдовою удерживала за собою только свое приданое и вѣно, все же остальное мужнино имѣніе наслѣдовали дѣти. А ежели жена не была вѣнована; то получала въ пожизненное владѣніе равную долю съ дѣтьми во всѣхъ имѣніяхъ мужа. А ежели невѣнованная вдова ступитъ во вторый бракъ; то дѣти и родственники перваго мужа должны ей выдать за вѣнецъ, какъ шляхтянкѣ, 30 грошей, а когда бы имѣнье мужа потоило 30 грошей, то четвертую долю всего имѣнія. (Ст. I. разд. IV ар. 4. Ст. III. раз. V. стр. 1, 5.) Здѣсь основаніемъ опять служитъ Рус-

ская Правда, по которой жена вдова, при дѣтяхъ, удерживаетъ за собою то, что за ней записалъ мужъ, т. е. вѣно, или получаетъ равную долю съ каждымъ изъ сыновей. И сходство Статута, по первой редакціи, съ Рускою Правдою простирается до того, что и выраженія употреблены очень близкія другъ къ другу. Въ Статутѣ сказано: «маетъ ровную часть взяти межи дѣтьми своими у имѣньяхъ и въ скарбѣхъ, а на той части своей, еслибы вдовою хотѣла быти, маетъ до смерти сѣдѣти, а отъ дѣтей изъ оной части немаетъ рушона быти.» (IV. 4.) А въ Руской Правдѣ: «не хотети ли ей дѣти начнутъ ни на дворѣ, а она начнетъ хотети, всяко и сѣдѣти, то творити ей всяко волю, а дѣтемъ не дати воли. Въ что ей далъ мужъ съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть вземши сѣдитъ же.» Но Статутъ значительно отступаетъ отъ Руской Правды тѣмъ, что по Статуту не вѣнованная жена получала долю изъ мужнина имѣнія только въ пожизненное владѣніе, по Руской же Правдѣ эта доля ей шла въ полную собственность. Что же касается до тридцати копъ грошей или четвертой доли мужнина имѣнія, выдаваемой невѣнованной вдовѣ, выходящей вторично замужъ; то правило сіе очевидно взято изъ Польскихъ законовъ, гдѣ въ коронномъ Статутѣ 1505 года, именно предписывается, невѣнованной вдовѣ выдавать за вѣнецъ 30 гривенъ. (Корон. Стат. 1505 года стр. 280.) Правду сказать, о четвертой долѣ упоминается и въ Эклогѣ Льва и Константина; но тамъ говорится о бездѣтной женѣ и о бездѣтномъ мужѣ; слѣдовательно сюда неотносится. Въ Москвѣ хотя тоже выдавалась въ XVII вѣкѣ женѣ четвертая часть изъ животовъ мужа, но на другихъ основаніяхъ, и ближе къ Эклогѣ нежели къ Литовскому Статуту.

Въ 3 хъ, по Литовскому Статуту бездѣтная вдова, ежели она вѣнована, то остается только при своемъ вѣнѣ, а имѣнье все переходитъ къ родственникамъ мужа; а ежели она невѣнована, то получаетъ по смерти мужа третью часть его имѣнія по смерть, или до замужства. А выходя вторично замужъ, она лишалась этой части, переходившей по сему случаю къ родственникамъ мужа. Такъ было узаконено первымъ статутомъ (IV. 3.); но по второму статуту бездѣтная невѣнованая вдова, выходя вторично замужъ, получала отъ родственниковъ мужа за вѣнецъ 30 копъ грошей, ежели она за перваго мужа шла не вдовою. (V. 5.) По третьему же Статуту бездѣтная невѣнованная вдова, при вторичномъ замужствѣ получала отъ

родственниковъ мужа за вѣнецъ 30 копъ грошей, безъ различія въ томъ, шла ли она замужъ вдовою или дѣвицею. (V. 6.) Этотъ порядокъ, наслѣдованія бездѣтною женою третьей части мужнина имѣнія, въ древнихъ Славянскихъ законахъ, кромѣ Богемскаго, намъ нигдѣ не встрѣчался; но мы очень близкое съ Литовскимъ Статутомъ находимъ въ Капитуляріяхъ Карла великаго и въ законодательствѣ Бургундскомъ: у Бургундовъ прежде всякая жена вдова по смерти мужа, неоставившаго дѣтей, получала третью часть мужнина имѣнія или въ пожизненное владѣніе, или до вступленія во вторый бракъ; а потомъ этотъ законъ былъ измѣненъ такъ: «бездѣтная жена вдова тогда только получала, въ пожизненное владѣніе или до втораго замужства, третью часть мужнина имѣнія, когда она за собою не принесла никакого приданаго, и самимъ мужемъ при жизни его не была обезпечена ни какою долею имущества.» (Corpus jur. Germ. p. 386-687.) Это послѣднее совершенно сходно съ наслѣдованіемъ бездѣтной вдовы по Литовскому Статуту; и Литовскимъ Статутомъ порядокъ сей вѣроятно заимствованъ съ запада Европы, можетъ быть, черезъ Богемію, гдѣ также по уставной грамотѣ Огокара жена послѣ мужа получала третью часть его имущества.

Въ 4-хъ, по Литовскому Статуту вторая жена по смерти мужа, ежелибы имѣла съ нимъ своихъ дѣтей; то вмѣстѣ съ ними и съ дѣтьми первой жены получаетъ равную часть въ имѣніи и въ скарбахъ мужа. А ежели бы своихъ дѣтей не имѣла отъ него; тогда въ имѣніяхъ недвижимыхъ получаетъ равную долю съ дѣтьми первой жены, а въ скарбахъ, движимомъ имѣніи, не имѣетъ доли, кромѣ своего приданаго и того, что отпишетъ на нее изъ движимости мужъ по особой любви. И всѣмъ симъ она пользуется вмѣстѣ съ пасынками своими, до смерти или до выхода въ замужство. А ежели пойдетъ замужъ; тогда свою долю изъ мужнина имѣнія должна оставить пасынкамъ; а они необязаны ей давать вѣна, ежели она не была вѣнована (I. Ст. IV. 5.). Это узаконеніе было результатомъ всѣхъ предшествовавшихъ узаконеній Юго-западной Руси о томъ же предметѣ и основаніемъ своимъ имѣло Рускую Правду, по которой невѣнованая жена по смерти мужа получаетъ равную часть между дѣтьми въ пожизненное владѣніе или до вступленія во вторый бракъ. Подобное же узаконеніе мы встрѣчаемъ въ жалованной грамотѣ Польскаго короля Генриха, данной въ 1574 году жителямъ Жмудской области на ихъ стародавныя права. Въ грамотѣ сказано: «Вдовы стану шляхетскаго по смерти малжонковъ своихъ мають на

имѣньяхъ муковъ своихъ змерлыхъ заставати и оныхъ уживати до того часу, покуль у вдовьемъ станѣ замужъ неходячи трывати будутъ; а кгды въ малженство за ся вступятъ, тогды имѣнья на потомки, або на близкихъ мужевъ ихъ первыхъ приходити маютъ: вѣдь же тотъ, который имѣнье возметъ, вѣно або оправу и тежъ што будетъ отъ мужа перваго записано, повиненъ будетъ то ей заплатити.» (Ак. Зап. Рос. Т. III. стр. 180).

Въ 5-хъ, ежели мужъ умирая назначалъ къ своимъ дѣтямъ опекуна; то жена оставалась только при своемъ вѣнѣ, но ежели опекуна не было назначено; то жена въ отношеніи къ семейству вступала въ права покойнаго мужа, управляла всѣмъ мужниныимъ имѣніемъ и дѣтьми до совершеннаго ихъ возраста, ежели оставалась вдовою и невыходила вторично замужъ. По возрастѣ же дѣтей вдова получала одинаковую съ каждымъ долю изъ мужнина имѣнія; а ежели имѣла только одного сына, то отдавала ему двѣ доли мужнина имѣнія, а сама оставалась при третьей. А если бы жена вдова, имѣя въ опекѣ дѣтей, пошла замужъ; тогда братья мужа и другіе родственники принимаютъ опеку на себя. Если бы вдова вѣнованная или не вѣнованная, оставаясь во вдовствѣ и управляя дѣтьми и дѣтскимъ имѣніемъ, раззоряла дѣтскіе имѣніе худымъ управленіемъ; то братья мужа и другіе родственники обязаны позвать ее на судъ на извѣстные сроки. И ежели по суду окажется, что она худо управляетъ имѣніемъ и пустошитъ его; тогда судъ беретъ отъ нее опеку и передаетъ братьямъ мужа или другимъ родственникамъ; и вдова вѣнованная остается при своемъ вѣнѣ, а невѣнованная получаетъ ровную долю съ дѣтьми. Ежели же не будетъ ни братьевъ мужа, ни другихъ родственниковъ; то судъ, замѣтивши худое управленіе вдовы, отнимаетъ у нее опеку и передаетъ по стороннему, имъ выбранному, опекуну. (Ст. I. р. IV. ар. 7.) Здѣсь основное правило о правѣ жены на опеку надъ дѣтьми и имѣніемъ мужа, а равно и отвѣтственность ея въ случаѣ разтраты имѣнія, прямо взяты изъ Руской Правды, гдѣ сказано: «аже будутъ въ дому дѣти мали, а недюжи ся будутъ собою печаловатися, а мати имъ пойдетъ замужъ; то кто имъ ближній будетъ, тому же дати на руцѣ и съ добыткомъ и съ домомъ, до нелѣже возмогутъ.» Слѣдовательно законъ въ обоихъ памятникахъ прямою непосредственною опекуншею дѣтей признаетъ вдову мать, ежели она не пойдетъ замужъ. Или объ отвѣтственности вдовы за разтрату дѣтскаго имѣнія: «Аже жена ворчется сѣдѣти по мужѣ, а ростеряетъ добытокъ и пойдетъ замужъ; то

платити ей все дѣтемъ. «Такимъ образомъ Литовскій Статутъ первой редакціи вполнѣ слѣдуетъ Руской Правдѣ, только развиваетъ ее въ подробностяхъ, согласно съ современнымъ состояніемъ общества. Вторая редакція Статута удерживаетъ тоже основное правило, но прибавляетъ различіе между вдовою вѣнованною и невѣнованною, и предоставляетъ на волю вдовы принять опеку или непринять. И невѣнованная вдова принимая опеку, по второй редакціи Статута тогда только допускалась къ опекѣ, когда представляла по себѣ порукъ, которые въ случаѣ разтраты имѣнія обязывались платить всѣ убытки дѣтямъ. (Лит. Ст. II. p. V. ар. 10.) А по третьему Статуту жена вдова допускалась къ опекѣ только въ такомъ случаѣ, когда самъ мужъ назначалъ ее опекуншею въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Но если бы мужъ, умирая, въ своемъ завѣщаніи не назначилъ опекуновъ; то въ такомъ случаѣ опека переходитъ по закону не къ женѣ вдовѣ, а къ братьямъ мужа или другимъ его родственникамъ: вдовѣ здѣсь только предоставляется воспитаніе дѣтей, дочерей до выдачи въ замужство, а сыновей до отдачи въ училище, или до семилѣтняго возраста. (V. ар. II.) Такимъ образомъ права жены вдовы на дѣтей и имѣніе мужа въ продолженіе XVI столѣтія въ Юго-западной Руси потерпѣли сильное измѣненіе; жена вдова полная представительница мужа въ семействѣ по первому Литовскому Статуту, по третьему Статуту потеряла даже право на опеку, ежели не была назначена къ тому завѣщаніемъ мужа, за ней осталось только право воспитанія малолѣтныхъ дѣтей подъ надзоромъ опекуновъ. — Здѣсь очевидно было уже Польское вліяніе.

О наслѣдованіи мужа послѣ жены.

По Литовскимъ Статутамъ мужъ по закону не былъ наслѣдникомъ послѣ жены. Ежели бы жена умерла бездѣтною; то ея приданое, данное ея родственниками, возвращалось въ тотъ же домъ, изъ котораго оно выдано. (II. ст. p. V. ар. 17.) А ежели бы жена умерла, оставивши послѣ себя дѣтей; то ея имѣнье мужъ принималъ на такихъ же правахъ, какъ и жена при дѣтяхъ по смерти мужа принимала его имѣніе, т. е. на правахъ прямаго законнаго опекуна; и когда дѣти выростутъ, то долженъ былъ сдать имъ имѣніе, только необязывался давать отчета въ управленіи и сдавать имѣніе по описи, какъ другіе опекуны. Но подобно другимъ опекунамъ онъ не имѣлъ права отчуждать дѣтское имѣніе, и всѣ акты, которые бы онъ сдѣ-

лалъ по сему предмету, считались не дѣйствительными; такъ что дѣти, вступивши въ совершенный возрастъ, не пропустивши земской давности, всегда пользовались правомъ возвратить отчужденное отцомъ. Въ Статутѣ второй редакціи сказано: «Если бы отецъ мелъ дѣти недорослые лѣтъ, которые бы мели имѣнье материстое имъ записанное, тогды якъ дѣтми самыми отецъ, такъ и таковымъ имѣньемъ ихъ материстымъ и якимъ колвекъ ихъ властнымъ, опекунъ маетъ быти до лѣтъ ихъ дорослыхъ, а кгды лѣтъ доростутъ, маетъ имъ тые имѣнья зъ опеки своее пустити, и личбы никоторые имъ чинить неповиненъ. Однакъ часу опеки своее немаетъ моцы ничего оныхъ имѣней въ руки чужіе, а ни вѣчнымъ а ни заставнымъ правомъ и обычаемъ впущати; а хотяжъ бы и впустилъ, тогды то дѣтемъ шкодити немаетъ, але мають того на держачомъ доходити, толко бы давности выходши изъ опеки неомешкали.» (II. Ст. роз. VI. ар. 2.) Тоже повторяетъ и третій Литовскій статутъ, только съ прибавленіемъ: «А кгды бы отецъ а либо матка колко дѣтей въ опецѣ своей мели, а однобы съ тыхъ дѣтей лѣтъ доросло; тогды онъ толко его часть ему до ровного дѣлу пустити, а иншихъ недорослыхъ дѣтей з ихъ частями въ опецѣ своей мети маетъ до летъ такъ же каждаго з нихъ.» (III. Ст. р. VI. ар. 2.) т. е. Отецъ по мѣрѣ вступленія дѣтей въ совершенной возрастъ долженъ надѣлять ихъ слѣдующими имъ долями материнскаго наслѣдства, и освобождать отъ опеки. Это узаконеніе прямо вытекаетъ изъ Руской Правды, гдѣ по отношенію къ вдовѣ оставшейся съ дѣтьми послѣ мужа положены почти такія же правила. Вообще какъ по Литовскому Статуту, такъ и по Руской Правдѣ мужъ и жена въ отношеніи къ опекѣ надъ дѣтьми и дѣтскимъ имѣніемъ безразлично замѣняли другъ друга Это порядокъ чисто древній Рускій совершенно противоположный Польскому порядку, гдѣ по Статуту Владислава Ягеллона, отецъ, необязывался выдавать взрослымъ дѣтямъ ихъ имѣніе, оставшееся послѣ матери, до самой своей смерти, отдѣливши только его отъ своихъ имѣній, такъ что дѣти материнское имѣніе получали уже по смерти отца. (Band. pag. 205).

Но мужъ и жена взаимно могутъ наслѣдовать другъ послѣ друга, ежели имѣнье нажито ими вмѣстѣ, т. е. ежели бы до брака ни мужъ ни жена неимѣли имѣнія, а пріобрѣли оное уже во время брачной жизни. Литовскій Статутъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ихъ взаимное наслѣдованіе другъ послѣ друга: «Естли бы ся трафило, жебы убогій человѣкъ, немаючи жадное маетности своее, понялъ бы

жону, по которой бы тежъ ничого невзялъ, а потомъ бы се оба два посполу за помочью божою доробили, албо дослужили маетности; тогды жонѣ его зо всее маетности по немъ зостałое, маетъ быти выдѣлена третяя часть, а дѣтемъ власнымъ, которые бы съ мужомъ мела, две части. А естли бы дѣтей не было; тогды при всей маетности жона зостати маеть. А если бы жона тая потомъ безъ потомства змерла, а никому того незаписала; тогды по ее смерти тая маетность маеть спадати половица на кревныхъ оного мужа першого, а половица на кревныхъ ее. То се тежъ маеть разумѣти и о такой жонѣ, если бы первей мужа умерла; ижъ по ее смерти маетность на мужа и дѣтей ее приходити будетъ, и потомъ далей на близкихъ водлугъ сего артикулу.» (III. Стат. р. V. ар. 21.) Это узаконеніе совершенно согласно съ общимъ духомъ Рускаго общества, изкони принимавшаго полноправность жены и мужа. Въ современныхъ Литовскому Статуту Польскихъ законахъ мы этаго невстрѣчаемъ; слѣдовательно ясно что это законъ незаимствованный, а чисто Рускій, выработанный Рускою жизнію, и конечно за долго, до появленія его въ третьей редакціи Статута, уже существовавшій неписьменно въ обычаяхъ Рускаго общества.

Другой случай, когда мужъ наслѣдовалъ послѣ жены, былъ тотъ, ежели жена еще при жизни записала какую либо часть своего имѣнія на мужа. Прямаго закона этому Литовскій Статутъ не представляетъ: но нѣтъ сомнѣнія что это было именно такъ; ибо въ Статутѣ имѣніе жены, не оставившей послѣ себя дѣтей, тогда только возвращалась къ ея родственникамъ, когда она его никому не записала (III. стат. р. V. ар. 17.) Да и въ самой жизни дѣйствительно жены имѣли право записывать и записывали на мужей свои имѣнья. Такъ на это мы имѣемъ свидѣтельство въ дарственной записи, данной въ 1579 году княгинею Збаражскою, урожденною Мстиславскою, своему мужу князю Стефану Збаражскому на ее родовое имѣніе Кобыльникъ и дворецъ Жары. Въ записи княгиня пишетъ:» уживаючи въ томъ вольностей права посполитаго земского великаго княжества Литовскаго и ухвалы на сейму ватномъ Берестейскомъ въ року 1565 постановленой...ижъ кождому имѣньями своими отчизными, материстыми, выслужоными и якожъ колвекъ набитыми волно есть яко хотечи шафовати, будь огуломъ албо уздоймомъ, по половицы и по частямъ на вѣчность отдати, продати, отъ дѣтей и близкихъ отдалити, и водлугъ воли и подобанья своего записати. Про то я безъ жадный намовы и принужденья, одно по своей доброй воли,

имѣнье свое Кобыльникъ и дворецъ Жары, свою выслугу, лежачее въ повѣтѣ Ошмеискомъ, е. м. пану малжноку моему милому княжати Стефану Корыбутовичу Збаражскому даю, дарую, и симъ листомъ моимъ на вѣчность записую.» (Ак. Зап. Рос. Т. III. № 114.) Впрочемъ здѣсь уже наслѣдованіе идетъ не по закону, а по частной сдѣлкѣ или по завѣщанію, слѣдовательно по Литовскому Статуту собственно признавался только одинъ случай наслѣдованія мужа послѣ жены, когда мужъ и жена вмѣстѣ наживали имѣніе въ продолженіе своей брачной жизни.

О наслѣдованіи дѣтей отъ разныхъ матерей и отъ одного отца.

Въ наслѣдованіи дѣтей отъ одного отца и отъ разныхъ матерей по Литовскому Статуту былъ узаконенъ слѣдующій порядокъ. По первой редакціи Статута: «кто бы мелъ съ первою женою дѣти, а потомъ когды жена умретъ, и поймегъ другую, а съ тою другою также дѣти мети буде; тогды дѣти яко первое жоны, такъ и другое и третее и четвертое, и колко ихъ мети будетъ, ровную часть во всѣхъ имѣньяхъ его, яко у вотчизнѣ, такъ и въ выслугѣ и въ куплѣ мети будутъ.» (разд. IV ар. 15.) Здѣсь еще не ясно, какимъ образомъ дѣти разныхъ матерей наслѣдуютъ въ материнскихъ имѣніяхъ; но во второй редакціи это уже достаточно объяснено; тамъ сказано:» когды бы одинъ шляхтичь мелъ колко жонъ, а оные жоны мели бы ровное внесенье свое въ сумахъ пенежныхъ; тогды сынове, колко ихъ будетъ съ оныхъ жонъ, вси имѣнья отчизные маютъ по себе на ровные части подѣлити. А естьли бы которое жоны внесенье большей нижли иныхъ жонъ; на первей передъ роздѣломъ имѣней своихъ выровнати оное болшое внесенье матки братьи своей, ровное внесенье подѣливши, заплатити; тогды имѣнья отчизные на ровные части межи себе подѣлити» (раз. V. ар. 14.) Наконецъ въ третьей редакціи это узаконеніе выражено слѣдующимъ образомъ: «Кгды бы одинъ шляхтичь мелъ колко жонъ а оные жоны мели бы ровныя внесенья свои въ сумахъ пенежныхъ, а незаписавши мужу внесенья своего померли; тогды сынове, колко ихъ будетъ з оныхъ жонъ, вси имѣнья отчизные маютъ межи себе на ровныя части подѣлити. А если бы которое жоны внесенье болшое было, нижли иншихъ жонъ; тогды будутъ повинни дѣти иншихъ жонъ на первей передъ роздѣломъ имѣней своихъ выровнати оное болшое внесенье мат-

ки братьи своее, и што болшь сумы того внесенья которое жоны надъ внесенье иншихъ жонъ выносити будетъ, тотъ излишекъ сынове иншихъ жонъ той братьи своей, которыхъ матки внесенье болшое было, ровнымъ рахункомъ съ частей своихъ винни будутъ заплатити, пущаючи тежъ и рахуючи тотъ излишокъ заровно и на часть тыхъ братьи своее, которымъ то по матцѣ ихъ приходить, тогды жъ имѣнья отчизные на равныя части межи себе полѣлити.» (раз. V. др. 15.) По всѣмъ тремъ редакціямъ Литовскаго Статута законъ наслѣдованія дѣтей отъ разныхъ матерей и отъ одного отца въ основаніи своемъ одинаковъ съ закономъ Руской Правды по сему же предмету, потому и другому закону дѣти каждой матери наслѣдуютъ имѣнье своей матери; но въ тоже время самый порядокъ наслѣдованія въ Статутахъ и Руской Правдѣ неодинаковъ. По Руской Правдѣ имѣніе матери не смѣшивается съ отцовскимъ имѣніемъ, и прежде раздѣла отцовскаго имѣнья прямо переходитъ къ дѣтямъ той матери, чье имѣнье, какъ прямо сказано въ законѣ: «будутъ ли дѣти то что первое жены, то то возмутъ дѣти матери своея, любо си на жену будетъ взложилъ, обаче матери своея возмутъ.» Напротивъ того по Литовскому Статуту, особенно по первой редакціи, материнское имѣніе при дѣтяхъ по видимому совершенно смѣшивается съ имѣніемъ отца и безразлично идетъ въ равный раздѣлъ между дѣтьми отъ разныхъ матерей: «тогды дѣти, говоритъ законъ, яко первое жоны такъ и другое...ровную часть во всѣхъ имѣньяхъ его... мети будутъ.» Но по второй и по третьей редакціи Статута хотя и допускается смѣшеніе материнскихъ и отцовскаго имѣній; тѣмъ не менѣе материнскія имѣнія несовершенно затериваются въ отцовскомъ, и равный раздѣлъ между дѣтьми разныхъ матерей допускается только тогда, когда матери принесли равное приданое. А въ случаѣ если бы приданое было не равное; то дѣти по смерти отца до раздѣла еще выравниваютъ большее приданое противъ остальныхъ, т. е. отдѣляютъ лишнее и не включая въ раздѣлъ отдаютъ дѣтямъ той матери, чье приданое больше, остальныя же имѣнья какъ материнскія, такъ и отцовское, безъ различія поступаютъ въ равный раздѣлъ между дѣтьми всѣхъ матерей. Этотъ почти одинаковый порядокъ раздѣла во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута прямо показываетъ, что въ Югозападной Руси въ XVI столѣтіи женнино имѣніе при дѣтяхъ, въ случаѣ смерти жены находясь въ опекѣ мужа, по смерти сего послѣдняго считалось какъ бы однимъ нераздѣльнымъ съ его собственнымъ имѣніемъ, и отдѣльность того

или другаго женщина имѣнія опредѣлялась только тѣми записями, по которымъ та или другая жена приносила въ мужнинъ домъ свое приданое, и по которымъ по смерти отца дѣти разбирали, которой матери приданое больше, которой меньше, или которыя приданыя равны между собою. Этотъ порядокъ владѣнія женщинымъ имѣніемъ и раздѣла имѣній разныхъ женъ между дѣтьми совершенно одинаковъ съ порядкомъ наблюдавшимся въ Мазовіи, откуда Юго-западная Русь очевидно и заняла его. Доказательство этому мы находимъ въ древнихъ Мазовецкихъ законахъ принятыхъ на Варшавскомъ сеймѣ въ 1531 году, гдѣ также сказано, что дѣти разныхъ матерей дѣлятъ поровну отцовское и материнское имѣніе, ежели приданое матерей было равно; а ежели одной матери приданое было больше; то дѣти другихъ матерей должны выровнять это приданое своимъ братьямъ до раздѣла, а потомъ уже все имѣніе дѣлить поровну. (Band. pag. 389—390.) Тоже нѣкоторымъ образомъ, хотя и неясно, находимъ въ коронномъ Польскомъ Статутѣ Владислава Ягейлы изданномъ въ 1420 году. (Band. pag. 205).

О наслѣдованіи дочерей послѣ отцовъ и сестеръ послѣ сестръ.

По Литовскому Статуту по всѣмъ редакціямъ также какъ и по Руской Правдѣ дочери при сыновьяхъ нещитались наслѣдницами отцовскаго имѣнія; но согласно съ Рускою Правдою Литовскій Статутъ требуетъ, чтобы по смерти отца дочери получали приданое изъ отцовскаго имѣнія, и здѣсь установляетъ слѣдующій порядокъ. По первой редакціи Статута требуется, чтобы сыновья до раздѣла еще отцовскаго имѣнія оцѣнили его на деньги, и потомъ отдѣлили четвертую часть всей суммы на выдачу сестрамъ приданаго; и эта четвертая часть одинаково отдѣляется, будетъ ли нѣсколько дочерей или одна, а остальныя три части дѣлятся между сыновьями, сколько бы ихъ ни было. (разд. IV. ар. 8.) По второй и третьей редакціи Статута выдача дочерямъ приданаго изъ отцовскаго имѣнія опредѣляется такъ: если бы отецъ еще при жизни своей выдалъ замужъ которую либо изъ своихъ дочерей; то по смерти его, ежели въ духовномъ завѣщаніи не будетъ упомянуто о приданомъ остальныхъ дочерей, сыновья обязаны на приданое сестрамъ отдѣлить по порядку четвертую часть изъ всего наслѣдства, и раздѣлить ее поровну на приданое незамужнимъ сестрамъ. Причемъ въ случаѣ, ежели доля каждой незамужней сестры изъ четвертой части наслѣдства будетъ

больше чѣмъ, сколько дано приданаго за сестрою выданною замужъ при жизни отца; то братьямъ дается на усмотрѣніе выровнять ли доли незамужнихъ сестеръ противъ приданаго замужней сестры, или невыравнивая раздѣлить только между ими четвертую часть имѣнія оставшагося послѣ отца. (раз. V. ар. 3.) Этотъ порядокъ совершенно самостоятельный, выработанный общественною жизнію Югозападной Руси, его мы не видали ни въ Руской Правдѣ ни въ Сѣверовосточныхъ Рускихъ законодательныхъ памятникахъ, ни въ Польскомъ законодательствѣ. Правду сказать въ Польшѣ, именно въ Коронной Конституціи 1588 года, есть правило, что дочери по смерти отца получаютъ приданое, соотвѣтственно съ приданымъ, которое дано дочери выданной замужъ при отцѣ, но эта соотвѣтственность въ приданомъ меньшихъ дочерей, противъ большой выданной самимъ отцомъ, допускалась только тогда, когда объ этомъ было упомянуто въ духовномъ завѣщаніи отца. А когда въ духовной объ этомъ не было упомянуто, то по смерти отца приданое выдавалось дочерямъ по совѣту двухъ родственниковъ съ отцовской стороны и двухъ съ материнской стороны, объ отдѣленіи же братьями четвертой части всего отцовскаго наслѣдства на приданое сестрамъ въ Польскихъ законахъ современныхъ Литовскому Статуту, неупоминается.

Наконецъ Литовскій Статутъ опредѣляетъ порядокъ наслѣдованія послѣ бездѣтныхъ замужнихъ сестеръ. По этому порядку ежели бы бездѣтная замужняя сестра, имѣвшая при выдачѣ въ замужство приданое отъ братьевъ изъ четвертой части отцовскаго наслѣдства, умерла ни кому его незаписавши, а одна изъ ея сестеръ еще не была выдана замужъ и невыпосажена; тогда приданое покойной по праву наслѣдства шло не къ братьямъ, а къ незамужней сестрѣ. А если бы не замужней сестры не было; то приданое покойной переходило къ братьямъ и ихъ помомкамъ. А ежели бы ни было не братьевъ, ни ихъ потомковъ; то приданое переходило къ замужнимъ сестрамъ покойной и къ ихъ потомкамъ. Такъ было узаконено по второй и третьей редакціи Литовскаго Статута, въ первой же редакціи объ этомъ предметѣ во все не упоминается. (II. стат. разд. V. ар. 17. III стат. разд. V. ар. 19.) Подобное узаконеніе мы уже видѣли въ Псковской судной грамотѣ.

Итакъ Югозападная Русь, относительно порядка наслѣдованія по закону, пошедши отъ однихъ началъ съ сестрою своею Сѣверовосточною Русью пришла не къ однимъ результатамъ. И хотя

подобно сѣверовосточной Руси она допустила къ наслѣдованію по закону всѣхъ родственниковъ низходящихъ, возходящихъ и боковыхъ, безъ различія въ раздѣленныхъ и нераздѣленныхъ семьяхъ; тѣмъ не менѣе въ частностяхъ многое узаконила иначе, по своему взгляду на предметъ, выработанному общественною жизнію бывшею въ другихъ обстоятельствахъ, а не въ тѣхъ, въ которыхъ была Московская Русь, многаго не приняла, что было принято Сѣверо-восточную Русью, и иное хотя очень немногое заимствовала со стороны подъ вліяніемъ Польши. А что всего важнѣе Югозападная Русь въ своемъ законодательствѣ и жизни въ слѣдствіе своего зависимаго положенія, строже и упорнѣе Сѣверо-восточной Руси придерживалась основныхъ началъ завѣщанныхъ Рускою Правда и старыми обычаями, и нѣкоторыя изъ нихъ по Литовскимъ статутамъ сохранила довольно цѣльными, о чемъ Сѣверо-восточная Русь болѣе свободная и независимая менѣе заботилась.

Такимъ образомъ изконное Руское ученіе о наслѣдствѣ по закону, въ продолженіи времени отъ X-го столѣтія, какъ оно въ первый разъ высказалось въ договорѣ Олега съ Греками, до половины XVII столѣтія. или до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, подвергалось многимъ измѣненіямъ, совершавшимся согласно съ развитіемъ жизни Рускаго общества и подъ вліяніемъ Номоканона, принесеннаго церковію изъ Византіи.

Съ начала ученіе о наслѣдствѣ въ договорѣ Олега съ Греками высказалось довольно темно, договоръ лишь намекнулъ, что право наслѣдства по закону принадлежитъ одному только низходящему потомству. Но этотъ намекъ съ перваго же раза явился вполнѣ согласнымъ съ опредѣленнымъ и яснымъ ученіемъ Руской Правды о томъ же предметѣ, появившимся письменно въ XII столѣтіи, и поставилъ Руское ученіе о наслѣдствѣ въ полномъ сочувствіи и родствѣ со всѣми Славянскими законодательствами, образовавшимися въ изконномъ общинномъ бытѣ, и въ тоже время показалъ, что ученіе сіе въ самыхъ основахъ своихъ разногласитъ съ ученіемъ о наслѣдствѣ у Германцовъ и у другихъ народовъ, жившихъ подъ вліяніемъ родоваго быта.

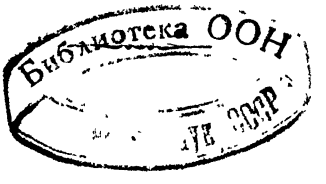
Греческій Номоканонъ принесенный церковію изъ Византіи хотя съ перваго же раза пріобрѣлъ на Руси большое значеніе, и дѣла о наслѣдствѣ прямо переданы суду церкви; но не смотря на то Византійское ученіе о наслѣдствѣ по закону долго еще немогло войти ни въ жизнь Рускаго общества, ни въ Рускіе законодательные памятники, старые юридическіе обычаи Славянъ долго и упорно боролись съ требованіями Номоканона. Руская Правда еще представляетъ чисто Руское ученіе о наслѣдствѣ и старается подчинить Номоканонъ Рускому возрѣнію въ отношеніи къ этому предмету; въ ней мы находимъ и число Славянское раздѣленіе права наслѣдованія на два вида, на наслѣдство у общинниковъ и наслѣдство у вотчинниковъ, и ограниченіе права наслѣдованія однимъ семействомъ, и полное отрицаніе правъ рода, и предпочтеніе сыновей дочерямъ, чего вовсе непаходимъ въ Византійскомъ законодательствѣ. Правила Номоканона стали приниматься на Руси въ болѣе обширномъ примѣненіи нераньше XIV столѣтія. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ это примѣненіе въ первый разъ въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ уже нѣтъ различія между наслѣдствомъ у общинниковъ и наслѣдствомъ у вотчинниковъ, и гдѣ допускаются къ наслѣдованію не одни низходящіе, но и возходящіе и боковые родственники; но и здѣсь Номоканонъ принятъ въ далеко не полномъ развитіи. Псковская судная грамота, относительно права наслѣдованія по закону, многое еще опредѣляетъ на основаніи началъ Руской Правды и изконныхъ Рускихъ обычаевъ, далеко несогласныхъ съ Византійскими узаконеніями. Самое допущеніе къ наслѣдству возходящихъ и боковыхъ родственниковъ еще не выражало полнаго принятія основныхъ правилъ Номоканона; по Псковской грамотѣ еще главнымъ наслѣдникомъ была семья, а не фамилія, не родъ; наслѣдство переходило къ возходящимъ и боковымъ родственникамъ только тогда, когда оно было выморочнымъ, когда неоставалось на лицо ни одного члена семьи; и право наслѣдованія соображалось не столько съ близостію степеней родства, сколько съ близостію наслѣдника съ семействомъ; такъ что въ нераздѣльной семьѣ, хотябы состоявшей не изъ близкихъ родственниковъ, наслѣдство переходило къ члену семьи, перѣдко чужеродцу, пріемышу, мимо ближайшихъ родственниковъ, отдѣлившихся отъ семьи. Этотъ чисто Рускій порядокъ наслѣдованія, вытекшій изъ самой жизни общества, и доселѣ еще сохраняется въ юридическихъ обычаяхъ нашихъ крестьянъ, ко-

торыхъ не коснулись позднѣйшіе уставы положительнаго законодательства.

Начиная съ конца XV вѣка, т. е. съ изданія перваго Судебника, до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича, основныя правила Руской Правды и изконныхъ юридическихъ обычаевъ, относительно порядка наслѣдованія по закону, отступаютъ на вторый планъ и правила Номоканона берутъ надъ ними перевѣсъ, особенно въ Сѣверовосточной Руси. Оба Судебника и дополнительныя къ нимъ статьи уже ясно признаютъ порядокъ наслѣдованія нисходящихъ восходящихъ и боковыхъ родственниковъ, согласно съ Номоканономъ неограничиваясь преимущественнымъ правомъ семьи, какъ бывало прежде. Особенно съ царствованія Михаила Ѳеодоровича относительно порядка наслѣдованія Номоканонъ сильно тѣснитъ Руские юридическіе обычаи; царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и его отецъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, почти постоянно въ своихъ законахъ о наслѣдствѣ, ссылаются на правила св. Апостолъ и святыхъ отецъ, т. е. на Номоканонъ. Съ этаго же времени къ Номоканону присоединились государственныя соображенія правительства, которыя въ продолженіи XVI и XVII столѣтій постоянно стрѣмились подчинить частное право наслѣдованія общимъ государственнымъ цѣлямъ. Положительное законодательство, начиная съ Судебниковъ, оставивши при старыхъ юридическихъ обычаяхъ всю огромную массу необязанныхъ службою собственниковъ и общинниковъ, выступило на широкій путь преобразованій и заимствованій, ему было удобно справляться съ служилыми вотчинниками, заинтересованными выгодами государственной службы, и нововведеніямъ и заимствованіямъ, какъ мы уже видѣли, не было конца въ продолженіи всего времени отъ изданія царскаго Судебника, само Уложеніе царя Алексѣя Михайловича неостановило ихъ. Положительное законодательство, разъ соединившви государственные интересы съ частнымъ правомъ, смѣло пошло по новому пути и дошло до указа о единонаслѣдіи, (23 Марта 1714 года) по которому всѣ недвижимыя имѣнія,—родовыя, выслуженныя, и купленныя, вотчины и помѣстья, дворы и лавки потеряли истинное значеніе частной независимой собственности, ихъ нельзя уже было ни продавать, ни закладывать, ни дарить, ни дѣлить между дѣтьми и родственниками, по указу они всѣ нераздѣльно принадлежали одному наслѣднику. Но здѣсь это направленіе встрѣтило неодолимую преграду, и указъ непринятый жизнію, прочисливишись дѣйствующимъ закономъ около 17 лѣтъ, и породивъ мно-

жество ссоръ, клятвопреступленій, обмановъ и убійствъ, [1] наконецъ 17 Марта 1731 года былъ отмѣненъ, и положительное законодательство относительно порядка наслѣдованія получило иное направленіе болѣе согласное съ идеею частнаго права.

Въ одно время съ Московскою Русью и Русь Югозападная разширила право наслѣдованія на все родство согласно съ Номоканономъ; но тамъ нововведеніямъ и заимствованіямъ не было такого раздолья, какъ въ Москвѣ. Югозападная Русь тѣснимая Польскомъ вліяніемъ упорнѣе отстаивала старину, и относительно закона о наслѣдованіи удержала большую часть основныхъ правилъ Рускої Правды и изконныхъ юридическихъ обычаевъ, которые перешедши въ Литовскіе Статуты, частію дѣйствуютъ въ тамошнемъ краѣ и въ настоящее время.

[1] Полн. Собр. Закон. Росс. Имп. № 5717.